

Литературно-художественный журнал

ЕВРОПЕЙСКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

EVROPEJSKAJA SLOVESNOST

Выпуск 12

Кёльн

2017

Литературно- художественный журнал

ЕВРОПЕЙСКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

Выпуск 12

Кёльн

2017

Содержание

Леонид Губанов	2	Владимир Макуров	59
Владимир Пучков	9	Лев Либолев	64
Ольга Олгерт	13	Татьяна Литвинова	67
Александр Петрушкин	19	Людмила Свирская	71
Татьяна Кайсарова	24	Thierry Langhetee	76
Сергей Попов	27	Николай Сыромятников	78
Елизавета Мартынова	31	Надежда Буранова	82
Тамара Воронцова	37	Евгений Грачёв	85
Игорь Джерри Курас	40	Юрий Алтайцев	89
Александра Ковалёва	45	Сергей Пагын	91
Ольга Глапшун	51	Татьяна Некрасова	96
Rafael González Crespo	51	Юрий Горбачев	99
Ana Vila Portomeñe (Ana Vila)	53	Фёдор Ошевнев	103
José Estévez López	55		
Toño Núñez	57		

В журнале представлены фотоработы Владимира Бравве(Vlad Bravve)(г.Бостон, США) и Ольги Олгерт(г.Кёльн, Германия)

Все материалы публикуются в авторской редакции

Редколлегия

Ольга Олгерт, Кёльн- главный редактор

Лариса Черезова, Кёльн(Германия)
филолог, журналист

Юрий Эйхман, Кёльн(Германия)
журналист, дизайн

Ярослав Антониук, Астана(Казахстан)
художник, журналист

Электронный адрес: slovesnost@web.de

Импрессум

Европейская словесность

Evropejskaâ slovesnost'

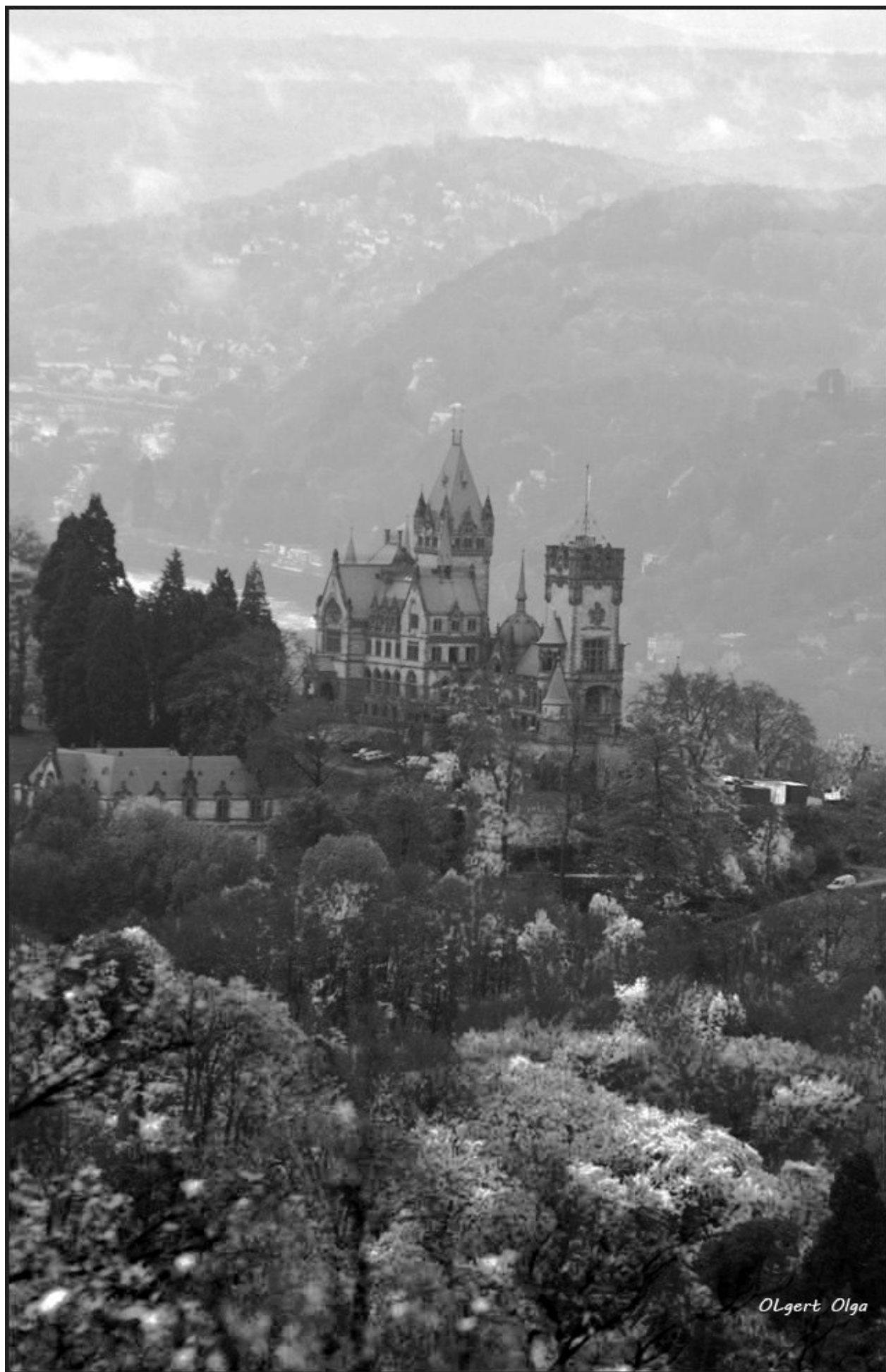
Ausgabe 12(12), 2017

Verleger: Olga Olgert,

Verantwortlich i.S.d.P.R. O.Olgert

E-Mail: slovesnost@web.de

ISSN 2194-1211

Olgerd Olga

ГУБАНОВ
Леонид
Георгиевич,
поэт
(20.7.1946
Москва —
8.9. 1983 там
же). Мать
Губанова
работала в
ОВИРе.
Губанов
опубликовал
первые свои
стихи в
возрасте 15-
ти лет в газ.

«Пионерская правда». На него рано обратили внимание известные авторы. Состоялась публикация в журнале «Юность» (1964, N 6), но его «затем подвергли издательскому разгрому» в официальной критике. Дальнейший путь Губанова проходил в сфере неформальной культуры. Вместе с В. Алейниковым и Ю. Кублановским он основал в середине 60-х гг. независимое лит. объединение СМОГ, от первых букв слов Смелость, Мысль, Образ, Глубина, иронически называемое также Самое Молодое Общество Гениев. За 4 года существования эта группа молодых поэтов в неформальных кругах Москвы стала известной и признанной благодаря стихам и выступлениям. В 1965 после участия в демонстрации Губанова на какое-то время поместили в психиатрическую клинику. Журнал «Грани» в 1966 впервые обратил внимание на Губанова, напечатав подборку стихов СМОГа. За этим последовала публикация отд. стихов в антологии «Аполлон 77», в журн. «Время и мы» и «Стрелец». Губанов умер, как и предсказал в своем стихотворении «Полина», в возрасте 37 лет...

*(Вольфганг Казак (Лексикон русской литературы XX века)
Фото – В. Сычёва (1976 г.)*

Редакция благодарит супругу Леонида Губанова - Ирину Губанову за помощь и предоставленные материалы.

МОЛИТВА

Моя звезда, не тай, не тай,
Моя звезда — мы веселимся,
Моя звезда не дай, не дай
Напиться или застрелиться.
Как хорошо, что мы вдвоем,
Как хорошо, что мы горбаты
Пред Богом, а перед царем
Как хорошо, что мы крылаты.
Нас скосят, но не за царя,
За чьи-то старые молебны,
Когда, ресницы опала,
За пазуху летит комета.
Моя звезда, не тай, не тай,
Не будь кометой той задета
Лишь потому, что сотню тайн
Хранят закаты и рассветы.
Мы под одною кофтой ждем
Нерукотворного причастья
И задыхаемся копьем,
Когда дожди идут не часто.
Моя звезда — моя глава,
Любовница, когда на плахе
Я знаю смертные рубахи
Крахмаленные рукава.
И все равно, и все равно,
Ад пережив тугими нервами,
Да здравствует твоё вино,
Что льется в половине первого.
Да здравствуют твои глаза,
Твои цветы полупечальные,
Да здравствует слепой азарт
Смеяться счастьем за плечами.
Моя звезда, не тай, не тай,
Мы на шумели, как гостиница,
И если не напишем - Рай,
Нам это Богом не простится.

ИМПРОВИЗАЦИЯ

В. Хлебникову

Перед отъездом серых глаз
Смеялись черные рубахи,
И пахло сеном и рыбалкой,
И я стихотворенье пас.
Была пора прощальных — раз
Перед отъездом серых глаз.
О Лес — вечерний мой пустыш,
Я вижу твой закатный краешек,
Где зайца траурную клавишу
Охотник по миру пустил.
Прости, мой заспанный орешник,
Я ухожу туда, где грешен,
Туда, где краше всё и проще

И журавли бельё полощут.
И вновь душа рисует грусть,
И мне в ладонях злых и цепких
Несут отравленную грудь
Мои страдающие церкви.
Во мне соборно, дымно, набожно,
Я — тихий зверь, я на крестах,
Я чье-то маленькое — надо же —
На неприкаянных устах!

СЕРЫЙ КОНЬ

Я беру кривоногое лето коня,
как горбушку беру, только кончится вздох.
Белый пруд твоих рук очень хочет меня,
ну а вечер и Бог, ну а вечер и Бог?

Знаю я, что меня берегут на потом,
и в прихожих, где чахло целуются свечи,
оставляют меня гениальным пальто,
выгребая всю мелочь, которую не в чем.

Я стою посреди анекдотов и ласк,
только окрик слетит, только ревность
притухнет,
серый конь моих глаз, серый конь моих глаз,
кто-то влюбится в вас и овес напридумает.

Только ты им не верь и не трогай с крыльца
в тихий, траурный дворик «люблю»,
ведь на медные деньги чужого лица
даже грусть я тебе не куплю.

Осыпаются руки, идут по домам,
низкорослые песни поют,
люди сходят с ума, люди сходят с ума,
но коней за собой не ведут.

Снова лес обо мне, называет купцом,
говорит, что смешон и скуласт.
Но стоит как свеча над убитым лицом
серый конь, серый конь моих глаз.

Я беру кривоногое лето коня...
Как он плох, как он плох, как он плох!
Белый пруд твоих рук не желает понять...
Ну а Бог?

Ну а Бог?

Ну а Бог?

(1964)

СТИХОТВОРЕНИЕ О БРОШЕННОЙ ПОЭМЕ

Посвящается А. Галичу

Эта женщина недописана,
Эта женщина недолатана.
Этой женщине не до бисера,
А до губ моих - Ада адова...

Этой женщине только месяцы,
Да и то совсем непорочные.
Пусть слова ее не ременятся,
Не скрипят зубами молочными.

Вот сидит она, непричастная,
Непричесанная, ей без надобности.
И рука ее не при часиках,
И лицо ее не при радости.

Как ей хмурится, как ей горбится,
Непрочитанной, обездоленной.
Вся Душа ее в белой горнице,
Ну, а горница недостроена.

Вот и все дела, мама-вишенка!
Вот такие вот, непригожие.
Почему она — просто лишенка.
Ни гостиная, ни прохожая?

Что мне делать с ней, отлюбившему,
Отходившему к бабам легкого?..
Подарить на грудь бусы лишние,
Навести румян неба летного?!

Ничего-то в ней не раскается,
Ничего-то в ней не разбудится?
Отвернет лицо, сгонит пальцы,
Незнакомо-страшно напудрится.

Я приеду к ней как-то пьяненьким,
Завалюсь во двор, стану окна бить,
А в моем пальто кулек пряников,
А потом еще что жевать и пить.

Выходи, скажу, девка подлая,
Говорить хочу, все, что на сердце...
А она в ответ: "Ты не подлинный,
А ты вали к другой, а то хватит!"

И опять закат свитра черного,
И опять рассвет мира нового.
Синий снег да снег, только в чем-то мы
Виноваты все невиновные.

Я иду домой, словно в озере
Карасем иду из мошны.

Столько женщин мы к черту бросили —
Скольким сами мы не нужны!

Эта женщина с кожей тоненькой.
Этой женщине из изгнания
Будет гроб стоять в пятом томике
Неизвестного мне издания.

Я иду домой, не юлю,
Пять легавых я наколол.
Мир обидели — как юлу —
Завели, забыв на кого?

(1964)

В КОЛЬЧУГЕ ТРЕЗВОСТИ

Льву Рыжову

Не знаю я, что мне дороже:
слепая правда или ложь?
Но мне бы бархат Царской ложи,
но мне бы в руки — царский нож.

Я — самый главный уголовной
и уголовник неба вечный,
где Бог счастливой головой
шакалит грусть судьбы беспечной.
В пивных ларьках надежды вышколены,
не продают нас, а меняют,
и птицы в небе пахнут вышками,
и крылья в смерти обвиняют.
Я снова жду отряд карательный
в душе разнузданной своей,
где лик Казанской Божьей Матери
и на знамёнах — соловей.
Где белый стих не приземлится,
где чёрный стих не подведёт,
где родина, как продавщица,
оценит голову вперёд.
Наложит что, венок из лавра?
Или терновый даст венец?
Мне всё равно - какая слава,
и всё равно - какой конец.

Я только знаю, поздно, рано ли,
познав другую благодать,
я буду бронзовый и мраморный
под тихим солнышком стоять.
Другое зная будет виться,
другие люди говорить,
и поумневшая столица
мои пророчества хвалить.
Погаснут вещие рубины,
дожди у ног моих кланя...

Простые горькие рябины
пускай цитируют меня.

Не треплет бронзовую чёлку,
душа не требует вина,
а за спиной портреты чёрта
дерет весёлая шпана!

* * *

Моя свеча, ну как тебе горится?
Вязанье пса на исповедь костей,
пусть кровь покажет, где моя граница,
пусть кровь подскажет, где моя постель!
Моя свеча, ну как тебе теряется?
Не слезы это — это вишни карие,
и я словоохотлив, как терраса -
в цветные стёкла жду цветные камни.
В саду прохладно, как в библиотеке,
в библиотеке сладко, как в саду...

И кодеин расплатится в аптеке,
как Троцкий в восемнадцатом году.

* * *

Глаз ваших луг вечнозелёный
пошлёт улыбку мне, опавшему,
потом поэмы заклеимённые
придут судить,
придут допрашивать.
Там будет много разных танцев
семи отверженным богам,
и я каракулями стансы
пойду писать по облакам.
Колодец мне попить оставит,
ржаное поле даст зерно,
берёза русская прославит
мой голос — горько неземной.
Одна дорога приголубит,
другая босиком простит
и чёрный хлеб презренье купит,
чтобы от сытости спасти.
Я ненавижу в мире лести
наивный фиговый листок...
Там, где любая фальшь на месте,
и в кандалах гремит восторг.
Я не оставлю им ни слова,
ни головы своей, ни скрипки,
ни охмелевшей запятой...
И завещание безброво,
как Джиоконда, всё в улыбке
над чьей-то жизнью золотой.
Пусть в этом мире я кочую,
на рельсы голову пролив,

я верю в чудную кольчугу
бессмертно закаленных рифм.
Я верю в свой надежный панцирь,
который стоит тайну тайн,
лишь на серебряные пальцы
холодный мел и уголь дай.
И если мною говорит
прелестный Дух и вечный странник,
то пусть звезда моя горит
на чёрном лбу у мироздания.
И пусть тот, кто меня читал,
себе зарубит непременно:

что небо — это мой чердак,
где я ночью ежедневно!

ЖДИТЕ

Ждите палых колен,
ждите копоть солдат
и крахмальных карет,
и опять баррикад,
ждите скорых цепей
по острогам шута,
ждите новых Царей,
словно мясо со льда,
возвращение вспять,
ждите свой Аллилуй,
ждите жёлтую знать
и задумчивых пуль,
ждите струн или стыд
на похмельном пиру,
потому что просты
и охаять придут.
Потому что, налив
в ваши глотки вина,
я — стеклянный нарыв
на ливрее лгуна,
и меня не возьмёт
ни серебряный рубль,
ни нашествие нот
ни развалины рук.
Я и сам музыкант,
ждите просто меня,
так, как ждёт мужика
лоск и ржанье коня.
Не с мошною — так раб,
не с женою — так ладь,
ждите троицу баб,
смех берёзы ломать,
никуда не сбегать,
если губы кричат,
ты навеки свежа,
как колдунья — свеча.
О, откуда мне знать
чудо, чарочка рек,

если волосы взять,
то светло на дворе!!!

ШАЛАШ НАСТРОЕНИЯ

Все будет у меня — и хлеб, и дом,
и дождик, что стучит уже отчаянно,
как будто некрещеных миллион
к крещеным возвращаются печально.

Заплаканных не будет глаз одних,
проклятья миру этому не будет.
Благословляю вечный свой родник
и голову свою на черном блюде.

И плащ, познавший ангела крыло,
и смерть, что в нищете со мною мается,
Простое и железное перо,
которое над всеми улыбається.

А славе, беззащитной, как свеча,
зажженной на границе тьмы и тленья,
оставлю, умирая, невзначай —
бессмертные свои стихотворенья.

Все будет у меня — и хлеб, и дом,
и Божий страх, и ангельские числа,
но только, умоляю, будь потом —
душа, отцеловавшая отчизну!..

* * *

Природа плачет по тебе,
как может плакать лишь природа.
Я потерял тебя теперь,
когда лечу по небосводу

своей поэзии, где врать
уже нельзя, как солнце выкупать,
где звезды камнем не сорвать
и почерк топором не вырубить.

Природа плачет по тебе,
а я-то плачу по народу,
который режет лебедей
и в казнях не находит брода

который ходит не дыша,
как бы дышать не запретили,
которым ни к чему душа,
как мне мои же запятые.

Природа плачет по тебе,
дай мне забыть тебя, иначе —
о, сколько б смеха не терпел,
и я с природою заплачу!..

* * *

Я тоскую с тобой по Чуду,
в этом нет никакой причуды.
По предательству так — Иуда,
Магдалина так — по губам.

Да, я плачу, но и плачу я,
будь же доброй и будь же чуткой,
я тоскую с тобой по Чуду,
как ни с кем я не тосковал!

Ну, а ты в этом Море грешном
будь же ласковой, будь же нежной.
И предсмертной Любви безбрежной
Милосердна будь, как сестра.

Замело меня вьюгой снежной,
завело меня в стан мятежный,
и прилежная грусть прилежно
надо мною гнездо свила.

Я тоскую с тобой по Чуду,
по невиданным небесам,
даже мёртвый я верен буду
сим влюбленным своим глазам!!!

* * *

Меняю я трехкомнатную грусть
на однокомнатную радость.
И век двадцатый я меняю, Русь,
на век тринадцатый, где сладость!!!

* * *

Я родился, чтобы пропеть,
отзвенеть на ветру осиною.
Я родился, чтобы терпеть
смех твой звонкий и свет твой синий.
Я родился, чтобы понять
век погромный и миг наш краткий.
Я влюбился, чтобы обнять
мир огромный и стан твой сладкий,
виноградную гроздь сломать,
гвоздь погнуть и шагнуть в бессмертье.
Я родился, чтобы с ума
вас свести, как рисунок с меди.
И вдали черешневых глаз,
звездам преданный как собака,
я родился, чтобы хоть раз
на груди у Счастья заплакать.

В этом зеркале — небеса.
В небесах — золотая тайна.

Тайна в том, что я написал,
ведь родился я не случайно!!!

* * *

Мы себя похоронили —
ни уздечки, ни седла,
только крылья, только крылья
только песня нам с утра.

Только птицею взвиваться,
небеса благодарить,
никогда за хлеб не драться,
а парить, парить, парить!

И своим орлиным оком
видеть то, что проще нас, —
люди ходят ведь под Богом,
мы живем у Божьих глаз.

И летаем и воркуем.
Гимн несслыханный вдвоём,
нас стреляют, мы — ликуем!
Распинают, мы — поем!

И сгорев, мы воскресаем
Вознесенья вешним днем.
Небо с синими глазами
в сердце плещется моим!!!

* * *

Когда на душе, словно в келье, сожженной
свечами столетий,
уже не помогут ни милые жены,
ни робкие дети.
Уже не помогут ни звонкие струны,
ни светлые даты.
Уже не для Бога и золоторунная
рукопись Данте.
И счастье не в счастье, и горе не в горе,
и яда не слаще,
и мы зарифмованы насмерть — прибоем
тоски настоящей.
И та красота, что стояла за мною
в молитве упрямо,
смотри, осыпается черной золою
в могильную яму.
А та гениальность, как свет от лампы,
прозрачно-невинна —
ее забросали камнями из Ада,
и солнца не видно.

Когда на душе, словно в келье, сожженной
свечами столетий,

уже не помогут ни нежные жены,
ни гордые дети,
ни светлые лица икон, ни треножник.
И это на свете,
где был я как птица,
где был я как дождик,
где был я как ветер!..

* * *

Любуюсь липами и вами,
Елейным, липовым Иваном.
Ах, в осень только на стихах
Такие чувства настигать.
Но ваше сердце Вечность, кремень.
Я подсмотрел судьбу и знаю —
Как тяжело крестит рот свой Время,
Чепец соборов не снимая.
Старушка мучается дурью.
О, Время! Лапти промотав,
На пальцах деревень бандурят
Твои тугие провода.
Да, кто сильнее, тот выживает
И выжигает старый след.
Но как чудесно вышиванье,
Которое рождает Свет!

* * *

Мечты великой перекресток,
Где без креста гуляют с хрустом,
Где вам без блеска и без блесток
Осталось жить светло и устно.
Где — знаю — голыми руками
Не вытащить моих заноз.
Лукавы слуги пустяками
И за нос водит нас погост.
Я знаю черный страх погони
И пьяно-горький крик — гони!
Я вижу розу на иконе
С веселым словом — позвони.
Необходимая печальна —
Кому же теплится она?
На чердаке Новопесчаной,
Где две бутылки у окна.
Не поржавею в пустомелю
Не пожирнею на корню —
Я знаю, все, что я имею
Нацеловавшись, догоню.

И что мне шепот чей-то праздный,
Уставшей шубы шепоток.
Я вам не белый и не красный
Я вам — оранжевый игрок.
Одни меня тихонько греют,

Другие падать не дают,
А я далекий вижу берег,
Где по портретам узнают.
Судьба — как девочка отчаянная,
Что на бульвар пьяна в куски.
А я люблю ее случайно,
обняв до гробовой доски!

Ван Гог

Опять ему дожди выслушивать
И ждать Иисуса на коленях.
А вы его так верно сушите,
Как бред, как жар и как холера.
Его, как пса чужого, били вы,
Не зная, что ему позволено —
Замазать Мир белилом Библии
И сотворить его по-своему.
Он утопал, из дома выселясь,
Мысль нагорчили, ополчили.
Судьба в подтяжках, словно виселица,
Чтобы штаны не соскочили.
Ах, ей ни капельки не стыдно —
Ведь в ночь, когда убийство холила,
Морщинистое сердце стыло —
И мямлило в крови — ох, холодно!
Эх, осень-сенюшка-осенюшка,
В какое горбшко осели мы?
Где нам любить?

Где нам висеть?

Винсент?

Когда зарю накрыла изморозь,
Когда на юг уплыли лебеди,
Надежда приходила издали
С веселыми словами лекаря.
Казалось — что и боль подсована
И поднимается, как в градуснике,
А сердце — как большой подсолнух,
Где выскребли все семя радости.
Он был холодный и голодный.
Но в белом Лувре, в черной зале,
Он на вопрос: "Как вы свободны?"
— "На вечность целую я занят", —
Ответил, чтоб не промахнуться,
С такой улыбкой на лице,
...Как после выстрела, в конце.
Великие не продаются!

Olger OLga

Владимир Пучков
(г.Владимир)

Владимир
Пучков
родился 3
декабря 1951
года. Пишу с
12 лет.

Публиковался вначале в местной прессе.
Потом в региональной. Потом в столичной.
Журналы Дружба Народов, Октябрь, Новая
Юность, Литературная газета, Литературная
Россия, Автор книг: ЭКЛОГИ, Зимняя ветвь,
Зеница неба, Небесная флейта, Косточка
Мира. Лауреат премий: Артийская,
Тютчевская, Перекресток, Очарованный
Странник, Литературная Россия, гран-при
премии СТРАНА, Теффи, Живу во
Владимире и в Москве,

Мы спим в сердцевине пространства, в куске
синевы,
В хрустальной чернильнице неба, в холодном
огне,
И воздух, как пламя спиртовки, бежит из
травы,

И ломкие тени танцуют на белой стене.
Еще мы не сбылись, еще нас напишет
Господь,
В чернильницу неба макнув золотое перо,
И буквы прозрачны, как наша упрямая плоть,
И свиток земли – это косточка мира, ядро.

* * *

Побережье ночи, гранитный край!
Здесь так много неба, что дверь толкни
И она распахнется в морозный рай,
В рассыпные елочные огни.

Как наполненный воздухом монгольфьер,
Вся Земля парит в ледяных ключах,
И стоят все девять небесных сфер
Не на трех столбах, на моих плечах!

* * *

Я сущее люблю, будь это мшистый камень
Растущий из травы, или сама трава,
Во всем, как некий звук, сквозит небесный
пламень,
На всем, как некий знак, улыбка божества!

И выдыхает соль стареющий песчаник,
И проступает блеск, и каплет с потолка,
И медленная тень, как одинокий странник,
Как грустивший Бог идет издалека.

* * *

Как пение шмеля, густой ворсистый зной,
Гудящей пасеки широкое вращенье.
Тропа, завязанная в узел шерстяной
Зависла в воздухе средь щелканья и пенья.
Повсюду крошатся просветы. У моста
Туннельным выдохом река стальная стынет.
И в жарком воздухе такая густота,
Что ласточка до нас и тени не докинёт!

* * *

Небо ночное, сухая морозная ветвь,
Сад, ледяными кусками наколотый крупно.
Кто так придумал, что все это блещет, -
ответь! –
Дивную бездну являя собой совокупно?

Кто так стянул этот узел могучей рукой?
Ни разорвать, ни распутать его невозможно!
Небо сверкает и рушится тяжелой рекой,
Вот отчего наша речь так темна и тревожна!

* * *

Творение себя перерастет,
Все звуки станут музыкой и словом,
И Божество в своем обличье новом
Пред зеркалом себя не узнает!

Вода поет и мыслит, Лес шумит
И тоже мыслит. Темными громами
Повелевает облако над нами,
И мысль порой, как молния блещит!

И слово быть собой перестает,
Уже не смысл, не щелканье, не пенье,
Но тихо, словно первенец творенья,
Открыв глаза, себя осознает!

Как рябит река сквозь осинник редкий,
Отражая небо по всей округе,
Словно прячется птица за каждой веткой
И плывут по воде золотые струги,

Так душа просвечивает сквозь тело,
Только это не дольше мгновенья длится;
Не река блеснула, не птица пела —
Просто Божий свет шевельнул страницы.

* * *

Как рука на морозе к дверной скобе,
Примерзает к небу моя душа!
Белый дым стоит на печной трубе,
Белый воздух крошится не спеша.

И густых созвездий колючий сад
Прорастает сквозь стены и потолок,
Или стал со временем зорче взгляд?
Или вижу то, что вчера не мог?

* * *

Влетают в объектив прозрачные стрекозы,
Чтобы увязнуть там, как в синем янтаре,
Их крылья шелестят, как высохшие слезы
В сухой степи стекла, в озоновой дыре.

А твердой пустоты сверкающее тело
Прицелившись, глядит на мир из глубока,
Ему и невдомек, что птица улетела,
Умчалась стрекоза, уплыли облака.

* * *

На холме зеленой ночи, там, где небо
распустилось
И сверкающе пряжей шевелится за спиной,
Там всплывает спящий город, как подземный
Наутилус
Весь присыпанный огнями словно крошкой
ледяной.

И струится за кормою фосфорический
фарватер
Разбегаясь по равнине злыми змейками огня,
И Луна горит над нами тихо, как
иллюминатор,
И к нему лицом прижавшись кто-то смотрит
на меня!

* * *

Тени уходят в песок плоские, как вода,
Пуля находит висок, но падает на подлете
Ввиду бесконечной усталости. Оптическая
среда
Плотней, чем предполагают охотники на
охоте.

Когда равнодушный палец крутит
прозрачный цейс,
Рука досылает патрон и знает стрелок, что
мимо
Пуля не пролетит, но выбирая цель,
Он выбирает сам сопротивление мира.

* * *

Равнина воздуха. Широкий, влажный пласт
Над комьями земли с прослойкой паутины
К стене прижался сад, огромен и глазаст
В нем созревает тьма, в нем светятся
глубины.

И если по тропе ведущей под уклон
Спуститься до конца по каменной брусчатке,
Ты выйдешь на обрыв, на край, на небосклон
Где каменных зверей дымятся отпечатки.

Где вдавлены в гранит трехпалые следы
И в ямах от когтей перекисает глина,
И стынет в пустоте дыхание воды,
Стоящее внизу, как туша исполина.

* * *

Сухая, летняя пора,
Во сне поскрипывают сени,
Как кони в глубине двора
Стоят стреноженные тени.

Все спит. Запрятавшись хитро
Спят воробьи во тьме чердачной,
Спит на холме поселок дачный,
Крутого берега бедро,

Земная косточка, ядро
В небесной мякоти прозрачной.
Все спит. Как по стеклу вода
Стекает блеск без оболочки.
А над землей горит звезда,
Как слово, сжатое до точки!
Когда взглянуло небо на меня
Все по пути ломая и калеча

И страшный столп лилового огня
Из темноты рванулся мне навстречу,
Я увидел лицо твое, гроза!
О, как оно торжественно и мрачно,
И замер я, рукой закрыв глаза,
Но в этот миг ладонь была прозрачна!

* * *

Морочным шепотом рассыпавшихся губ,
Сухой испариной, стерни щекой колючей,
На локоть, приподняв из тьмы дремучий
сруб,
Равнина рухнула в болезнь, в песок сыпучий.

В сухом беспмятстве не чувствует она,
Как лимфатических узлов артезианских
Прожилки темные набухли, и больна
Она, как молодость, от сил своих гигантских.

Не потому ли так спокоен птичий двор,
Так ослепителен стрекочущий кузнечик,
И весь уклончивый, воды цыганский взор
Блестит кольчугою из новеньких колечек.

* * *

Где служат воздуху размашистые птицы,
И крики галочки чернеют, как бойницы,
И крепостной стеной морозной тишины
Глубокие дворы с утра обнесены.

Где дымные сады, как думные бояре
В тяжелых соболях густой небесной хмари
Молчат, не довершив давно начатый спор,
Смущая тишиной драчливый птичий двор.

А кое-где висит парок над тротуаром,
И каждый звук блестит сырым бильярдным
шаром,
И на крутом крыльце, где сводчатая тень –
С двустволкой на плече чернородый день.

* * *

Деревья спали вслух, как будто шкафа
дверцы
Раскрылись, изнутри заросшие жарой.
Свой заговор плетут кусты-единоверцы
Сирени пряный дух мешая с резедой.

Стекает светлячок в траву, на дно оврага,
Где выпрямляют речь прозрачные струи.

Так ледяных камней отточенная тяга
И холод раздвоен, как жало у змеи.

И линии судьбы двусмысленно нечетки,
На плоскости листа – не знаешь, где соврешь.
И тень стоит в углу, перебирая четки,
Как схимник молодой, и это значит – дождь.

Сгущался день, прекрасен и тяжел,
Как дикий мед, Божественный глагол
Я пригубил влюбленными устами,
И залюбился надо мною гром,

И молния стремительным углом
Упала вдруг, и выдохнула пламя!
И в коже небесного огня
Раскрылся мир, и Бог вошел в меня

И я услышал нерожденный голос,
Он в руку мне вложил свои персты,
И я пошел, пошел из темноты,
Навстречу небу, как пшеничный колос!

* * *

Это не шорох – сползающий наземь шелк,
Это качнулось небо среди листвы
В каждую щелочку сыплется птичий щелк,
Темный звериный рык огибает рвы.

Это тропа поднимающаяся ввысь
Кручей сквозь тучи еще молодых садов.
Легкая тайна, стремительная, как рысь
Ходит за нами и пьет из наших следов

Темные тени стоят на воде, как волхвы,
Небо течет, заполняя овраги и рвы,
Где разрывается берег и взгляду видней
Комья травы и тяжелые гнезда корней.

Темные тени стоят. Из пустых рукавов
Падает на землю снег и кружится над ней,
Небо течет, огибая стоящих волхвов,
Словно река неподъемные глыбы камней.

* * *

Зима, а снега нет,
Черно, как на плацу.
И тени от планет
Проходят по лицу.

Сквозь коллективный лес,
Трескучий, как мороз,

Где каждый звук — отвес,
Я выйду на откос.
Дремучий лес планет,
Неизреченный google,
Колючий интернет,
Чей небосвод округл,

Открой мне этот век,
Растущий вкривь и вкось!
Пока не выпал снег,
Душа видна насквозь.

* * *

Державный воздух. Ропот и молва,
Готического голоса черноты;
Какой садовник подрезает ноты,
Как по весне у дома дерева?

Какой Мичурин яблоне-дичку
Слепому, новорожденного звука
Привил велеречивую науку
Вытягиваться ниточкой в строку?

И нежный дерн и торопливый лист,
Уже легли в классическую складку,
О, этот мастер! И мою догадку,
Как в трубочку свернул он в птичий свист.

Прислонюсь щекой к ледяному ветру,
Приоткрою форточку, словно вьюшку,
Телевышка торчит, как нелепый вертел
Вместе с тучей, наколотой на верхушку.

Только это и видно в мое окошко,
Но и этого хватит, чтоб верить в Бога.
Даже если неба совсем немножко,
Все равно его бесконечно много!

* * *

Кто вышел из шинели Гоголя,
Кто из шинели Чернышевского.
А вы хоть в жизни раз потрогали
Колючий драп. Сухую шерсть его?

Как ветер сквозь него пронзительно
Нас продувает! Как вонзается!
Как жизнь чужая заразительна
Когда своею называется!

* * *

Небо ночное, сухая морозная ветвь,
Сад, ледяными кусками наколотый крупно.
Кто так придумал, что все это блещет, -
ответь! —
Дивную бездну являя собой совокупно?

Кто так стянул этот узел могучей рукой?
Ни разорвать, ни распутать его невозможно!
Небо сверкает и рушится тяжелой рекой,
Вот отчего наша речь так темна и тревожна!

* * *

Как рука на морозе к дверной скобе,
Примерзает к небу моя душа!
Белый дым стоит на печной трубе,
Белый воздух крошится не спеша.

И густых созвездий колючий сад
Прорастает сквозь стены и потолок,
Или стал со временем зорче взгляд?
Или вижу то, что вчера не мог?

* * *

Перед тем, как уснуть, если можешь спать,
По дорожке лунной скользнув в кровать,
На подшерсток шума босой ногой
Наступи и в душу войдет покой.

И прохладен свет, и земля тверда,
И ключами ходит под ней вода,
И мелькают птицы, боясь присесть,
Словно видно им, что за этим есть.

Ольга Олгерт
(г.Кёльн, Германия)

Родилась в
г.Целинограде
(г. Астана.)
С 1998 живу в
Кёльне.
Публикации в
журналах "Дети
Ра", "Сибирские
огни",
"Литературная
Вена"(Австрия),
"Нива"
(Казахстан),
"Под небом

единым"и "Иные берега", (Финляндия),
«Семь искусств" и других, в альманахе
Светоч", антология "Земляки", "Четвёртое
измерение", "Форма огня".Автор книг "Игры
на облаках", "На южном побережье января",
От третьего лица", «За створками рябиновых
кулис».

Запомнить сон,
Листать его страницы,
Когда во тьме танцует тишина,
Увидеть снег и в смех его влюбиться,
Как в лунный свет открытого окна.
Став музыкой предзимних церемоний,
Заметить вдруг, как, нежностью объят,
Поёт мой снег,
Мой Гамлет на ладони,
В шекспировских кварталах бытия.

Смотри, как в будущность спешит
Судьба, сбежавшая из рая,
Читать стихи твоей души
Народам солнечных окраин,
Вершить парад растущих лун,
Читая в сумерках Верлена,
Под шёпот вересковых струн
Сжигать печальные поэмы
Прошедших дней, проливших воск
Любви на ледяные ниши,
Где, из глубин столетий Босх,
Картины мракобесия пишет,
Где, в двух шагах от темноты,
В ладонях Бога стынет небо,
И смотрят сонные кроты
Картины Брейгеля под снегом,

Смакуя манные миры
На дне заснеженной нирваны,
Где жизнь выбрасывает рыб
На берега из океанов,
Там, раскрывая медный зонт,
На зимний мир закат обрушив,
Горит гирляндой горизонт,
Чтоб осветить земные души.

Я живу в государстве «Земля»,
В заповедной стране журавлиной.
У меня за окном тополя
Выгибают древесные спины,
Прорастая в пространстве ином,
Расцветают метелей герберы.
Каждый год у меня за окном
Начинается новая эра :
В душах слышится речь января,
С неба падают сны и созвездья,
И задумчивый глаз фонаря
Освещает предсердье подъезда.
Во дворах затихают ветра,
Замолкают на ветках синицы.
В государстве «Земля» по утрам
Появляются новые лица
Юных истин, с рождения немых,
Отражённых от маетных будней,
Где неспящий оракул зимы
Обещает, что всё ещё будет:
Ветер с моря, журчащий прибой,
Осенённый стрекозами вечер,
И случайная встреча с тобой —
Долгожданная первая встреча.

Ты шепчешь мне: светла твоя строка,
Где боль и боль распластаны на белом
Листе судьбы, где видит сны омега
И вереском пропахли облака.
Ты шепчешь мне...но что отвечу я?
Что в будущность врастаю, словно в повесть,
Что я сажусь в один и тот же поезд,
На том же полустанке бытия,
Где мир свои сомненья разменял,
На истины застенчивых кликушей,
Где, к небу разворачивая душу,
Я слышу мир,
Но слышат ли меня?
Скрипят вагоны сонного метро,
Сдвигает стены сумрак законный,
Где счастье вырезает из картона

Печальный пассажир с охапкой строф.
 Под джазовую музыку колёс
 Плывёт лицо осенней проводницы,
 А рядом — чьи-то чопорные лица —
 Толкают дни и судьбы под откос.
 Дымит луна, горят черновики
 Стихов и снов, бредут стада иллюзий,
 Вдыхает ночь, идут друг к другу люди, -
 Курить и плакать в тамбуре строки
 И слушать речь вагонов, что сошли
 С орбиты чувств, а может, просто с рельсов,
 И, вспомнив завещанье Парацельса,
 Мечты не отрывая от земли,
 Искать предзвездья солнечный родник
 На крышах черепичных одиночеств,
 Чтоб стать черновиком октябрьской ночи,
 Переписав себя на чистовик,
 В ином краю, где жизнь идёт на юг,
 Где пишет стих о лете лес осенний,
 Отдав за миг скупого вдохновенья
 Всю жизнь свою.

Прошу — меня не останавливай,
 Когда, раздав мечты и бублики,
 Зажгусь в горах звездой фонарной
 Под небом чьей-нибудь республики,
 Чтоб скалы — вечером раскрашивать
 В цвета искристого бургундского,
 Где мы — весёлые, вчерашние —
 Казались осени безумцами,
 И берег плыл вдали от пропасти,
 Где зим не слышно тяготение,
 И сердце ныло не от робости, —
 От чувств в ущелье совпадения!
 Где мысли прошлые развеяны,
 И голос жёлтого трамвайчика —
 Летел как стих над Пиренеями —
 И — оживали одуванчики
 В руках влюблённого Создателя,
 И вечер старился под пальмами.
 Ты был наивным и внимательным,
 Как ветер в солнечной тональности.
 Казалось : сбудется недавнее,
 В предгорных снах — лесными стразами:
 Пока ты землю останавливал,
 Мне космос будущность предсказывал,
 Что будут радуги с камнями
 Гостить на нашем побережьи..
 И вот лечу над Пиренеями —
 Листвой — за облаком, за нежностью..

И эта осень может нам присниться —
 Смеющейся мольеровской строкой,
 Где небо пахнет солнцем и корицей,
 И в реках — жизнь завидует морской —
 Подводной жизни, — ласковой и пенной,
 Где волны учат ангельский язык
 Твоей судьбы, твоей ночной вселенной,
 Вплетённой в сон несорванной лозы..
 Где новый день идёт к тебе навстречу,
 И прошлое проходит сквозь меня,
 Поверив в красоту противоречий
 И мудрость ускользающего дня...

Листья мелиссы, поющий донник,
 Сны костяники в густой траве,
 Солнце, что дремлет в моей ладони,
 Голос, живущий в тени ветвей, —
 Мир, за которым — всеильны ночи
 Юности, писем земной судьбы,
 Детства правдивый и чистый почерк,
 Ветер, целующий лик звезды,-
 Нити Вселенной и птичьи строки,
 Кружево радуг в морских садах,
 Всё, что казалось тебе далёким, —
 К полночи — вспыхнет в твоих глазах.

Лови мой сон, его четверостишья
 Взойдут для нас на шёлковом пути..
 Мой Кёльн седой, насмешливый мальчишка,
 Ты ничего не знаешь о степи —
 Ковыльной, кочевой, полынноликой,
 Читающей с рассветом облака..
 Где жаворонок ищет землянику
 В траве, где начинается река
 Моей судьбы, земной, зеленоглазой,
 Чей голос к полнолунию привит..
 Мой славный Кёльн, не жди моих рассказов,
 Ты ничего не знаешь о любви..
 И все твои бессмертные герои,
 Вся музыка рассказанных побед,
 Не могут знать, как я — с душой левкоя —
 До ночи говорила о тебе.
 И клевер пел, и свет казался ближе,
 В бессмертье открывая этажи..
 Мой нежный Кёльн, зачитанный и книжный,
 Держи меня за талию, кружи!
 Но к полночи — пусти гулять на волю,
 Забудь мой голос — летний и льняной,

Где я взлетаю ласточкой над полем,
И Бог степей беседует со мной..

Иволга на веточке ирги,
Лета незабудковое соло,
Вздых степей и мамин тёплый голос,
Счастья невесомые шаги,—
Время разноцветного дождя
В зарослях прирученной малины,
Хлеба вкус и неба привкус винный, —
Мир, что был придуман для тебя,
Музыкой, где властвуют ветра,
Нотами о призрачном и главном,
В доме, где бревенчатые ставни
Радугой приручены с утра.
В лучшем из предсказанных времён,
Где-то возле речки с камышами,
Жизнь моя — цветущая, большая,
Ждёт меня и видит детский сон.

Душа земли полна чудачества,
А ливни — блажь её осенняя,
И в списках зим она не значится,
Но только в ней — моё спасение.
И я стою в кленовом платье,
Торгуя снами золотистыми,
И жду, когда же лес расплатится
Со мной за сны — цветными листьями.
И мир грибной раскроет зонтики
Над миром ягодного пиршества,
И наши дни — стихами звонкими—
В любви и верности распишутся.
А после — радуги хрустальные
Взойдут, как будто не растаяли
Мечты мои и дни за далями,
И вот уже — степными стаями
Взлетают годы, словно аисты,
И пишут крыльями как листьями
О том, что мы ещё признаемся
В любви, прощеньи, бескорыстии..

По склонам Чатыр-дага

Смотри, как, преисполнена отваги,
Волной обняв ущелье за края,
Бежит Салгир по склонам Чатыр-дага,
И я бегу по склонам бытия.
А в небе босиком гуляют души,
Наверное, им всем обещан рай.

Неаполь Скифский* — помнишь? — был
разрушен.
И я тебе шепчу: «не разрушай»
Мечту, что помнит песни павшей Трои,
И бродит под балконом до утра,
Стучись в мой сон — и я тебе открою,
Не верь, что заколдованы ветра
Судьбы моей, тоскующей у моря,
Где временем очерчен край земли,
Узнай мою весну — она в фаворе
У вишен, что ещё не отцвели,
У эллинов и римлян, что не слышат
С полотен — сны взлетающих времён,
У ангелов, ночующих на крыше,
У мира, что ещё не сотворён,
У жителей заоблачной трущобы,
Чьи будни до рассвета не видны,
Я — Крымский полуостров... Ты попробуй
Обнять меня с восточной стороны!
Посмей меня любить сейчас такую —
Одну из нерассказанных вершин,
Отдай мне ночью тайну поцелуя
За летние сокровища души.
Начни меня читать — мои страницы —
Лишь призраки цветущих певчих трав.
И даже если жизнь всего лишь снится,
Начни меня читать с рассветных глав,
Хранящихся до времени в конвертах
Солёного морского бытия...
Стучись в мой сон, и, может быть,
бессмертье
Тебе откроет двери ...или я.

Ирине Губановой

А женщина — как музыка — звучит
Над миром слов осеннего безмолвья,
И падают скрипичные ключи
В ладони распускающихся молний.
И вновь роняют ноты тополя
В лесную тишь — легко и беспечно,
Где в ночь летит осенняя земля,
Чтоб завтра стать на терцию хрустальной,
И флейтой невесомо зазвучать,
И новое арпеджио придумать,
И пить любовь рассветного луча,
Не слыша гроз и лиственного шума,
Расправив складки рыжего плаща,
Бродить по лужам в сумерках осенних,
И небу вещих снов пообещать —
Стать музыкой — кому-то во спасенье.

Вольюсь в сюрреализм твоей строки
Ручьём из ренессансного сюжета,
Листвой, летящей бабочкой из лета,
Что в зиму тянут сны и рыбаки,
На солнечном запястье тишины
Проснётся пульс метели журавлиной,
И крыши выгнут медленные спины
Под взглядом переменчивой луны.
Уйдёт пора ошибок и дождей,
И первый снег за талию обнимет
Страну берёз,
И станет звонче иней,
Играющий
На струнах тополей.
И будет свет парижских авеню
Качаться в такт весёлым предсказаниям,
И небо — удивлёнными глазами —
Посмотрит вслед растаявшему дню,
Где мир — в объятьях осени — вдохнёт
Морозный воздух тихого преддизья,
И жизнь наполнит листьями корзины,
В дар музыке — высокой, соловьиной..
И ты держись за крылья этих нот.

Конечно же, сбудется —
Вечер метельный,
Где в облаке слов недоверие тает,
И новый художник рисует пастелью,
И движется холст —
Журавлиные стаи
Качают пространство под выцветшим небом,
Как будто и не было в мире безмолвья,
И слышится голос летящего снега,
Узнавшего вкус можжевельных молний, —
Снег пахнет малиной
И белой сиренью,
И прячется в доме твоём за портьеры,
И ты, распрощавшись с портретом осенним,
Закажешь художнику новую эру,
Где всходят аккорды мелодий старинных,
И новая истина — светом случайным —
Летит через форточку — в небо гостиной,
И жизнь обретает иное звучанье.

Завариваешь листья маракуйи
И пьёшь из блюдца неба тишину,
Целуешь ночь
И жизнь свою ревнуешь
К несбывшимся полётам на луну,

К восторгу перед шумным водопадом,
И дерзости над пропастью кружить,
Тебе бы жить — а большего не надо,
Листая в книге сердца этажи.
И ты читаешь вслух молитву снега,
Как заговор от меченых скорбей,
Почувствовав : сейчас заплачет небо
От нежности — к прощённому,
Тебе.

Спрячь солнце под шляпой, а осень — под
курткой,
Подслушав мелодию южного ветра,
И ночь пригласи на лесную мазурку,
Чьи ноты, как звёзды, живут до рассвета.
А завтра — укрой тишиной гобелена —
Кленового, пёстрого — дымные встречи,
И спрячь эту осень в этюды Шопена,
И в строки о нежном, нежданном, вечном.
Где жизнь — переменчива, многоголоса,
Рассудит виновных и невиноватых,
И кто-нибудь зимний найдёт эту осень,
Что ты не сумел от забвения спрятать.

В кварталах поздней осени светло —
Мерцают голубые гобелены
Скупых дождей ,
И — тихо во Вселенной,
Лишь бьётся птичье соло о стекло
Земного дня,
Чьи мысли глубоки,
И крылья не подрезаны в полёте,
Чья истина — на самой верхней ноте
Вспорхнёт проворной чайкой у реки,
Где волны обнимают корабли
Так нежно, что покажется прохожим,
Что жизнь реки становится моложе,
И нет её наивней и дороже,
В шкатулке снов смеющейся земли.

Мир в сумерках мне кажется мудрей,
Когда рукой подать до горизонта,
И, кажется, для грусти нет резона,
И жизнь твоя - всеильный лицедей,
Считает дни до снега,
А потом
Снег станет нелюдим и независим,

И памяти лавандовые листья
Украсят день меж призрачным и сном.
И ты поймёшь, что было всё не зря,
И смех зажжёшь в одной из тёмных комнат,
И сумерки опять тебе напомнят
Все лучшие аккорды декабря.

Объездила в мыслях полмира,
Теперь поклоняюсь годам,
Где я за поллитра кефира
В пакетике — душу продам,
Надвинув на брови ветровку,
Поеду за детством опять,
Где стоит стакан газировки
Копейку, а может быть, пять.
Где жизнь протекала искристо,
Без шума ненужной вины,
И я доедала ириски
Под взглядом томатной луны.
Где радость казалась мне жальче,
Чем спетая небом печаль,
И плакал застенчивый мальчик
В мою разноцветную шаль.
Как в небо идущий прохожий,
С гитарой за дачным окном,
Как песня о чём-то хорошем,
Наивном, ковыльном, простом.
Где длится полынная повесть
Моих нерассказанных снов,
Где солнце — в озёрах по пояс,
И песни его — про любовь.

Вплетая в перья шляпы незабудки,
Против себе вчерашнюю вину,
Давай с тобой уедем на попутке
В далёкую от ревности страну,
Уедем, попрощавшись с давней болью,
Возьмём рюкзак набитый чепухой
Вчерашних снов, где эра суесловья
Сменялась эрой нежности скупой,
Не сравнивая веры и планиды,
Забудем повседневные слова,
Пусть наш шофёр с улыбкой Еврипида
Расскажет об искусстве выживать,
Поделится сомнением и хлебом,
Нальёт вина в бокалы стылых душ,
И выпьет с нами медленное небо
Из кубков в нарисованном саду.

Хмелея и журча, мы станем тише,
Откроем сны лесных библиотек,
Чтоб слышать, как природа спорит с Ницше,
О том, что одинок сверхчеловек,
О том, что мы от страсти до заката
Играем в запрещённую игру,
Где слышен звон мечей и стынут латы
На лицах и телах, и вечен круг
Весёлых заблуждений о свободе,
Где проигрыш подобен глыбе льда..
Где мы с тобой из прошлого выходим,
Чтоб заново учиться побеждать.

Кливер судьбы

Врастает в небо шторм, и гибнут паруса.
Над нами — век иной и десять лун над нами,
Мой смелый капитан, задёрни небеса,
Пусть ветер рвёт сердца,
и рвётся ветром знамя
Моей земной любви, с эмблемой на щеке,
Моей второй судьбы, моей десятой роли.
Я — твой земной двойник, ты — бог в моей
руке —
Мой голубь, мой вассал в застиранном
камзоле.

Пока идёт гроза, скорей вина налей!
Пусть треплет ураган смотрящий в небо
кливер,
На всей большой земле не будет дней смелей,
Не будет веселей, не будет и счастливей!
Пусть шторм вращает ночь, и всходят голоса
Насмешливых дождей — бессонно и упрямо,
Любимый, отряхни
Девятый вал с лица,
Поставь за нас свечу
На дне морского храма.

Зови меня в моря и гордостью ужаль,
Ты вышел из волны и стал всего дороже.
Покинем навсегда тщеславный Порт-Рояль,
Мой милый и смешной, любимый Jolly
Roger.
На молнию смотри и глаз не отводи!
Качается бушприт. И смерть дрожит на
штаге,
Не думай до утра, что ждёт нас впереди.
Пиратский бог не спас - спасёт пиратский
ангел.

© Vlad Bravve

Александр Петрушкин
(г.Кыштым, Россия)

Александр Александрович Петрушкин родился в 1972 году в городе Озерске Челябинской области. Публиковался в российских и зарубежных журналах. Автор нескольких книг. Координатор евразийского журнального портала «МЕГАЛИТ» . С

2005 года проживает в г. Кыштым Челябинской области.

Выходишь из ворот, а там – зима
тебя произносящая, как «ма»,
прикинется то лялькой, то люлькой,
качающейся справа от тебя –
пока геометрически смешна
её иссиня-тонкая фигурка.
Играем в шахматы, две морды, ты и я,
две лошади, что тенью в звук согнуты –
где чудится фигура из огня,
которая дымится, как искусство,
за лыжником, который от меня
оставит пар и светом ляжет густо
на чёрный воздух, трубку и трубу
из простоты, которая пока что
ещё не стала ящиком, куда
нас сложат, что – возможно – нам на счастье
–

пока течёт вокруг камней вода,
похожая на лопасти и пасти
тех, что ожили в ней – пока мертва
она жила и прожигала или
не вспоминала почему сюда
её, окаменевшую, сложили,
как на щеке вдруг ожила звезда,
окаменев до крови или жилы.
Всё дышит – даже если этот звук
внутри, и оттого нам не заметен,
не заметён как шахматы в свой стук,
в улитку лёгких, что теперь стозевны,
растут, как дерево сквозь зимы, как игру,
где катятся в повозке земли звери.
Они растут снежками, как следы
взрываются комками воробьиной
прозрачной крови, речи, как любви,
что рассекают небо львиной гривой,

и оставляют шрам, голосовой порез
среди темноты, что вырезана в выдох.

В начале я почувствовал, как рука
обрастает воздухом, глиной, тьмою,
водами, вспышками, как река
в мельнице - стрижами, сырой мукою.
Затем приходила ко мне гора
лакать язык сучий и человеческий –
пока, вращалась внутри, нора,
как гончар из глины, своих увечий
вынимая тощие мглистые голоса
и – голос [который всегда] по краям засвечен,
где льдом вздымается клён воды
читай – мороз обжигает с тыльной
свет, что был вырезан из вины,
перетёртый наживо с красной глиной.

И дождь, который стая птиц,
и смерть, в которой жизнь
свила горячее гнездо
для многих своих лиц –
всё это ремесла итог,
что вытащит с земли
своих прозрачных мертвецов,
которые смогли
увидеть то, что нам живым,
увы, не разглядеть,
и потому их плотный хор
нас продолжает петь
среди стрекоз или кротов,
которые внутри
сплелись, как некий средний род,
который подвели
его отмазки и печаль,
и кожа, но не та –
таится, как звезда, печать –
бугриста и густа.
И вот, когда к моим устам
прибьётся темнота –
которую не избежать,
возможно/никогда –
взорвётся наш стеклянный куст
и некто посетит
мои земные небеса,
к которым снег летит,
и я покину чёрный куб
чужого языка,
с родимым пятнышком,
что спит, как птаха, у виска

И распрямляя дождь, как взгляд,
который без меня
летит сквозь молока спираль
всем мертвецам родня
и видит только зеркала,
что исполняют сад,
идуший, с трёх своих сторон,
не требуя наград,
где птицы – это только дождь
и жалость о себе,
ты смерть свою к себе прижмёшь
во всём её х/б.
И будет продолжаться сад
и смех пустых стрекоз,
которые боятся нас
и двойников обоз,
где ангелы звенят внутри,
и в скважины на свет,
ложатся, как вода легки,
и убирают смерть.

Ёж неба что висит на тьме –
иголками пронизав стужу,
пока обратно мгле она,
пытаясь обрести снаружи
звезду и дом в окне звезды,
и дым вдоль дома – он рекою
течёт в чужбины горизонт,
как человек неладно скроен,
на перевёрнутых саях
он ограждён и едет рядом
с одной огромною иглой,
что свет в его круги вшивает.

Человек – зазор меж собой и собой:
то падёт, как снег, поднимая свет,
то, ребро в себе преломив, солжёт,
выжимая свою – как рубаха – смерть.
И звезда, что в разоре его видна,
прирастает скважиной вдоль воды,
и сдирает шкуры добра и зла,
и в провале их, как снежок, хрустит.
По кругам своим человек идёт,
немоту в циферблат и мороз разжав,
и горит у него в голове двойной
плеск звезды, чьим простором и веслом
он стал.

Он, смотрящий в тебя, раздувая вокруг
шар листвы до окружности долгого сада,
продевает себя через взгляда иглу –
потому что руины вокруг, а не ада
длинный эпос, порушенный птичьей ордой
и десантом воды в закольцованной жажде –
отчего ты и вырван, как водоворот,
чтобы сшить грунт и небо,

как древо, однажды.

И стоишь, а не видишь, как нити твои
перервут лабиринта прозрачную глотку,
и пойдут, как глотки, по воде пузыри –
из реки настрогав для горения лодку.
Эта лодка плывёт, словно лошадь, узду
признавая за чуда свершённую мзду,
прорастая сквозь зренье и засуху в почву –
припадая, как факел к любому мосту,
потому что вернее всего, что неточно,
а не то, что собой я, как темень, несу,
где качнётся река – и над нею смотрящий
проведёт, как ладонью, по ряби меня,
отразившись в версте, между нас восходящей
–
сквозь стада переправ в неисправных огнях

Смотришь в снегопад, а он – в тебя,
всё что происходит здесь – любя:
бабочки, цветенье, умиранье,
лошадей [незримых нам] камланье,
дым, который родина моя.
Смотришь в снегопад – не удаляясь
от его бесплотного лица –
всё, что происходит – наказание,
удлинение тени и меня,
и роса вязанок стрекозиных
на ладонях длинных у огня.
Смотришь в снегопад и, удивляясь
этой вишне, майский тёмный жук
удаляет смерть мою из сада
лапою щетинистой, как лук.

взаимно тихо говорит
из досок сбитая зима:
ты не умрёшь с тоски [с тоски
не сходят] не взойдя с ума
и всходы у дурных времён
как входы в торфяные мглы
открыты пальцами собак
пещерных – до земли голы

и деревянный вертолёт
бормочет дым из глубины
горит по тихому как лёд
из нефтяного дна воды
но не взаимны голоса
из досок сбита зима
выгуливает смерть свою
и лаёт будто снег в санях
ей деревянный вертолёт
летающий от зимы на свет
потрескавшимся языком
кровавый слизывает след
с лопаты лижет свой язык
как пёс дурея от крови
до крови [разодрав живот
земной у жестяной воды]

Превращение музыки в шар,
ленты в ласточку, чья темнота
вдруг свободу в дождинке нашла
и теперь уже вовсе не та
в ней свистит леденящая дробь
на манер воскового кино,
где складывают нас в круг вещей
а затем закрывают окно.
Называют не те имена
именуют на чуждый манер
наши души и наши тела,
что торчат, как бессмертье в окне,
что торчат на знакомый мотив,
как сверчки, и галдят на луну
и отрыв своё небо спешат
снова спрятать его в глубину.
Вот и стой, и смотри из окна,
как тебя пьёт изогнутый шар,
называет число аутист –
а потом лишь музыка слышна.

Он, смотрящий в тебя, раздувая вокруг
шар листы до окружности долгого сада,
продевает себя через взгляда иглу –
потому что руины вокруг, а не ада
длинный эпос, порушенный птичьей ордой
и десантом воды в закольцованной жажде –
отчего ты и вырван, как водоворот,
чтобы сшить грунт и небо, как древо,
однажды.

И стоишь, а не видишь, как нити твои
перервут лабиринта прозрачную глотку,
и пойдут, как глотки, по воде пузыри –
из реки настрогав для горения лодку.

Эта лодка плывёт, словно лошадь, узду
признавая за чуда свершённую мзду,
прорастая сквозь зренье и засуху в почву –
припадая, как факел к любому мосту,
потому что вернее всего, что неточно,
а не то, что собой я, как темень, несущу,
где качнётся река – и над нею смотрящий
проведёт, как ладонью, по ряби меня,
отразившись в версте,
между нас восходящей –
сквозь стада переправ в неисправных огнях.

Допой, доплачь и корнем стань
иссохшим топором – что дальше
здесь не узнать, а там – всё там,
всё бережнее, меньше. Баньши
из снега
в круг тебя внесут,
как остов в сброшенное тело,
где воздух из тебя сплетут,
и гелий золотой.
Что пела
сорока, спрошенная о
ожившей под водою глине,
о спицах, что – в руке блеснув –
в карманах спрятаны доныне?

- Идём?

- Идём.

Куда идти,
когда всё сад – что спрятан в пчёлах,
и если есть, что впереди –
так это место для прокола?

Уколешься иголкой и
ужалит свет потусторонний,
и жажда изойдёт, как дым,
спалившись, как шпион в холодной
окружности страны, где свет
замотан в шарф избы и хлева
когда ты, мёда недопив,
выходишь из кино налево.

Идёшь, и косточка хрустит –
из выдоха ли? языка ли?
где собирают свет баньши
из – в снег укутанных – проталин.

ИГРА В СНЕЖКИ

Слоится воздух, каменей
в подземный радиозфир,

где вырезают батискафы
синиц из черно-белых дыр

[причину щуриться в просветы]
тебе родные мертвецы
и говорят, что смерти нету,
и отчего-то веришь им.

Неотвратимой скудной речью
ты крутишь на ладони щель –
невроз из немоты и снега,
молчаний дрель.

Где дирижёр идёт по тьме,
её достраивая грозди,
как музыки хулу и гнев –
так поводыр в дорогу гвозди

вбивает мягким каблуком,
и пёс поношенную осень
разматывает между лап,
как мраморный клубок колосьев.

Что Боратынский здесь поёт?
и не попав в мотив ни разу,
перчаткой ищет оборот
в ключах, похожих на заразу,

любая родина – любовь –
как псы она неистребима
и также гадит, как кровит,
где оспяная нота – лимба

воспоминание. По тьме
иди, срывая в голос кости,
хрустящие, как первый снег,
что запечён в пурги колёса.

И Дант, замёрзнув в стаю нот,
жуёт снежок чужбины или
выходит на подземный лёд,
себя пройдя до половины.

Так снег здесь переходит небо,
ступеньками там становясь,
где перевёрнутые воды
растут сквозь грязь
мою, густую и родную,
что стала кожей, речью и
лицом, что левою рукою
я отмываю до крови,

до этих вод, до плеска рыбы,
что поймана на смерти страх,
до слов, которым я поверю,
смолкая в прах.

Так нас ведут поодиночке
за снегом бубенцы из мглы
и протыкают света точки
зрачки зимы,

и кровь течёт по целлофану
когда-то бывшего лица,
и снег идёт навстречу снегу,
в лицо дыша.

Как недостроенная церковь –
дом в снег войдёт,
сметая свет шмелиных лиц в слепой полёт,

края свои или углы внутри неся,
в огнях тройных ломая то, чего нельзя

произнести и пронести, в скорлупке свой
звучит - как будто из полен сложен – прибой

и в окнах тех, где агнец помнит о тебе
среди колец от наших лиц, шмелям теплей,

когда летит вокруг церквами снегопад
и разоряет, как голубка, ничейный ад.

Невидимый и шумный листопад
вдоль вертолётов клёна, в сто голов
летающий через прятки и распад
в знак умножения, уложенный в тавро,
где кролик кувыркнуется через сад,
приветствуя пыльцу, а не цветы,
нору во мне раздвинув, как лицо,
чтобы глазеть, кто в той норе летит,
чьи лопасти, под воздухом звеня,
становятся смородиной в воде
и водят, как слепые, и стучат –
продольно сквозняку или дыре
впадая в детство, наготу и взгляд,
которые – сквозь кашель – унесёт
на щель похожий, голый листопад
сквозь кролика, похожего на вход.

Татьяна Кайсарова
(г.Москва, Россия)

Татьяна Кайсарова — поэт, журналист, критик, художник. Окончила художественно-графический факультет Государственного педагогического университета. Член Союза писателей России (с 1999 г.), Союза писателей XXI века (с 2011 г.), Союза литераторов России (с 1999 г.), Международного Союза журналистов (с 2001 г.). Сопредседатель секции поэзии СЛР. Автор 15 поэтических книг и многих публикаций. Живет в Москве.

Из ничего, из воздуха и пепла,
из полужвука, полунемоты,
как выдох или вдох, как сонный лепет,
ПОЭЗИЯ, на землю сходишь ты.

Возлюбленный, единственный и тайный,
так шепчет сокровенные слова,
как тень твоя, желанны и случайны,
прикосновенны, слышимы едва.

Как сны твои внезапные блаженны...
Единой мерой мысли сведены
края волны, края небесной пены,
края густой туманной пелены...

Дышу тобой, ловлю твой шелест, вижу
всё то, чему нет знака на земле.
В мгновении едином вечность ближе.
искрится слово льдинкой в хрустале!

Что ты знаешь об устройстве сот,
о пчелином танце, о полёте
над необозримостью длиннот
летних дней, о комариной ноте,
зуммером звенящей, о реке,
о внезапной утренней прохладе,
о дыханье ветра в тростнике,
кружевной рябиновой досаде
и сосновой смоляной тоске?
Мыслью повторю полёт пчелиный,
странный, как рождение строки.
Сладостны, берёзово-осинны,
девственны, прозрачны и невинны,
чувства светonosны и легки.

Пора войти в прохладный майский лёд
воды рассветной, северной, горючей...
И затрепещет тело, и замрёт,
и эхо всколыхнётся вдоль излучин,
вдоль берегов, где гулко и светло.
Восторг и ужас, холод и тепло!

А воздух — божий выдох, божий вдох.
Вечнозелёной хвоей дышит бор.
Утиных косяков переполох —
порыв и всплеск, и отзвук, и повтор...
Струится утра белая стена
от вечных высей до земного дна.

На берегах рассыпан первоцвет
и белый, и небесно-голубой,
но кажется, что первожданней нет,
чем майский чай, заваренный тобой,
чем дым, прогнавший муку и тоску,
и наш ковчег на сонном берегу.

Пусть кто-то скажет, что бессмертья нет,
но мне, припавшей к твоему плечу,
Всевышний прошептал иной ответ
и повелел молчать, и я молчу.

Теряются закатные огни.
Сквозь серый пепел прорастает пламя.
Совсем как искры улетают дни,
и снится то, что будет между нами

в той комнате прохладной и пустой,
заполненной прозрачными тенями,
где спит луна монетой золотой

на небесах паркета между снами.

Ты, кончиками пальцев, видит Бог,
разбудишь знак судьбы в моих ладонях,
и губ моих раскрывшийся цветок
в саду цветов пылающих утонет.

ПЕЧАЛЬ

А ты скажи, что даришь мне слова
из своего немого затуманья,
и, как всегда, окажешься права,
печаль моя. Из скани
твоих ветвей сквозит закат,
ты любишь, останавливая сердце,
и продлеваешь жизнь мою стократ,
подмешивая бешеного перца
в вечерний кофе. Скерцо с молоком!
Вне сна богоподобно и легко!
Пусть будет так: начнётся век, качнётся
туманный гон рассветов и дождей,
любовь на берега мои вернётся
с апрельским колыханьем лебедей.
Прольётся кипень – платье станет белым.
Ожог от поцелуя. Тишина.
Вливаюсь в утро невесомым телом –
вольна исчезнуть, царствовать вольна!

Мне кажется, что легче рисовать,
играть штрихами. Карандаш из воска.
Воды прибрежной тёмная полоска,
огонь и ты - и взгляд не оторвать...

В поленницу клади мои слова,
они горят пожарче лап еловых.
Цветёт костёр у берегов сосновых:
светлы дымы... и кругом голова.

Теряют и друг друга ищут губы,
в саду кудрей вольна моя рука,
плывут деревья, травы, облака...
О, дайте только сепию и уголь -

катарсиса божественную муку
отобразить в туманной борозде...
Костёр последний раз мигнет звезде
и лишь душа ещё кричит без звука...

Единственный, в Венеции ночной,
где ты ещё вчера входил в дома,

вдоль тротуаров, и дышал волной,
остановись, дыши сегодня мной,
и торопись: уже грядёт зима!

В Москве дикарской леденеют звёзды,
деревья стынют, кутаясь в огни.
Они, как мы, считают, что не поздно
мечтать о счастье и гадать по звездам,
до радости отсчитывая дни.
К внезапному и рифм не соберу...
Всё будет так, как виделось когда-то:
и ночь – не ночь... но коль очнусь к утру,
не доверяя вечному перу –
крылом в календаре отмечу дату!

Пришло, неловкое. И стало рядом.
Ты помнишь нас? О, время, не молчи!
Молчит, примерясь долгим взглядом,
что ночь длинна и звёздный мёд горчит...

О чём была былинка сна? – Загадка.
Ещё невнятен мир и ночь ещё бела,
и нам двоим таинственно и сладко.
Возьми мой сон. Давай начнём с тепла.

Начнём. Мой чай с кислинкой. Цитрус
смеётся на салфетке кружевной,
и длится поцелуй, но слишком быстро
осколок лунный падает на дно.
На дно остановившегося лета,
на всю его короткую длину.
В тумане обнаженная планета,
в бокале недопитое вино.

Я белая, как кисея
на платье новобрачной,
как аура небытия
прозрачная. Прозрачней
своей придуманной тоски –
печали белотканной.
Бела, как сущие листки
молитвы покаянной.
Я белая, как сон высот,
как пенка мёда.
Мой белый лебедь воду пьёт,
из озёра, из небосвода.
Мой белый лебедь белой мне,
как горние заветы,
однажды диктовал во сне
катрены для сонета,
а утром, пока отсвет бел

проскальзывал в гардины,
он тайну истин выводил
и завершал терцины .
Я принимала белый свет,
метель, и заснежье,
и белой ночи первоцвет,
и нежность.

Помолчим. Ложится пепел снегом,
в призрачном пространстве – немота...
Между нами войны печенегов.
караваны Красного креста,

«бешеных» кровавые обстрелы,
свежие могилы и кресты;
между нами огненные стрелы
и черёмух снежные цветы.

Между нами незаметной нитью
сверенных вибраций частота.
Мы нашли друг друга по наитию,
силой резонансного креста.

Помолчим. Что осень, напророчишь
листопадом, выюжа берега?..
Милый, если нежности попросишь –
безраздельно всю тебе отдам!

МУЗЫКА ДЛЯ ДВОИХ

Не потеряемся в звенящих голосах
ручьев, в туманных снах озерных.
Мне помнятся: леса, и голоса,
и желтых звезд обманчивые зёрна.

Те россыпи брусничные у ног
и шорох тростника берегового,
берёзовый воздушный туесок
был полон, пуст, а после полон снова.

Как медленно в ладонях таял день,
сгушались сумерки, роняя полночь.
Ковшом луна качалась на воде,
и птица вдалеке звала на помощь.

А дальше – только музыка и свет –
та музыка, с небесными огнями...
И никого на белом свете нет,
нет никого на свете между нами.

СОН

Мне снится, как падает полночь в ладони
твои,
как ствольчатый лес, прорастает сквозь
сонное тело,
как птица ночная в закрытую клетку влетела
и сгнула в ночь – только крик, только ветка
в крови...

Вот кто-то часы потянул за истертые гири –
послушные стрелки обратный наметили ход,
как будто готовясь начать нереальный
отсчет
в случайном и диком, затерянном в космосе
мире.

Несётся «Сапсан», рассекая чужие просторы,
иные миры, но беззвучно немое кино...
Объем тишины мне озвучить, увы, не дано.
За окнами смог и алеют волнистые горы...

....

Но слышу, как падает утро в ладони твои,
как дрогнули вздохом доселе безмолвные
губы,
и сон, растворяясь, мгновенно уходит на
убыль.

Я рядом, любимый! Прохлада, рассвет,
соловьи...

А снег летит и лепит. Белый свет
теперь всё непроглядней и белее...
Всё растворилось: храма силуэт
расплывчатые контуры аллеи,

пред этой музыкой, пред этой снеговой
свиридовской, светящейся, метельной,
под этой хладотканной пеленой
как небо вечной и как жизнь мгновенной.

Мне видится: то лебединый взлёт,
то диких яблонь буйное цветенье,
а снег летит и лепит, и плывёт
И исчезает, словно сновиденье

Сергей Попов
(г. Воронеж, Россия)

Сергей Попов родился в 1962 году. Окончил Литературный институт им. А.М.Горького. Печатался в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Арион», «Москва», «Юность», «Зарубежные записки», «Интерпоэзия», «Номо Legens», «Волга», «Дети Ра», «Зинзивер», «Новая юность», «Футурум Арт», «Литературная учёба», «Крещатик», «Подъём», «Дальний Восток» и других. Автор многих книг стихов и прозы. Живёт в Воронеже.

СЛУЧАЙНАЯ МУЗЫКА

Он перегружен жизнью свежей,
случайной музыкой в ночи
по-над огнями побережий,
где сны легки и горячи.

Толпой заполнен отпускною,
слабомоторный катерок
неимоверною ценою
морской доматывает срок.

Экскурсионное корыто –
перекорёженный металл –
окрестной моросью покрыто,
и холод люки пропитал.

Но мчит судёнышко к причалам,
валяет чахлую волну.
И дело, в сущности, за малым –
не заглядеться в глубину.

А бестолковиться над чащей
подводных жизней в никуда,
не оставляя тьмы звучащей,
когда всё прочее – вода.

Берег отменно крут и почти скалист.
И точно щёлочь зла водяная взвесь –
падающий развоплощает лист,
ржавую сушу и огненный август весь.

Как тебя в глушь крошечную занесло?
Что за мотор до жизни такой домчал?
Страхи берут количеством, их число
и образуют дряхлый пустой причал.

Это ведь надо выдумать – смех и грех –
пыль штормовую, яркий накал камней,
прежний расклад, разделанный под орех,
что был всего надёжнее и верней.

Это что неизлечимый невроз у крыс,
с очередного сбегающих корабля.
Как они истово с палубы смотрят вниз –
не искупленья ради, а только забвенья для!

Трюм корабельный, родной изобильный мир –
-
сытная тьма, настёрный моторный гуд,
ящики сладостей с россыпью частых дыр,
полный набор животных дурных причуд.

Неутолимый зов заглянуть в ничто
и затопить сухогрузы безумных лет
в едкой жаре обрывающегося плато,
где занимается развоплощенья свет.

Такое поднимается со дна,
что рушится дыхание плавчихи,
а яростные фырканы и чихи –
с того, что бултыхается одна.

Хотя и берег вроде недалёк –
и мягкий пламень в окнах над пригорком,
и благодать в полусумраке прогорклем –
а донный ил залётную увлёт.

Но нахлебаться досыта – ни-ни –
и пусть смешон запас плавучей злости,
смешней остаться в илистой коросте –
береговые – вот они – огни.

Небо, разлинованное криво
южным электричеством с утра

на рябом изгибе Brisbane-river
рейсовые режут катера.

Одиночки с лицами из воска
в узком ресторане-поплавке.
Побережья сизая развёрстка,
нефтяные пятна по реке.

Алкоголем выкормленной грусти
хватит до обеда за глаза,
где в лиловых высях захолустья
хриплая заходится гроза.

Там нальют по полной без обмана,
не добавить, спросят, лишку льда –
лишь десяток миль до океана –
сушая, поверьте, ерунда.

Там Большой Барьерный прямо рядом,
острова безумья и цветов –
ничего не стоит беглым взглядом
дать понять, что ты на всё готов,

ибисам с куриными мозгами,
женщинам с глазами голубиц,
что всегда глядели-не моргали
сквозь огни и воды заграниц.

Это будет весело и просто –
перед устьем спрыгнуть с катерка
и в колючей одури норд-оста
всё про всё понять наверняка.

День запаян припоем мороза,
мела, извести и молока.
Это дым. Это добрая доза
Прозы, праздности и коньяка

Это время бесцельных прогулок
по ступенькам, где снег распылён,
где проворно берёт переулочек
первоначального в забвение полон.

Это дрожь настороженной жести,
это дрема древесных корней,
окна в полдень, обрывки известий,
ход ветвей на воздушной волне.

Над постройками пробуя ноты
близости и сухой тишины,
пламень робкой пустынной работы
освещает окрестные сны.
Средь сугробов, сараев и баков
постепенно теряется след.

Это путь до того одинаков,
что не жалко сходящих на нет.

Кто нырнёт в подворотню, кто ворот
приподняв, растворится вдали.
Профиль смазан, фонарик расколот,
но светло на ладони земли.

У затворников противотока
безусловна земная стезя –
хоть оплакана слишком жестоко,
но желанно оплачена вся.

Краем стылого пляжа трусцой не спеша
в предрассветном тумане влечётся душа –

сухопутная кошка, морская змея,
с позапрошлой недели отчасти моя.

Сигаретные будни, кофейные дни
подвигают размять спозаранку ступни.

И спросонья как зомби сопутствую ей
в янтаре санаторских прибрежных огней.

Им досталось высвечивать медную масть
непричёски, готовой на плечи упасть,

наблюдать, как темнеют двойные следы
у изменчивой кромки холодной воды,

как в сыпучем нигде, ни жива, ни мертва,
обрывается их роковая канва,

размыкается мрак, словно мнимая смерть,
отворяя до неба и море, и твердь.

какая с нами тьма простилаась
какой повыветрился свет
не поддавайся сделай милость
тому чего на свете нет

тому что в горле бродит комом
и как миндалины болит
а всё в диагнозе искомом
лишь катаральный тонзиллит

но оттого ль не молвить слова
в огне гортань в ознобе кровь
перебиваешься и снова
не получается и вновь

карбид профкомовская ёлка
всеклассный грипп фруктовый крым
не отыскать уже осколка
обёртки блёстка будет им

по дошлой памяти носиться
на остужающем ветру
вино гвоздика и корица
и значит весь я не умру

назло глухой температуре
что валит походя с копыт
на выцветающей натуре
в краю что богом позабыт

Снег на стёклах такси оседлал.
И сквозь полупрозрачную плёнку
Подступала вечерняя даль
Властно, как сновиденье к ребёнку.

На окраине – как в забыти.
Сумасбродство декабрьского хмеля
Набросало маршруты твои,
Оправданий и прав не имея.

Никаких оправданий и прав.
Ни строки из былых индульгенций.
Только снег, что идёт до утра,
Как промёрзшие переселенцы.

Удивлённый, доверчивый взгляд.
Дом, прошитый ветрами навывлет,
То, что шепотом в нём говорят,
До тревожного гула усилит.

И какой-то нездешний масштаб,
Сообщённый случайному слову,
Неслучаен, как новый этап,
Перекраивающий основы.

И в горячке заснеженных дней
Затеряются спазмы рыданья...
Но беспамятство много важней,
Чем возможность его оправданья.

На рабочем холсте, на горячей ладони,
на оконном стекле, на рунической ткани
силуэты стихии в бессонной погоне,
своевольные блики на мутном стакане
напоенной uspением потной эпохи.

Это птицы кричат. Это мечутся кони,
со вчерашних столов собираются крохи,
занимается ненависть в новой иконе,
отражаются слёзы в монетном чекане,
запекаясь молчанием на Геликоне.

Риторической верностью тверди равнинной
утешается кровь, замирая на грани
анемичной любви и реликтовой дрожи
полнозвучной ослушницы перед стремниной,
свежеструганной флейты на жертвенном
ложе.

НОЯБРЬ

Яростный воздух утюжит гортань.
Странно в такую отчаливать рань.
Волны эфира за сизым окном
дрожью стекольной поют об одном:
всё это было, и будет, и бу...
С присвистом всё вылетает в трубу
спорого меж берегов катерка –
всё судоходна бывшая река.
Резкие блики, летейская сталь.
Всё до обидного также как встарь.
Ток в никуда. Загрудинный наждак.
Не обессудь, если что-то не так.
Если сошлось продышать на стекле
реку в порезах и время во мгле.

Разыграешься жить между делом,
Коневского читать между строк,
оставлять на стекле запотелом
жадных пальцев бутылочный сок.
Трубку заполночь цапать из ножен
(скоро утро – какого рожна?).
Соглашаться, что ты невозможен
и она никому не нужна.
Попадаться на слёзы медички
не взирая на вязкость крови,
параллельно к чертям на кулички
наострясь от былой визави.
Есть ли в том утешение, нет ли?
Заставляет кудрявые петли
кровяной вытворять кислород
от своих непомерных щедрот.
Бедный Ореус, крепкий орешек!
Средь лифляндских затерянных вещей -
покажи мемуарным шаром...
Разговор не окончить добром.
Зло на взморье течение речное –
и зело противление ручное

дорассветную гонит волну...
Не получится вставить «тону!»

Запомни загар на девчачьей руке,
мамашин браслет, воспаление пирке,
асфальтовый зной, костоломный футбол,
любви телефонной ночной производ,
на склонах осклизлые монастыри
с наскальным фольклором и вонью внутри.
Каштаны, летящие наземь. Шелка
красоток у сквера в разгар вечерка.
Заметь и легко пролистай, отложи.
На небе сменились теперь чертежи.
И ты, как жилец расстановки иной,
спокойно заварки хлебни ледяной.
Чтоб всласть с воскресенья и до среды
дивиться на вкус заржавевшей воды,
чтоб медленной горечью этой во рту
купить за бесценок себе пустоту –
коробку, объём – и что хочешь клади –
хозяин и барин, коль сказ позади.
Он краток, в нагрудный положен карман
тому, кто в предутренний входит туман.
И мышцы грудной пульсовая волна
в бумажную дрожь переходит сполна.

Всё пуще крапами да пятнами
сентябрь расходится по озеру,
сигналя листьями помятыми
отпускнику и стаду козьему.
В зоологической прострации
и ботаническом унынии
резвятся выцветшие грации
и выцветают дали синие.
Над шашлыками санаторскими,
телячьей нежности разливами,
лучей неяркими полосками
шутя становятся счастливыми.
Вперёд, радетели забвения,
родные сёстры умирания!
Позднеземное песнопение
притормозит потёмки ранние.
Пусть радость сбудется внебрачная
пыльца осыплется цветочная.
пусть осень зыблется прозрачная,
не сообщая время точное.

Чёрные бордовые разводы.
У моста речные теплоходы.
Августа последние часы.
Новостроек обморок фонарный
на крови языческой, янтарной
водоёма средней полосы.
В западне прибрежного заката
отражений злая стекловата
от финифти нефти на плаву
яростно карябает по нёбу,
укоряя душу и утробу
тем, что умираю и живу.
Корабельный крик похож на птичий –
или это равенство обличий
на предельном выделе тепла.
Длинноклювых кранов развороты.
Встречных чаек гибельные ноты.
Осени небесная зола.
Резво разорется из рубки
про ветра побед и еврокубки
радио в казённом кураже.
И сигналил фара носовая,
что темна волна голосовая –
заповедны высверки уже.
Что словам не писаны значенья,
что сердцам опасны попеченья –
всё в крови над крапчатой волной.
Всё острее и ярче сигарета,
всё трудней видны от парапета
масло света, дёготь водяной.

Елизавета Мартынова
(г.Саратов, Россия)

Елизавета
Сергеевна
Мартынова
(Елизавета
Данилова)
родилась в 1978
году в Саратове.
Окончила
филологический
факультет
Саратовского

государственного университета и
аспирантуру при нём. Кандидат
филологических наук. В 2003 — 2014 гг. —
доцент кафедры русского языка и культуры
речи СГАУ им. Н.И. Вавилова. С 2008 года
по настоящее время – главный редактор
журнала «Волга – XXI век». Публиковалась в
журналах «Наш современник», «Волга – XXI
век», «Луч», «Вайнах», «Введенская
сторона», «Русское слово» (Чехия),
«Подъём», «Русское эхо», «Новая Немига
литературная», «Сура», «Гостинный двор»,
«Отчий дом», «Камертон», «Великоросс», в
альманахе «Новые писатели России»,
коллективном сборнике «Новые имена в
поэзии» (Москва) и других изданиях.
Лауреат премии им. Юрия Кузнецова от
журнала "Наш современник" (2008), годовой
премии журнала «Сура» (2013). Автор книг
"Письма другу" (2001), "На окраине века"
(2006), "Свет в окне" (2009), «Собеседник»
(2012). Член Ассоциации Саратовских
Писателей и Союза писателей России (с 2016
г.)

Воздух дороги

Кому любовь свою ни говори,
Слова опять истают до зари
И снег сматает голубую пряжу,
И стаи птиц разрежут небеса,
Послышатся слепые голоса
Из прошлого, с которым я не слажу.

До крови ранит, но не рвётся нить,
И я не прекращаю вас любить,
Ушедших ни на миг не отставляю.
И снится мне окраина небес
И светлый сад, и тёмно-синий лес,
И дом, в котором ждут и умирают –

И снова ждут. И жизнь течёт сама,
И нету в ней ни горя, ни ума,
Легка-легка, как будто птичья стая.
А я во сне летаю тяжело
И разбиваю тёмное стекло
Меж адом жизни и небесным раем.

Там живы все. И мама, и друзья,
И бабушка, и те, кого нельзя
Увидеть, но забыть их невозможно.
Сиянье душ и отблески планет,
Их навсегда неутолимый свет –
И снег, летящий в мир неосторожно.

Я там жила, в завьюженной степи,
В ночном доме, где темнота слепит
И где лучина освещает песню.
А выплечется песенка когда,
Тогда метель и горе – не беда,
В прошедшем сгину, в будущем воскресну.

Опять листвы просвеченная медь,
Сквозняк берёзы бело-синеваой.
И снова можно плакать и неметь
Пред красотой такой же, как когда-то
Давно, за много лет до наших дней –
Чем раньше, тем прозрачней и ясней.
Здесь жили деды. Мельница кружилась.
Казалось, что сам воздух был крылат.
А если что, как песня, не сложилось –
В муку перемололось наугад.
А если что, как листья, облетело –
Так это моей бабке на венок.
Чернеют птицы в небе чистом, белом.
И мы живём. И Бог не одинок.

В ночной дали прольётся поезд
Наплывами из перестуков.
Пульсирует дороги повесть
Мерцаньем звёзд и тихих звуков.

Перекрывая расстоянья
Своей мелодией пустынной,
Состав летит легко и рьяно,
Но вот на станции застынет.

И в это самое мгновенье
Я вдруг пойму, что здесь когда-то
Остались предков поколения
В земле, ни в чём не виноватой.

Зачем я мимо проезжаю
Деревни той, в которой жили
Они так тихо, не мешая
Друг другу и небесной были?

Остановиться бы, остаться
В бараке ветхом и дощатом,
И тёмным звёздам улыбаться,
И облакам, грозой измятым.

И дожидаться до рассвета
С дежурства мужа или сына,
И песенку, что не допета,
Тянуть чуть слышно и наивно.

Чьи это гены во мне говорят,
Властно зовут по России скитаться,
В дикую степь, в гулевой листопад,
Хоть мне давно уже не восемнадцать?

То ли в кибитке, а то ли пешком,
С поездом шумным, с надеждой тревожной —
Всё же покину постылый мне дом,
Так, что вернуться назад невозможно.

Да и к чему? Ведь земля широка,
Каждая ночь может стать роковою,
И разливается в небе река
Птиц, улетающих над тишиною.

Мы-то не птицы, да песня долга,
Стелется степью да вяжется шалью.
Звуки раскатятся, как жемчуга,
Вырастут звёзды на месте печали.

В чёрную полночь за рыжим костром
Тень танцевальная движется следом,
И осыпается ржавым холстом
Воздух дороги, ведом и неведом.

Косматые ветры играют огнями окраин,
Но ветры и сами — игра им неведомых сил.
И ночь распрямляется, всей чернотой
догорая,
И падает в небо размахом обугленных крыл.

Светлеют листва и домов невысокие стены,
И чуть приглушённой — блеск уличного
фонаря.

Как жили мы долго и как расставались
мгновенно —
Об этом окраина помнит и знает заря.

И пение птиц, и сияние облачной пены,
И воздуха тонкого сумрачно-грустная медь —
Всё это о нас говорит, и всё это нетленно,
Круженье, движение жизни сильнее, чем
смерть.

Деревья начинаются с мечты
Об их стволах, о кронах незнакомых,
О чёрных гнездах — тихих, невесомых
На уровне лазурной высоты.

Деревья начинаются с ворон,
С их тишины тяжёлой, полусонной,
С их выкриков, гортанных и огромных,
С томительной зимою в унисон.

Деревья начинаются с листвы
Прозрачной и просвеченной навечно —
В обнимку с фонарём стоят беспечно
Они, не поднимая головы.

Деревья начинаются с тебя,
Огнём зелёным в сердце прорастают,
Как горькая весна, как злая тайна
И добрая — соседствуют, скорбя.

Ты не умеешь вырваться уже
Из душного цветения мирского,
Из лиственного шума городского,
Пока не вспоминаешь о душе.

Того что было, не вернуть.
Дорога верная поката.
Преодолев нелёгкий путь,
Душа касается заката.

И всё, что с ней произошло,
Умыто смехом и слезами,
И чьё-то белое крыло
Качается перед глазами.

Веди меня, мой дивный друг,
Мой странный спутник безымянный,
Сквозь боль, и нежность, и испуг
В иные дни, иные страны.

Там снег белее, чем всегда,
И невозможное возможно,

И осторожная звезда
Дрожит над городом тревожным.

Костры – Дон Кихоты осени,
Оранжевы и остры,
Себя в синий воздух бросили
До сумеречной поры.

Качаются – не кончаются
Их пламенные бои,
Как будто звезда-печальница
Роняет искры свои.

И на костров неистовство
Смотрит речная мгла,
Пристально смотрят пристани
И тихих вод зеркала.

Вода утекает медленно,
Огонь погасает враз.
Ночные костры последние
Не помнят меня сейчас.

Их время уже закончилось,
Их пепел совсем седой.
...Я стану костром пророческим
И никогда – водой.

Чёрного неба тягучий мёд
Льётся за горизонт.
Кто эту тяжкую сладость пьёт
Вместе с ночной слезой –

Тот навсегда свободен, а я
Слишком земной была,
И оставалась – летя, скользя,
Птицей гнездо вила.

Чёрной звездой сияло оно
В гуще лохматых крон,
И облетала его стороной
Стая старых ворон.

И обходили сплетни его,
И миновала беда,
Но капля неба – всего-ничего –
Однажды коснулась гнезда.

И вот, как пропасть, зияет оно,
И видно в его окно,
Что смерти нет,
И уже всё равно,
И боль отменить не дано.

И видно: бежит затяжная вода
По стёклам домов людских,
По зеркалам невинного льда,
Светлым глазам тоски.

И всё скрывает небесный дождь:
Души, сердца, крыла,
И обнимает синяя дрожь
Землю, где я жила.

Другая плотность зрения, мой друг.
Пора душе лучиться и дробиться,
Преодолев свой тягостный испуг,
Себя увидеть облаком и птицей.

Её глаза в себя отворены,
И стёрлась зыбкая перегородка
Между простором, заключённым в сны,
Калиткой кроткой, памятью короткой.

И дотемна по саду ей порхать.
Гнездо не свито, песня не допета.
И разве могут души отдыхать,
Когда наступит радостное лето?..

Под крышей будет гореть фонарь,
Как раньше и как всегда,
И снег заискрится старинным «встарь»,
Замёрзнет в реке вода
В году две тысячи никаком,
Забытом на много лет,
Поскольку я возвращаюсь в дом,
В котором меня больше нет.
А я любила и здесь жила,
Сгорала сто раз дотла,
И воскресала как свет фонаря
В прозрачной реке января.
И если меня ты забыл опять,
То повода нет умирать.
Осталась надежда на что-то ещё,
Что нас обоих важней –
На белый снег, на небесный шёлк,
На праздник далёких огней.

Начинается осень. Щербаты ступени её.
Эта лестница нас на чердак голубиный
уводит.
Там все стены исписаны разною глупостью
вроде
«Саня З. + Марина», и тоненький ветер поёт
—
Паутину колеблет, рассеянный свет
рассыпает.
Только выйдешь на крышу — весь город,
гляди, пред тобой:
Здесь темнеет овраг, дальше синяя Волга
мелькает,
Шпиль готический в небо уткнулся упрямой
иглой.

Эта осень меня укрывала столоственной
мглою,
Уводила в упорную, гордую горестъ любви.
Что теперь от неё, осторожной и скромной, я
скрою?
Ржавый лист паутиной знакомых морщинок
овит.

На доске рисовала мелком ярко-белым и
жестким,
На асфальте — дождём, самолётиком — на
синеве.
Эта осень прошла. Стала женщиной
взрослой.
Эта взрослость её не укладывается в голове.

И сбивается слог, и уходит привычная
гладкость,
И ступени щербаты — на память, на счастье,
на боль.
До свидания, осень. Прощай, моя радость.
Хорошо навсегда, до конца оставаться собой.

Всю ночь горевала свеча
И залита воском клеенка,
Как будто земная печаль
Звучала тепло и негромко.

И будто бы солнечный свет,
Такую невинную малость,
Душа разделяла на всех,
Кому она близкой казалась.

Растаяла... Что же теперь?
Живу я, себе незнакома.

Скрипит приоткрытая дверь,
И ветер гуляет по дому.

Всё это было когда-то
В дальней и плавной дали:
Звёздами пахла мята,
Стыли ромашки в пыли.

И деревянная дача
Вечной казалась мне.
Жизнь, много жизней знача,
Тайной была вполне.

В ней ковыли мерцали,
Пела гвоздики кровь,
И над землёй печали
Месяц нахмурил бровь.

И восходили лица,
Полные тишины:
Кроткие, словно птицы,
Нежные, словно сны.

Бабушка песни пела
Так, что земля цвела.
Звёздами небо кипело
И мама ещё жила.

А всё остальное — пропасть,
Там, у резных ворот:
Тёмной дороги прорезь,
Сомкнутый небосвод.

Я закончила старый рисунок
И закрыла вечерний альбом.
В серый город спускается сумрак,
Чёрной ласточкой — в медленный дом.

День сегодняшний доверху полон —
Завяжу, как дорожный мешок.
Мимо книжных заставленных полок
Чёрно-белый скользит ветерок.

Он крылами касается остро,
Он о прошлом не помнит уже.
Расставанья пустынная росстань —
Не на свете, а только в душе.

Хорошо, я с тобою согласна:
Уходить надо ночью — не днём,

Оттого что вся нежность напрасна,
Оттого что мы только вдвоём.

Я закончила старый рисунок.
Время холоду и темноте,
Время снегу, когда через сумрак
Свет проступит на ветхом листе.

Нам надо подготовиться к зиме:
Заклеить окна и купить картошки.
Кто знает, у зимы что на уме,
На сердце что, и в будущем, и в прошлом –
Снега, снега... Тропинку протоптать
Нам надобно под окнами своими
И уходить уже, и ускользать
От бед глухих по белизне равнины.
Здесь лыжников и беглецов не счесть,
Лыжня вдоль леса тянется, петляя,
Впадая в синеву, теряя блеск,
Саму себя перечеркнув, теряя...
Давай на склоне белом постоим
И помолчим мгновение-другое
О том, что нам известно лишь двоим –
Прозрачное, скользящее, тугое,
Как ветер, что шумит уже в ушах
При спуске с гор свистит, не умолкая,
И вот лицо твоё уже в слезах,
Перед зимой исчез недолгий страх,
И тёплый снег в твоей ладони тает.

Весь воздух сер и синь, и серебрист,
И запахами города расцвечен.
Но жизнь твоя – пока что чистый лист,
Не порван, не измят, не изувечен.

Ты ощутишь свободу и весну
И тайный дар преображать предметы,
И жар земли, и неба тишину,
Росток травы и древнюю комету

Как близкое – руки не отводи,
Не отводи ни голоса, ни взгляда.
И облако души, прижатое к груди,
Окажется неумолимо рядом.

Весь вечер пели соловьи,
А птицы прочие молчали
Во имя веры и любви
И нерастроченной печали.

Лучилось небо над землей.
Сирень рвалась через ограду,
Как это пенье, – к нам с тобой,
Когда гуляли мы по саду.

И влажной тяжестью дыша,
Земля струилась под ногами
Цветком, движеньем мураша,
Шурша под нашими шагами.

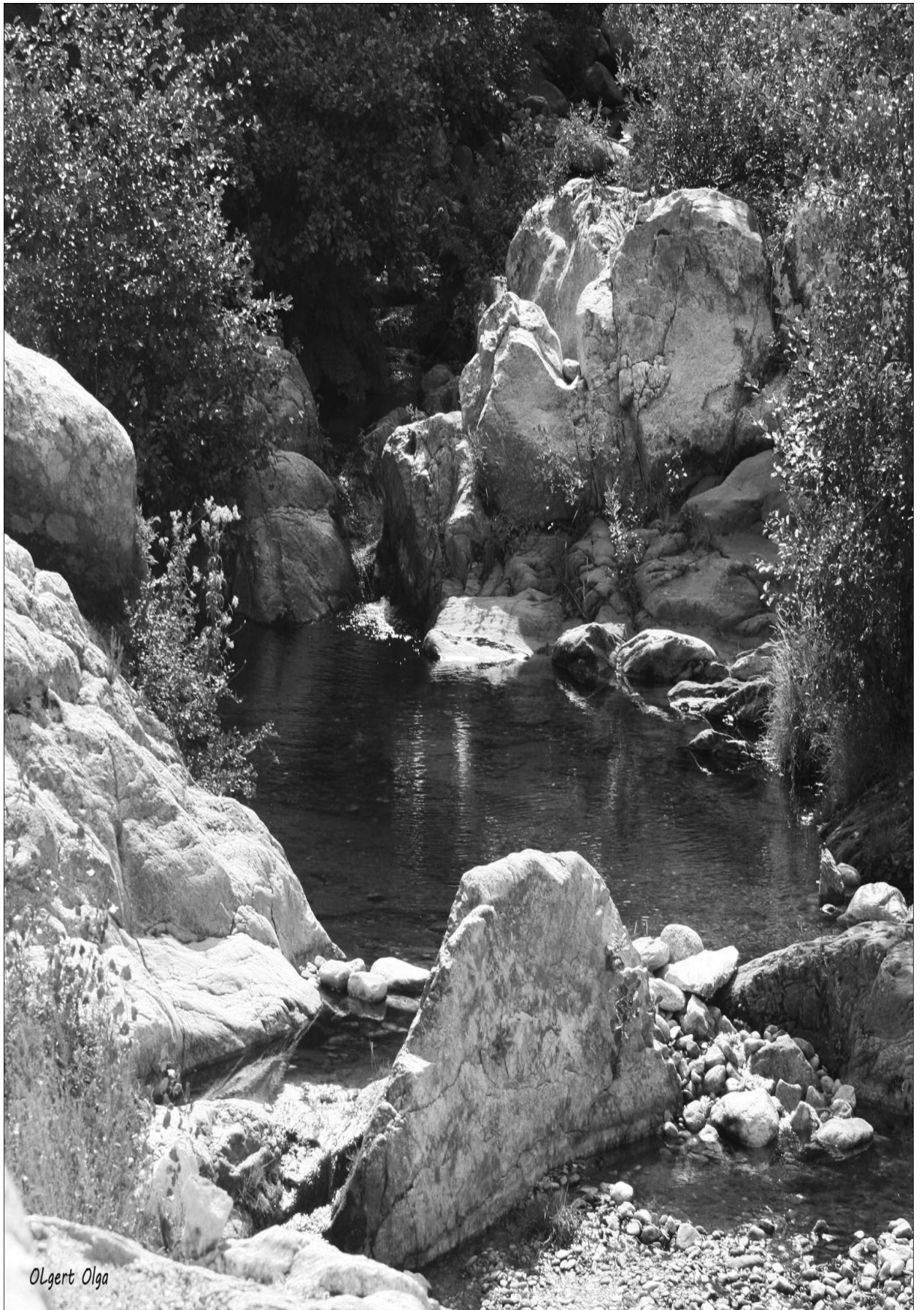
Её душа травой жива,
И в ясный вечер стало ясно:
Она по-древнему нова,
Она по-новому прекрасна.

Земля озвучена судьбой,
И соловьи вызывают: верь ей,
В её крылатые деревья,
В закатный свет над головой.

Окно,
В котором цветёт сирень –
Оно остаётся мне,
И нежный свет,
И живая тень,
И облако в глубине.

Я нарисую это окно,
Море лиловых крыл,
И тех, кто жил здесь
Давным-давно,
И тех, кто о них забыл.

И тех, кто не помнит
Теперь себя,
Стоит у небесных врат,
Прижав к себе
Охапку дождя,
Светом его богат.

Olgerd Olga

Воронцова Тамара
(г.Благовещенск, Россия)

Воронцова
Тамара
Николаевна.
Я родилась в
России на
Дальнем
Востоке в
простой
рабочей
семье.
Детство
прошло в
небольшом

таёжном посёлке, молодые годы – в городе Хабаровске, куда после окончания школы поехала поступать в технический вуз. Профессия инженера надолго определила дальнейшую судьбу, но любовь к литературе, поэзии, изящной словесности всегда волновала душу. Первые стихи пробовала писать в юности, но серьёзно занялась творчеством уже в зрелые годы. Удивительная природа края оказывала влияние на тонкое восприятие жизни, приглашала к размышлению. Интерес к человеку – его состоянию души, ощущениям и чувствам определили увлечения психологией и философией, а поэзия привела меня к Богу, дав понять, что все мы в этом мире носим частицу Его и связаны воедино. Печаталась в различных сборниках и альманахах.

Дальневосточное

Необозрим дальневосточный край -
Где ветер, нахлобучив малахай,
Гуляет по пространству беззаботно,
Метелями взбивая рыхлый снег,
Он приглашает небо на ночлег
И небо опускается охотно,
И всё оно – огромный мягкий зверь,
Лежит ничком, обняв земную твердь,
Уткнувшись в тишину холодной ночи,
Пульсирует вселенная над ним,
Где бесконечен сон алмазных зим
И мириады звёздных многоточий...
Здесь вёсны запоздалые длинные...
Исчезнет меланхолия луны,
Снимая послесловий зимних дрёму.
Рисует май, освоив ремесло,
И разбавляет нежное тепло
Ознобами заветренных черёмух,

Но вскоре зноем скрутится листва,
К семи утра – уже за тридцать два,
Немеет обезвоженное лето.
Ослепнут от жары глаза озёр,
И будет разводить шаман костёр,
Усердно призывая дождь к ответу,
И так усердно, что воды испуг
Остановить не в силах бубна звук,
И впору вспомнить праведника Ноя...
Но прекратят Верховные агонь,
И завершится ливневый сезон
Периодом блаженного покоя.
Загадочный, необъяснимый край -
Разгул стихий и молчаливый грай,
Творца недостижимого причуды.
И часто за вопросами – пунктир...
И молится восточный дальний мир
Христу, напоминающему Будду...

Гадание

Протяжные ноты пурги богомольной,
Вечерних теней - толкотня...
Последний кивок улетит с колокольни
В закат уходящего дня.
У хрупких зеркал за невидимой гранью,
Где мир убедительно пуст –
Почудится контур заветных желаний
И ломкого времени хруст.
Останется дрожь и следы незнакомца
Прожилкой на тонком стекле...
Метельная ночь заглянет в оконце
И смехом зайдётся во мгле.

Просодия зимы

Снег шёл весь день, спасал от пустоты
И одного хватило только вздоха
Зимы - понять, что всё-таки неплохо
Ей тешиться паденьем с высоты.
Мир на глазах от белизны немел,
И ощутить довольно было просто
И наше первородное сиротство,
И одиночество ухода за предел...

Просодия зимы - витает нежный снег...
Хрустят строкой хорей и амфибрахий.
Метафоры мои стремятся к тишине,
Как после службы кроткие монахи.
Немая круговерть - рифмованной игрой,
От звонкой пустоты и весело, и тесно.

Беззвучие строфы. Молчание. Покой...
Но , Боже , упаси от пустоты словесной...

Всю ночь напропалую бредил снег,
Бродил у дома, всхлипывал надрывно,
К утру затих, и, лёжа на спине,
Смотрел в пустое небо неотрывно,
Смотрел тоскливо, как бездомный пёс...
В саду кровили у рябины стигмы,
А наверху для легковерных звёзд
Владыкой снова затевались игры...

Сбежишь от мелочных обид
Одна за город очумелый,
Где утро бледное кровит
От снегирей на ветках белых,
Где главный зимний атрибут -
Сугробы долгих снегопадов,
Где непроглядную судьбу
Вдруг осознаешь, как награду.
И так душа перемолчит
Словарь безмолвия природы,
Что оправдаешь тайный стыд
И бесприютную свободу...

Воробьиное

Пировать и цвести, и плескаться весне до
исхода,
И подросткам-дождям за короткие сроки
взрослеть.
Разговееется март и сойдут оголтелые воды,
По пригоркам сухим разбежится сыпной
курослеп –
Это всё впереди , а пока за окошком простуда
И топорщатся ветки в одежке из хрупкого
льда.
У пернатых затишье, нахохлены будни,
покуда
Беззащитным пичугам открыто хаят холода.
Зимний бог в стороне, за сюжетом следит
нелегально -
Что там бает за жизнь на ветру воробьиный
сходняк?...
Птиц спугнёт детвора и сорвутся с куста
моментально,
Друг за другом сигая за кромку текущего
дня.

Восточный мотив

Выйдешь в утро поспешно - секунды скрипят
под ногами,
Каждый видимый выдох - мороза согретый
глоток.
На снегу - иероглифы птиц заводных
Мураками -
Расшифруй и узнаешь, чем ночью был занят
восток.
Сколько глаз ни скользит по рельефу -
сугробы, сугробы...
Расточительны зимы, гляди, - и тебя занесёт !
Как солдат на посту, коченеет фонарь
меднолобый
И о русской пурге пишет хокку бессмертный
Басё.

Лютует внезапная стужа -
Демарш повзрослевшей зимы,
И день отойдёт неуклюже,
Как будто был выдан займа.
Протяжная ночь скрупулёзно
Старается вычитать сны ,
И небо потухшие звёзды
Выносит за скобку луны.
Молчишь. Тишина неизбывна.
Окно - в зябкий мир полынья,
И происки прозы пассивны
В глухих лабиринтах жилья .
Буддийская мягкость покоя –
Блаженствует здешняя глушь ...
И так местный быт обустроен,
Что веришь в бессмертие душ .

Жизнь обольщает, вольную, тебя
Да так, что впору совершать аскезу,
Оступишься - болезненно свербят
Души неловкой скрытые порезы ...
Надеешься опомниться к весне
И бабий бред пресечь благополучно,
А небо опрокидывает снег
На землю щедро из амбаров тучных ,
И он, крошечный, падая ничком ,
Спешит улечься декабрю в угоду...
И тонет в снежном крошечке молчком
Твоя неизлечимая свобода

С другой стороны

Стылый холод. Кудрявится иней.
Морок зимний. В душе - нищета....
Проговаривал некогда Плиний:
«Надо взвешивать дни – не считать».
Кабы русскую стужу - да к Риму,
Воздержался бы Гай от словес -
В наши долгие лютые зимы
Время - только на счёт, не на вес.
На полгода - пронзительный зюсман,
Воздух горло дерёт, как имбирь...
Дни считают до первого плюса
Колыма, Приамурье, Сибирь...
Гололёды, метели... при этом
Не откажешь зиме в красоте,
И восторги ей дарят поэты
По врождённой своей доброте.

Хлопнешь дверью в крахмальное утро -
Рухнет под ноги выпавший снег,
До калитки пробьёшь первопуток,
И останешься наедине
С ноябрём, наполнявшим пространство
Ожиданием смысла зимы,
А село в белоснежном убранстве
Тянет к небу густые дымы...
Звякнет дужкой ведро у колодца,
Жар печей приподнимет хлеба...
Словно птаха в горсти, ворохнётся
И напомнит о жизни судьба,
У которой испытаны годы
На соблазны, на скорбь, на измор,
На негаданный выпад свободы
Ярым скептикам наперекор...
У которой любви - до озноба,
Благодати земной - выше крыш,
Свет смиренный и воздух особый,
И заснеженный местный париж...

Предзимье

Окраина. Утро. Безлюдный покой.
Рассвет по проулку крадётся,
Туман загустевший висит над рекой,
Где возится сонное солнце,
Едва пробивая ведущим лучом
Навyleт седую завесу.
Кухтою оброс молодой лознячок,
Вразбег убегающий к лесу,
С надеждой, что там под защитой берёз
И ёлок спасётся от стужи.
Осколками страз в колее от колёс

Мерцают стеклянные лужи...
Молчанье в округе, лишь стайка щеглов
На птичьём своём суесловит -
Приблизилось время притихших ветров,
Раздумий и медленной крови.
Канун холодов, но без грусти душа,
Ей божьи послылы понятны -
В любом измерении жизнь хороша,
Поскольку она безвозвратна.

Из октябрьской тетради

У октября последняя декада -
Спешит умы засеять декадансом,
Сентиментален... после снегопада
Отставку завершить готов авансом:
Зима на этот раз неэкономна,
Устроила досрочно показуху,
Вся сельская округа монохромна,
Накрыта с головой лебяжьим пухом.
Просторный ветер носится галопом,
Знобит перелицованное небо,
Чернеют швы избежавшихся тропок,
Наложенные спешно с первым снегом,
А день пронизан сущностью глубинной,
Каким-то непривычно тихим светом,
И стылые кровинки у рябины -
Как выболевший сон бывшего лета...

Сплавляет осень листья...

Тускнеет лес, оголены кусты,
Дожди спешат размывать былые беды,
Меняя на латиницу шрифты
В угоду докторам и душеведам.
Сплавляет осень листья по воде -
Свидетелей окрестного потопа,
Весомый повод отойти от дел -
Неспешно побродить по старым тропам,
И в строчке остывающей реки,
Текущей в оглушительную зиму,
Заметить взмах невидимой руки,
Черкнувшей на воде родное имя ..

Игорь Джерри Курас
(г.Бостон, США)

Игорь Джерри Курас родился в Ленинграде. Образование высшее техническое. С 1993 года живёт в Новой Англии. Работает

программистом. Пишет стихи и прозу. Автор четырёх поэтических книг: "Камни|Обёртки", "Не бойся ничего", "Ключ от небоскрёба", "Арка". Публиковался в периодических изданиях России, Украины, США, Канады, Германии, Израиля. Редактор отдела поэзии и один из основателей журнала "Этажи".

С той стороны и с этой стороны

Среди камней, оставленных в покое,
я был оставлен тоже — целиком
засвечен между линией прибоя,
кривой луной и злым материком.
Я видел сам, как в хрупкой пирамиде
все стороны слегка накрены
над створками неподчинённых мидий —
и сложноподчинённой тишины.
Увидишь ли и ты? — и если сможешь,
тогда с какой увидишь стороны? —
с той на которой расположен тоже,
или с другой — ведь стороны равны?
И с той, и с этой наша подотчётность
придумана, не связана ни с чем:
ведь некому ответить, что влечёт нас
туда, куда влечёт нас — и зачем.
Вот пирамида хрупкая, вращаясь,
вдруг преломляет первозданный свет,
и он опять расходится лучами —
находит нас и сходится на нет.
Он снова здесь в своём исходном виде,
среди камней, прибоя и луны:
над створками неподчинённых мидий
и сложноподчинённой тишины.
Среди камней, оставленный в покое,
я вижу оба оттиска луны.
Я здесь один. Нас, несомненно, двое —
с той стороны, и с этой стороны.

Просто осенняя песенка

Вот и здесь дыхание пустоты:
просто дом, в котором просто ты —
просто вдруг такая тишина,
что глухая дверь отворена.
Там за дверью старый адресат
на ладонях держит дивный сад.
Пряно пахнет палою листвою
просто так под просто пустотой.

Пряно пахнет палою листвою —
я тебя побалую, постой:
расскажу, как много лет подряд
я не видел дверь, не видел сад.
Дёргался как рыба на крючке,
бился будто бабочка в сачке —
мотыльком пытался я на свет:
всё летел, летел полсотни лет.

Мотыльком пытался я на свет
улететь оттуда где нас нет,
и летел туда, где думал — ты:
пряно пахли листьями кусты.
Здравствуй, мой любимый адресат.
Где ты был? Вернулся ли назад?
Что ты видел на своём пути? —
что ж ты сделал, Господи прости.

Что-то видел на своём пути.
Мог лететь, сказав себе: лети;
бандеролью брошенной, ничьей
ошивался у чужих дверей.
Вот оно — дыхание пустоты:
просто дом, в котором просто ты —
пряно пахнет палою листвою
просто так под просто пустотой.

Запах яблока и апельсина

Возвратиться в свои палестины,
прокатиться туда-обратно;
запах яблока и апельсина
в грубой тумбочке прикроватной.
Запах детства, превью сиротства
с бородой непременно ватной,
где настенных газет уродства;
коридоры, углы, палаты.
Вот берёзка, а с ней рябина,
да над речкой висят ракиты:
те же яблоки-апельсины
позабывшие — не забыты.
Здесь погосты весной, как грядки:
посмотри, ни одной оградки —
надо ж так заиграться в прятки,
чтоб исчезнуть совсем, ребятки.

Это яблоки и апельсины —
не противься, не бейся, сдайся:
возвратиться в свои палестины
не получится, не пытайся.
То берёзка, а то рябина —
то опять над рекой ракита;
всё струится моя тропинка
позабывая — не забыта.
Только память плодит плаксиво
эхом спятившим, — многократно:
запах яблока и апельсина
в грубой тумбочке прикроватной.

Я о тебе прошу

Здесь нехотя — едва — нам выпадает чудо:
на цыпочки привстав, как сосны на песке,
внезапно осознать, что улететь отсюда
не выйдет и у них — и не истлеть в тоске.
Я был такой как все, а ты была другая
и мне пришлось прожить две жизни наугад —
и вот, одна из них зачтётся мне у края;
а если сразу две — кто будет виноват?
Легко ли облакам всё принимать на веру:
не думать о траве, где выпало дождём
рассыпаться? Тогда — не должен ли примеру
их следовать и я, и всякий, кто рождён?
И зная наперёд, что просьбы неуместны —
над пасмурной землёй, пока встает рассвет —
я о тебе прошу у полосы небесной
и дерзновенно жду, что получу ответ.

Легко перевалив за середину,

Легко перевалив за середину,
я оказался в призрачном лесу:
срубил подлесок, и приправил глину
землём; и видел травы и росу.
Как хорошо садовникам и зодчим —
тем, кто умрёт, оставив город-сад —
им помогает добрый Авва Отчим,
когда они среди лесов стоят.
И в свой черёд я засыпал горстями
сырые ямы, и держал в руках
то жёлтый лист, то шапку с семенами —
то засыпал в тревоге о ростках.
Я просто был. Весь мир на до и после
я поделил, как делят мертвецы, —
но я был жив: на вызревшем компосте
благословлял то лук, то огурцы.
Простая жизнь дала начало новым
словам и звукам. Красота в простом;
поэтому, к обыденным основам
всё сводится: трава, дорога, дом.

И потому так сильно до и после
разнесены (хоть промежуток мал),
что с мыслью осторожной "прижилось ли?"
возделывавший землю умирал.

Вокзалы

О, нам вокзалы выпали с лихвой:
и станции, и даже полустанки
на нас бросали исподлобья свой
тяжёлый взгляд, как ящерицы в склянке.
Кирпичной кладки красная стена
неназванной постройки угловатой,
казалось — вся зудит, воспалена,
как стёртая до крови стекловатой.
Прикуривали злые фонари
и сплёвывали жёлтые осколки;
и ветра холодящий аспирин
бессмысленный не помогал нисколько;
а там, по небу — длинные легли
почти отвесно рельсы междуречий.
Вот почему друг друга не смогли
и мы понять в смешении наречий.

Эхо

Вот лес: в нём безупречны голоса
неясных птиц, которым нет упрёка,
которых впрок не опоит роса,
хотя в росе высокая осока.
Замолк промокший хор извечных жаб,
(росою или пенем опоённый),
но гусеницы жирный дирижабль
готов к отплытью — звонкий и зелёный.
И если это звуки языка,
то мыслимо ли хуже святотатство:
решить, что эхом сможет отозваться
твоя несовершенная строка?

Балтимор

Ну как дела? Опять сегодня в ссоре
с собой и миром? Лучше отложи.
Когда ещё ты будешь в Балтиморе,
где след неона по волне бежит?
Поехали туда! Там тоже люди —
как мы с тобой, но под иным углом;
под соусом другим, в другой посуде.
Поедем к ним. Попробуем — поймём.
Там спутаны дороги, сбиты карты
и не найти обратные пути;
там каждый день, как в приступе поп-арта
скопирован, темнея к девяти.
Там под мостками блёкая водича

задумывает новую тоску,
чтоб ту тоску, где нам пришлось родиться,
поставить с этой на одну доску.
И так теперь на сердце балтиморно
и муторно, что понимаешь вдруг:
да, где-то здесь и завершён, бесспорно,
прочерченный над горизонтом круг.
Притормозишь на первом светофоре
акриловом — а за окном темно.
Когда с тобой мы будем в Балтиморе?
Мы в нём давно.

Прощание

Медлительная песня горних высей,
где только небо слушает — и звук
от притяжений внешних независим,
едва течёт дыханьем сквозь дудук.

На том конце продолговатой трубки
лишь полутон задумчивый висит —
и дольний мир, готовый на уступки,
большой ладонью перед ним раскрыт.

Там на пределе своего накала
горят огни бездарных площадей,
там самолёты ждут у терминала
друг с другом распрощавшихся людей.

Поспешные, немислимые планы
сдают в багаж, суют в ручную кладь,
и трогают нагрудные карманы,
чтоб ничего в пути не потерять.

Медлительный откатывает берег
куда-то вбок, но горизонт размыт;
и в полусне — предчувствием потери —
лишь полутон задумчивый висит.

Кража

Во-первых, лес. Он вспоминает их,
когда листвою овладевает ветер,
шаманствующий в клёнах. Во-вторых,
названия озёр неровных. В-третьих,
олений одичалые стада
бредущие по кромке, чтобы встретить
зарю, с небес сошедшую сюда
(сама заря в-четвёртых). Если ветер,
шаманствующий в клёнах, принесёт
тугую тучу в громовых раскатах —
тогда тяжёлый дождь отметишь в-пятых;
всё остальное, видимо, не в счёт.
Всё остальное где-то за бортом

летающего вперёд автомобиля —
оставленное мною на потом,
или совсем оставленное, или
невидимое на моём пути, —
когда листвою овладевает ветер,
шаманствующий в клёнах — до пяти
сосчитанный на пальцах перед этим.
Летишь и держишь в пальцах целый мир,
где отражались бронзовые стражи:
украденный, заношенный до дыр —
и мной, и соучастниками кражи.

Дотронься, дотянись руками,
держи: до синяков, до ран —
пока над всеми облаками
безбашенный лютует кран.
Пока ещё курсивным шрифтом
не выделяется строка —
пока над каждой шахтой лифта
гудит громада сквозняка.
В слепом испуге каждой ссоры,
в неловком примиреньи — мы
стоим вдвоём, как две опоры
моста канатного, пойми.
Навстречу, вверх — канатоходцы —
едва-едва держа баланс
идём, пока холодный отсвет
бросает ненависть на нас.
Над каждой остановкой лифта
такая свара сквозняка,
что почерк дня — то кропотлив, то
летит курсивом в облака.
Закоченевший виноградник,
играет с пропастью в раздрай,
но дай ладони, бога ради! —
о, ради бога, руки дай!
Пока не выдали друг друга;
пока бесцельно, просто так
над самой кромкой полукруга
то светит свет, то мрачен мрак.
Пока безбашенные краны
так бесшабашны, что держись —
что делать нам? — Дышать упрямо,
цепляться и за эту жизнь.
Над каждой остановкой лифта
среди ночного сквозняка
дыши: ещё курсивным шрифтом
не выделяется строка.

Подари мне небо, когда подойдёт мой день
—
с облаками, нелепо надвинутыми набекрень
на вершины холмов
(наподобие моцартовского парика).
Пусть будут только вершины в небе — и
облака.
Долго шёл я вдоль берега
пока не понял, что берега нет.
Видел прожилки листьев,
заметные лишь напросвет;
слышал звуки жизни в траве
и рокот огромных вод;
летал высоко,
но не мог понять покорителей всяких высот.
Мне открылось такое, что вряд ли доступно
всем:
голоса ушедших, небесный курсив
и смычок в росе;
страх посмотреть вперёд —
боязнь обернуться назад;
и блаженство видеть то,
что видно только закрыв глаза.
Я потратил время на всякую ерунду,
но у жизни нет перемотки и кнопки undo —
и теперь растраченный каждый бесценный
миг
невозможно вернуть или выдать за черновик.
Подари мне небо, когда подойдёт мой час:
всё приходит в тонику — это всего лишь
часть,
где парик снимает Моцарт
и Чарли бросает трость,
и забыв про шлем с разбитым стеклом,
можно в небо войти, как гвоздь.
Хорошо, когда есть салфетка, бокал шабли,
на террасе музыка, десять ступенек в сад —
но закат последний будет вот-вот разлит,
наступает время снова лететь назад.
И устало скажешь жестом простым: домой —
подразумевая небо над головой.

Какое занимает время

Какое занимает время,
пока до нас доходит звук,
пока неопытное семя
живой травой покроеет луг.
Тепло земли в невзрачных комьях
впитает жизни торжество;
сочтутся в шуме насекомых
нелепость, жалость, естество.
Там глупость детская, незлая,
голубоглазая, седая

старуха-девочка стоит;
травя, сойдя, восходит с края,
ложится в изморозь и спит.
Я узнаю тебя, я помню,
но мне не суждено с тобой
в незрячем шуме насекомого
вернуться через луг домой.
Я стал таким, как эти комья:
среди травинки не иском я,
не найден больше. Для чего
я принял бедное бездомье
лугов и нежности его?
Как долго ждать прихода звука,
когда над нами жизнь стоит,
покуда девочка-старуха
в прозрачной изморози спит.
Пока над полукругом луга
ещё узнаем мы друг друга,
бредя бесцельно, наобум —
через исходный, как дерюга —
шершавый насекомых шум.

С тобой и без тебя

С тобой, с тобой — и снова без тебя,
ведь вечность это тени на граните.
Ты женщина: попутал бес тебя,
с небес тебя впусшив в мою обитель.
Ты здесь была — и снова не была,
и время в запрокинутой портъере
не двигалось — и темнота угла,
злорадствуя, шептала о потере
Мне снились удивительные сны,
в которых видел странную планету:
являлась ночь хрустальной белезны
сияющей. А день не ведал света.
Там посреди неназванных дорог,
среди каких-то узких колоколен
я жил, как мог — но, так как жить не мог, —
я ждал тебя и этим был доволен.
Обыденность бескрылая иным
не в тягость, не в упрёк — ведь всё на месте.
Но я с крылом, и ты с крылом — и мы
в сто тысяч раз всех остальных небесней.

Olgerd Olga

Александра Ковалёва (Alex Schmidt)
(г.Харьков, Украина)

**Ковалёва
Александра
Прокофьевна**
родилась в
1948-ом году в
семье
колхозников в
Луганской обл.
(восточная
Украина).
Закончила
факультет

иностранных языков ХГУ им. А.М. Горького (теперь имени В.Каразина). Кандидат филологических наук, доцент. Пишет лирику, прозу, переводит с немецкого. Издала ряд книг переводов немецкой поэзии: «Поток» (немецкая поэзия от средневековья до современности), 2011; «Женские голоса» (поэзия немецкоязычных поэтесс от средневековья до современности), 2013; «Голубизна» (поэзия немецких романтиков), 2014; «Демоны городов» (поэзия немецких экспрессионистов, 2016; «Мой немецкий канон» (немецкая поэзия от средневековья до современности), 2017. Организовывала обмен писателями с Нюрнбергом – городом-побратимом Харькова подготовила и издала ряд украинско-немецких поэтических антологий.

Sergej Schelkowyj
Сергей Шелковский
(г.Харьков, Украина)

**Сергей
Шелковский**
родился в
г.Львове 21
июля 1947
года. Закончил
инженерно-
физический
факультет
Национального
технического

университета "ХПИ" и аспирантуру. Кандидат технических наук (1980), доцент этого университета, автор научных публикаций в области прикладной математики и механики. Публикует свои произведения в печати с 1973 года. Автор более трёх десятков книг

стихотворений, прозы, эссе, поэтических переводов, вышедших в свет в Москве, Киеве, Харькове, в том числе книг "Стихии"(2004), "Певчий"(2005), "Эон"(2007), "Июнь-июль"(2008), "Небесная механика"(2009), "Кровь, молоко"(2010), "Парусник"(2011), "На улице Пушкинской"(2011), "Аве, август"(2012), "Днесь" ("Данас")(2013)- на русском и сербском языках, "Дванадесять"(2014), "Очерки о литературе"(2014), "Свет безымянный"(2015), "Апостольское число"(2015), "Вербное Воскресенье"("Palmensonntag")(2016)-на русском и немецком языках, "На родине Орфея" ("В родината на Орфей") (2016) - на русском и болгарском языках, "Дароносица" ("Monstrance") (2016) - на русском и чешском языках, "Будь и пиши" ("Traieste si scie") (2017) - на румынском и русском языках, "У белого ангела" (2017, поэтические переводы с немецкого), книг стихотворений «Мандри» (2002) и «Лева доля»(2017) на украинском языке. Многократный лауреат поэтических премий. Стихи и проза С.Шелковского переводились на украинский, английский, армянский, болгарский, грузинский, латышский, немецкий, польский, румынский, сербский, словацкий, французский и чешский языки.

Переводы стихов на немецкий Александры Ковалёвой.
Ins Deutsche
von Alex Schmidt übersetzt

М.

Wie regt mich auf die Linie des Kreises,
Wo wilde Äste so unbändig spreizen
Aus dem dunklen Boden, hoch und stark,
Wie in die Höhe ragt ein Pappelstamm.

Wie regt mich auf diese Spur der Risse,
Des Schmerzes Zeichen, Aufruf des Wissens –
Froh keim' ich auf durch den schweren Lehm,
Durch Nichtsein mich an hohen Himmel lehn'.

Und du, mein Spross, zutraulich und leise
Keimst auf in demselben lieben Kreise –
Des weißen Kragens labend süße Zier...
Wächst hoch und hältst die Sonne über mir.

М.

Меня тревожит линия простая –
окружность, по которой прорастает
из мрака почвы взлётным естеством
неодолимый тополинный ствол.

Меня волнует этот след разрыва,
знак боли и отважного призыва –
сквозь тяжесть глины взойти самим собой,
прорвав небытие над головой...

И ты, мой отрок-стебелёк, доверчив,
восходишь, тем же абрисом очерчен –
воротниковой тихой белизной...
Растёшь – и солнце держишь надо мной.

Gedächtnis

Na, so was, wenn der Juni wieder ankommt,
Nach Süden schwank' wie Don, Dnipro und
Volga,
Oder vielleicht eine Kosakenschar
Mit wilden Keulenschöpfen der Waräger.
Die Stirnen – feindlicher Markierung Träger,
Deren Machtkeule ganz aus Purpur war...
Was ist mein Blut? – Diese gesparten Tropfen?
Aus süßen Lilien, bitteren Limanen,
Mutterplatzregen, väterlichen Strömen...
Deswegen reißt so, wenn der Juni kommt,
Gedächtnis starker Ströme meine Adern –

Das Schicksal selbst mich in den Sattel wirft,
Den Satteltgurt so gierig festgezogen,
Und einen Köcher schenkt mir Sahaidatschnyj*,
Und meine Brust mit harten Augen sticht.
So gleite ich den Mittagskreis entlang,
Im Schlaf so mächtig flieg' ich immer schneller
Auf den Sippenruf und Blutmagnet –
Auf der Milchstraße und auf dem Wiesengras
Mit unbändiger Sehnsucht nach dem Süden,
Mit Sehnsucht voll von Honig und von Salz...
Ich hör' des Glücks innige Todespfeife.
Hab' nichts vergessen. Ganz im Wachen gehe.

* Sahaidatschnyj – eine historische Gestalt,
ein bekannter Kosakenheerführer

Память

И вот, когда опять июнь настанет,
качнусь на юг, как Дон, Днипро и Волга,
как пёстрая ватага казаков
с варяжскими бунчужными чубами,

с клеймёнными ворожей сталью лбами,
с пурпурными хвостами бунчуков...
Что кровь моя? – Накоплена по капле
из кринов сладких и лиманов горьких,
из ливней материнских, отчих рек...
И потому, когда июнь приходит,
мне жилы рвёт тугих потоков память

сама судьба в седло меня бросает,
ремень подпруги жадно затянув.
И сагайдак мне дарит Сагайдачный,
и в грудь вонзает твёрдые глаза.
И вот, скольжу дугой меридиана,
лечу в огромном сне, всё ускоряясь,
по зову рода, по магниту крови –
Чумацким Шляхом, муравой шелкоОвой
спешу на юг с тоской неодолимой,
настоянной на соли и меду...
И слышу счастья смертную дуду.
Всё помню, всё. И наяву иду.

* * *

Geflochten von dem wilden Weine
Mein Garten, sechzig Jahre alt.
Ich wuchs hier auf, er ist meiner,
Die Zahl der Tage macht nicht halt.
Das grüne Chaos, wilde Wiege,
Lianen ranken sich unsatt.
Der Zeuge aller meiner Siege
Labt meine Wunden lindes Blatt.

Sieh: leichte Wolken wie Nomaden
Im Rausch ziehen durch den Mai
Und ich bekämpfe böse Maden,
Das Dürholz soll gesägt doch sein.
Die Sonne scheint als ob sie könnte
Den Tod vertreiben überall,
Als ob sie jedem Veilchen gönnte.
Wortlos heilst du, der hochgekrönte,
Arztgarten, Freund, das liebste Heil.

* * *

Заплёлся диким виноградом
шестидесятилетний сад.
И я с ним рос все годы рядом.
И тоже сумме дней не рад.
Заплёлся хаосом вторжений
и ненасытностью лиан
свидетель всех моих сражений
и всех, поросших былью, ран.

Вот снова лёгких туч кочевья
летят над маем во хмелю.
И я печальные деревья
лечу – сушняк ветвей пилю.
А солнце так сияет, словно
прогонит всех смертей недуг.
Фиалки вьют гнездо укромно.
И ты цел~~и~~шь меня безмолвно,
мой лекарь-сад, мой знахарь-друг.

* * *

Kein Vorwurf in dem Antlitz, nur die Zeit
In diesen Blicken, die *ab ovo* gehen, –
Kräuseln des Lebenswegs kaum zu sehen,
Immer sichtbarer Ruh' und Ewigkeit.

Sie schweigen.
Ihre Seelen sind so nah
Zu dem, was hier zu nennen wir vermeiden.
Die Schritte schon über dem Rande gleiten
Des kalten Stromes, der das Beste nahm.

Die Fenster immer dunkler in der Nacht.
Keine Plejaden scheinen in die Scheiben.
Sie nehmen Abschied.
Worte freundlich bleiben.
Sagen Sie etwas trotz ob es was macht...

* * *

Упрёка нету в лицах стариков.
Во взоре их, идущем вновь *ab ovo**,
едва заметна зыбь пути земного,
но всё полней незыблемость веков.

Молчат.
Седые души их близки
к тому, что называть мы избегаем.
Их каждый шаг – уже над самым краем
холодной неприветливой реки.

И всё темней ночное их окно,
где нет Стожар, где скомканы Плеяды.
Прощаются.
Любому слову рады.
Скажите им хоть что-то – всё равно...

*ab ovo – от яйца (лат.), от самого начала

Palmensonntag

Jesus ritt ein auf seinem Eselfohlen
In die Goldkuppelstadt Erschalaïm.
Und Palmenäste sangen nicht verstohlen
Über den Tieraugen, über ihm.
Mit grünen Fächern fächelten die Kinder
Luft an der Stirn, zur Zeit Erfrischungslohn.
Man konnte in Erinnerungen finden:
«Avessalom, David, Avessalom».

Zweitausend Jahre wie im Nu verliehen.
Winter und Sommer, hart, unumkehrbar.
Als meine Finger an die Saiten griffen,
So gut wie diese keine Note war.
Wie dieser Esel, Frühlingswunderzeichen,
Palmengeruch so nah an dem Gesicht.
Auge Gottes kann ans Tiefste reichen.
Allmächtig und allsehend, Gotteslicht.

Вербное Воскресенье

Христос въезжал на фетровом ослёнке
в золотоверхий град Ершалаим,
и пели ветки пальмовые звонко
над ним, тигровооким, молодым.
То дети, веер зелени вздымая,
живили воздух над его челом.
И обмирало сердце, вспоминая:
«Авессалом, Давид, Авессалом...»

И вот прошло две тысячи подлунных
необратимых зим, жестоких лет.
И, что б ни взялся ты сыграть на струнах,
а выстраданней нот в клавише нет,
чем ослик тот, апрельский привкус чуда,
чем запах вербных веток у лица,
и свет тревожный, бьющий отовсюду, –
вселенский взор всевластного Отца...

* * *

Am Lebensabend Winter lernen.
Der Jägersdoppelflinte Krach.
Ein Wildschwein rannte in die Ferne,
Wie frech es Haselbüsche brach.
Für uns ist Zeit schon heimzukehren,
Geschneite Schafpelze abschüttelnd.
Auf dem Teller flammt die Kerze
Und man Holz im Kamin anzündet,
Das Kiefernholz. – Und deshalb braucht
Man heiligeres Feuer nicht.

Im Blut – ein heller Abendtraum

Nach dem erlebten Tageslicht.
Das war ein Tag mit frischem Schnee.
In Frost uns Rauch Flintenlauf.
Es dunkelt, eiskalt ging die Vega
Über dem Kiefernwalde auf.
So warm im Haus. Im müden Körper
Gefühl der späten Rechtlichkeit.
Um Viertel sind wir grau geworden.
Von Seele aber, Schneegestöber
Der Weise schweigt...

* * *

На склоне лет узнал я зиму,
Охотничьей двустволки гром.
Щетинный вепрь пронёсся мимо,
Круща лещину напролом.
А нам пора уже вернуться
В свой дом, тулупы сбросить с плеч
И, засветив свечу на блюде,
В камине истово разжечь
Сосновые дрова. – Не надо
Первосвященнее огня...

В крови – вечерняя отрада
На воле прожитого дня,
Дня свежевыпавшего снега,
Морозно-дымного ствола...
В окне темнеет. – Льдисто Вега
Над чёрным ельником взошла.
Тепло в дому. В усталом теле
есть лёгкость поздней правоты.
Мы лишь на четверть поседели.
А о душе и о метели
молчать умеем – я и ты...

* * *

Tod unvermeidlich? Tod ist Tod.
Das Leben
noch mehr unumgänglich!
Keine Minute ist vergänglich
Und jedes Alter einfach toll.

Wie wunderbar es alles macht,
Die Seele jünger mit den Jahren,
Vermag sie Scharfblick zu bewahren,–
An jedem Tag
Entspringt ein Bach.

* * *

Смерть неминуема? – Так что ж?
Жизнь –
неизбежной, неизбежной!
В ней всякий миг живей, чем прежний.
И каждый возраст в ней хорош.

Так странно, так понятно мне –
душа с годами всё моложе.
И зорче взор её, и строже.
И в каждом дне – родник на дне!

Dreißigjährig

Das wäre weder Wehmut
Noch die Freude –
Ich kenne einfach jeden Herbsteshauch:
Ein Apfel los riss hier
Und ohne Reue
Stach sich an einem Heidenrösleinsstrauch.

Lass mich die Früchte seh'n
Wie auch Kinder
Zu Kräften kommen...
Wärme vorbeirinnen –
Da summt
Im dreißigjährigen Wirbelwinde
Eine im Herbst verirrt stille Biene...

Тридцатилетье

И это – не печаль и не весёлость.
Я просто знаю осень наизусть,
где яблоко, сорвавшись, накололось
на иглистый шиповниковый куст.

И пусть я вижу, как плоды и дети
окрепли, и пора тепла прошла. –
Звенит, в густых вихрах тридцатилетья
запутавшись, осенняя пчела...

* * *

Lockt es dich – mit der wenigen Mühe
Einen Psalm kritzeln auf Papier –
Und ein Rabe rennt feindlich und mürrisch
Aus dem Nest in dein Herz, damit dir
Sticht ein Teufel stets in der Aorta
Wie ein Igel, der Nadeln herträgt,
Dass der Schnabel des wilden «Konkordes»
Couragiert in dem Himmel kräht.
Hab gesagt und sag jetzt aufs Neue:
Das gefährlichste Handwerk sei

Wo am Rande des Lautes kräuseln
Gut und Böses – gelassen frei.
Flinke Jugend und müdes Alter,
Wofür man nach dem Tode ringt.
Wind der Liebe im Herzen halten,
Der die Ewigkeit leicht durchdringt...

* * *

Соблазнишься ли – малою кровью,
накропать на бумаге псалом –
ворог-ворон сорвется с гнездовья,
чтоб царапаться в сердце твоём,
чтобы чёртом вселиться в аорту,
хворостины топорща ежом,
чтоб из хищного клюва «Конкорда»
каркать неплатежом-куражом...

Говорил и опять повторяю:
нет опасней того ремесла,
где вдоль каждого звука, по краю,
данность зла и добра пролегла.
Чтоб за юную прыть и за старость
отвечать и посмертно сполна,
помни ветер любви! Помни парус,
проникающий сквозь времена...

So wunderbar gerecht das eingeordnet:
Getrunken Sommerschwüle durch die Nacht.
Des hellen Herbstes helle Lobesworte,
Was irdisch, hat darüber keine Macht.

Was wesentlich, das braucht keine Worte,
Das lebt in *net* und nicht zu fangen sei,
Zum Himmel, diesem blauen Abgrundsorte,
Des Herbstes Pilger in der Hoffnung eilt.

Zur Schwelle, überschüttet mit dem Laube,
Zum Heim, wo Bläue sich zum Fenster streckt.
Verwandte blicken in das Gottesauge,
Der Pilger eilt, ihm Salz im Halse steckt.

* * *

Так выдуманно правильно и странно:
прохладой выпит за ночь летний зной.
И осени яснейшая осанна
витают над скудельностью земной

беззвучно. Ибо сущность – бессловесна.
Живущий – Сетью *net* не уловим.

Ещё светла небесной сини бездна,
пока спешит сквозь осень пилигрим
к усыпанному листьями порогу,
к жилью, где в окна плещет оком,
к родным, уже глядящим в очи Богу,
спешит, спешит – и солон в горле ком...

Am See

Mittag. Hier Flügel den Fächern gleich flattern.
Der Saphirschwanz streckt sich horizontal.
Urwiese, alles in Fülle, im Schatten
Schweben Libellen. Ein Zaubertal.

Fließend und leicht sind des Ankömmlings
Gesten,
Kaum er den Blütenblättern genaht,
In der Glasschwüle für ewig gefestigt,
Eigenes Weltall vergessen schon hat.

Von Andromeda durch kosmischen Nebel
Irgendwer sieht und beneidet mich heiß –
Mein an dem See paradiesisches Leben,
Flattern der Flügel, Himbeertageskreis.

У озера

Полдень. Дрожащие веерно крылья.
Горизонтальный сапфировый хвост.
Над первобытным лугов изобилием,
словно гипноз, – трепетанье стрекоз.

Плавность пришельца в летательном жесте.
Вот, к лепесткам наклоняясь едва,
в зное стеклянном застыли на месте
внегалактические существа.

Кто-то у линз Андромеды туманной,
губы кусая, завидует мне –
сну дуговой приозёрной поляны,
лепету летних малиновых дней...

* * *

Am Julitag regnet's nicht mehr. –
Im Obstgarten – Pilzengeruch.
Frisch riechen Obstgarten und Wald.
So atmet nach Regen im Gras
Der lebende Zeitmesser nun.
Sekunden wie ein Tropfenfall:
Von Blättern sie rinnen herab.
Auf den Boden ins Gras
Schmatzte ein Apfel, ganz reif.
Eine Stunde.

* * *

Ливень июльский утих. –
В старом плодовом саду
лесом запахло грибным.
В зелени после дождя
дышит хронометр живой:
падают капли секунд
с лиственных желобков.
Чмокнуло, в почву упав,
спелое яблоко. –
Час.

An das Herz

Sei mutig, du, mein Löwenherz, mein großes!
Glühe im Winter, meine Flammenblume!
Zusammen wieder und durch nichts verdrossen,
Zusammen kann man Morgenröte rühmen.
Der Sonne Mazedoner grüßen wir
Wie auch mädchenhaftes Morgenlicht.
Verlobungsringe, diese schönste Zier
An uns gerichtet: «Stirb, lüg aber nicht!»

Hier zogen gestern Millionen Dohlen,
Warmes Gefilde war ihr altes Ziel.
Durch steile Bögen der Antizyklone
Der Wintertag war hell, versprach so viel.
Und mir fiel ein: jetzt doch und gar nicht später
Gottesentscheidung günstig ausfällt.
Mein unruhiges Herz schlägt und trompetet:
Unter Stimmgabel himmlischer Trompete
Sind kleine Herzen dieser großen Welt.

К сердцу

Держись, большое, львиное, хмельное!
Пылай, багряный, средь зимы, цветок!
Даст Бог – с тобою я, а ты со мною,
ещё увидим утренний восток,
чтоб усмехнуться Македонцу солнца
и свежему девичеству зари.
И новых звонких обручений кольца
окликнут нас: «Умри, но не соври! »

Вчера по небу галок миллионы,
горланя бодро, двигались на юг
вдоль розоватых дуг антициклона.
И зимний день был ясен и упруг.
И мысль мелькнула: заодно с тобою,
в едином ритме, в замысле Творца,
стучат, моё тревожное, земное,
под камертонной ангельской трубою,
большого мира малые сердца.

* * *

Die Uferschwalben , wie enorm die Räume,
Kein Paradox mir aber stärker schmerzt,
Als diese Leidenschaft, die Fliegerfreude
In Trägheit, die an schwülen Tagen herrscht.
Mich kränkt träge Gleichgültigkeit des
Sommers,
Die Schönheit, die sich selber immer mag.
Jipp pfeift mit Zigaretten, böse trommelt,
Verbrennt die Sträucher an dem hellen Tag...

Erwarte nichts! Was kann der Sommer geben?
Von welchen großen Gaben? Sei doch klug!
Im Sturzflug Uferschwalben niedergehen
Und rufen dich in episch langen Flug.
Verwandte Vögel, Schwestern, ungebändigt!
Wenn still ihr Liebesschrei am Firmament,
Kann ich an Amulett die Lieder wenden –
Schwarzgold'ne Schatten, die uns Augen
wärmen,
Den aus derbem Tuche Kontinent?

* * *

Стрижи, стрижи! Простор, огромный воздух.
Нет парадокса, кажется, больней,
чем эта страсть пилотов острохвостых
в аморфности перестоялых дней.
Обидны – лень и равнодушие лета,
подвох самовлюблённой красоты.
Плюётся джип окурком сигареты,
сжигая придорожные кусты...

Вот и не жди от лета центрального
ещё каких-то радостей-щедрот –
пикируют стрижи его и снова
зовут с собой в эпический полёт.
Родные птицы, сёстры в несмиренье!
Когда утихнет ваш любовный крик,
я ль в ладанку вмещу стихотворенья –
все ваши чёрно-золотые тени,
все льды, весь грубошерстный материк?

Ольга Глапшун
(г.Луго, Испания)

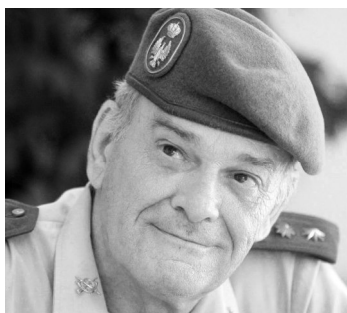

Olga Glapshun,
Родной город
Яремче, Украина.
Филолог, Автор
поэтического
украинско-
польского
сборника
«Жінка-Осінь
Победитель
Всеукраинского
литературного
конкурса им. В.
Грабовского, в

номинации «поэзия на польском языке»
(2009г). Победитель Конкурса переводов
Поэзии Марио Бенедетти (2016г). Финалист
Международного конкурса "Редкая птица-
2015" в двух номинациях (лирика и проза),
Публиковалась в трёх международных
поэтических сборниках ARTELEN (2016-17)
Координатор от Украины, переводчик и одна
из авторов поэтической билингвы "Україна-
Галісія. Гармонія сердець" (2017г).

Поэтические переводы с испанского

**Рафаэль Гонсалес Креспо / RAFAEL
GONZÁLEZ CRESPO**
(Сантандер, Испания)

Рафаэль
Гонсалес
Креспо,
полковник в
отставке,
неоднократно
побывавший с
разнообразными
миссиями в
бывшем

Советском Союзе, а также в России,
Белоруссии и Украине в постсоветский
период, долгие годы изучает ситуацию в этих
странах в геополитическом аспекте, и на
сегодняшний день является одним из
ведущих экспертов и консультантов событий,
происходящих в этих странах, на страницах
газет и других СМИ в Испании. Три первые
книги писателя, как и его авторский блог "Из
стеги", также посвящены этим вопросам. Но
за последние два года вышли в свет два
приключенческих романа. Их объединяет

главный герой повествования Альфред
Вигон. Первый роман "Двадцать один градус
ниже нуля" ("VEINTIÚN GRADOS BAJO
CERO") повествует нам об одном
путешествии через Польшу, Беларусь и
Россию главного героя, сопровождаемого
своим невероятным товарищем Владимиром.
Альфред едет на встречу с Ольгой, которая
оказывается одной из дочерей Берии... В
книге есть множество эпизодов
реалистически изображающие
постсоветскую эпоху в 90-е годы. В основе
следующего романа "Янтарь" ("ÁMBAR") -
одна из версий о судьбе Янтарной комнаты,
которая исчезла во время второй мировой
войны. В своём предисловии автор
настраивает читателя воспринимать
произведение, в первую очередь, как
"история, которая могла бы произойти или
нет, тогда почему бы и нет?"

Рафаэль Гонзалес Креспо
"Двадцать один градус ниже нуля"
(отрывок из романа)

Если все представляется
реальным, возможно, так оно и было...

Владимир лихо лавировал по замерзшей
реке. Это неправда, что русским привычно
делать это, тем более в начале марта, когда в
любой момент можно провалиться под лед,
что чревато серьезными последствиями.
Просто, хотел произвести на меня
впечатление, что очень часто встречается в
этих краях - смесь тщеславия и эпатажа
перед иностранцем, - зачастую, чтобы скрыть
свои недостатки на манер декораций
Потемкина...

Мы делали остановки в пути, чтобы
размять ноги и снять напряжение после
долгого тура по извилистой и ухабистой
дороге, причем, ночью, прежде всего, чтобы
не встретиться с непредсказуемыми ГАИ -
дорожной полицией: грубыми,
коррумпированными, определяющими
скорость на глаз, но были также и другие
причины...

Не имея возможности хлебнуть чего-
нибудь горяченького в этих необитаемых
краях, я чувствовал себя в ужасном
настроении из-за страстного желания выпить
кофе, который, казалось, мне уже нужно
будет не просто пить, а впрыскивать в вену.
Пришлось удовлетвориться несколькими
ломтиками колбасы с черным хлебом,

которые Владимир достал из старой плетеной корзины, где прятал свои сокровища и где хранились запасы провизии не на один присест.

Все началось давным-давно, хотя, сама идея этой поездки возникла совсем недавно и вела свое начало из Варшавы...

Бродя польской столицей в ожидании прибытия автомобиля, как только позволит снегопад, я обратил внимание на нарядно одетых людей, каждый из которых нес хлеб, украшенный разноцветными лентами. Я присоединился к этой процессии, которая привела меня к скромной, но красивой церквуске, в которую я вошел, ища убежища от нулевой температуры на улице. Здесь понял, что празднуют Пасху, и принесли, следуя традиции, с любовью испеченные дома куличи, чтобы снискать божье благословение.

Мои безусловно благие намерения были вознаграждены, - и моему удивлению не было предела! - так как спустя некоторое время, в полученный на входе пластиковый стаканчик, который я принял из интереса, проходящий между скамейками человек с выдавшим виды чайником налил кипящий бульон, согревающий сначала руки, а затем желудок. Если бы я мог знать, что это единственная горячая пища, которую я приму на протяжении довольно таки длительного времени, я, пожалуй, повторил бы.

Бульон придал мне сил, и, более того, простое, но эмоциональное церковное служение заставило меня обратиться к Всевышнему с просьбой, чтобы Владимир прибыл вовремя и все прошло хорошо, хотя, не было ни малейшей уверенности, что Бога может заинтересовать это дело...

Владимир тоже был, как и этот город, неопределенного возраста, нечто среднее между героями "Унесенных ветром" и "Как зелена была моя долина": морщинистое вплоть до волос лицо, ветхая одежда и Лада 124, аналог испанской модели SEAT 124, самой современной из всего антиквариата, глядя на которую, хотелось плакать, и не только из-за её желтого цвета, а еще и потому, что часть двигателя была пришвартована к корпусу с помощью телефонного кабеля, вероятнее всего, украденного.

Путешествовать с Владимиром почти то же, что заниматься экстремальными видами спорта, такими как прыжки с парашютом, рафтинг или альпинизм... Он отпускал руль,

пел во весь голос или матерился, объяснял, какие иностранцы все тупые, не способные понять ни русскую душу, ни его страну, ни вообще ничего...

Когда он был пьян, становился особенно разговорчивым но, тем не менее, на следующий день ничего не помнил или не хотел вспоминать, ничего не говорил и был предельно естественен и счастлив за рулем, напевая между делом или понося на чем свет свою жену и свекровь, проживавшую вместе с ними...

... Владимир встал, как роза, - или, как говорят в России, "как огурчик"-, попросил завтрак и с ходу умял его...

Наконец, и я закончил завтракать под бдительным взглядом нашей хозяйки, с нетерпением ожидающей пока я доем, поблагодарил и задал магический вопрос, которого она ожидала весь завтрак. - Я ищу Юлию Петрову, которая живет на улице Горького, 7. Думаю, её не трудно будет найти?

- Как раз и будет, - ответила она с удивлением, - потому что близняшка Берии уже не живет там. Почти два года как съехали в Слюдянку, чтобы поближе к работе мужа. А зачем она вам? - спросила.

Берия? - подумал я, - опять Берия.....

Rafael González Crespo
"Veintiún grados bajo cero"
(un trozo de novela)

Si parece realidad, es posible que lo sea...

Vladimir hacia cabriolas sobre el río helado. No es cierto que los rusos hagan estas cosas y menos a primeros de marzo, cuando en cualquier momento se puede romper la capa y tener un grave accidente. Simplemente quería impresionarme, algo muy frecuente por aquellos lares — mezcla de vanidad—, de epatar al extranjero e incluso de ocultar sus carencias con decorados de Potemkin...

Habíamos hecho un alto en el camino para estirar las piernas y aliviar la tensión, después de un largo recorrido por carreteras tortuosas y llenas de baches durante la noche, especialmente porque así no nos encontraríamos con los imprevisibles GAI de la policía de tráfico: zafios, corruptos y que median la velocidad a ojo, aunque este no era el único motivo.

La posibilidad de tomar algo caliente, en aquellos parajes deshabitados, era ninguna y yo estaba empezando a estar de malhumor por la falta de café que necesitaba no ya beber sino inyectarme en vena. Tuvimos que conformarnos con unas rodajas de embutido con pan negro que Vladimir saco de una vieja cesta de mimbre en donde escondía sus tesoros y que nos servirían de alimento en muchas ocasiones. Todo había comenzado mucho tiempo atrás, aunque este viaje tan solo acababa de iniciarse en Varsovia...

Mientras le esperaba deambulando por la capital polaca, a la que el llegaría en coche si la nieve lo permitía, observe que la gente iba engalanada y con panes adornados de cintas multicolores. Me uní a la procesión que me llevo a una iglesia recoleta y bonita y entre como para refugiarme de los cero grados de la calle. Allí comprendí que estaban celebrando la Pascua y llevaban, siguiendo la tradición, el pan hecho en casa, con todo amor, para que fuese bendecido.

Mis aparentemente buenas intenciones tuvieron premio porque, en la entrada, me suministraron un vasito de plástico que cogí distrito y — cual fue mi sorpresa— que, poco después, un acólito pasaba entre los bancos con una maltrecha tetera, sirviendo caldo hirviendo que calentaba, primero las manos y el estomago, después. Si hubiera sabido que iba a ser el único alimento caliente en muchas horas que mi cuerpo recibir;a, hubiera repetido.

Me sentí bien el caldo y, sobre todo, aquel oficio religioso sencillo pero emocionante y aproveche para pedir al Altísimo que Vladimir llegara y que todo nos saliera bien, aunque no estaba seguro de que Dios se ocupara de estas cosas.

Vladimir también era como aquella ciudad, de edad indefinida, a medio camino entre los protagonistas de las películas “Lo que el viento se llevo” y “Que verde era mi valle”: arrugas hasta en el pelo, ropa raída y un Lada 124 color amarillo, equivalente al SEAT 124 español y lo mas moderno en antigüedades, que hacia llorar, y no solo por el color, sino porque tenia parte del motor amarrado al chasis con cables de telefonía, probablemente robados.

Viajar con Vladimir se podía considerar deporte de riesgo, como el paracaidismo, el kayak en aguas bravas o el montañismo... Soltaba el volante, cantaba a gritos, echaba juramentos y me explicaba que los extranjeros éramos bobos, que no conocíamos nada del Alma Rusa ni de su país ni de nada.

Cuando estaba borracho, se volvía locuaz y, sin embargo, al día siguiente no se acordaba, o no quería acordarse, de nada de lo hablado y estaba absolutamente despejado y feliz conduciendo, mientras cantaba e insultaba a su mujer y a su suegra con las que vivía.

... Vladimir se levanto como una rosa - que en Rusia se dice "como un pepinillo"-, pidió desayunar y le puse sobre la marcha...

Cuando acabe de comer bajo la atenta mirada de nuestra anfitriona ocasional que esperaba ansiosa a que acabara, le di las gracias e hice la pregunta mágica que ella llevaba esperando todo el desayuno.

- Busco a Yulia Petrova que vive en la calle Gorgogo, numero 7. Supongo que no será difícil encontrarla.

- Si lo será - respondió con asombro - , porque la gemela de Beria ya no vive ahí. Se cambió a Sludyanka hace casi dos años para que su marido estuviera mas cerca del trabajo. ¿Por que quiere verla?- contesto.

Beria? - pensé - otra vez Beria.....

Ана Вила Портоменье (Ана Вила) / ANA VILA PORTOMENË (ANA VILA)
(Табоада, Галисия, Испания)

Автор поэтических сборников "Нечто от меня и многое от тебя" ("ALGO DE MÍ CON MUCHO DE TI"),

"Сердцебиение труженицы" ("LATEXOS DUNHA LABREGA") Многочисленные публикации в поэтических альманахах и международных поэтических сборниках на испанском и гальего. Поэзия Аны - это, прежде всего, философия Женщины, потому что в каждой женщине от её рождения заложено стремление сделать этот мир лучше, даря ему свое вдохновение, и внося коррективы в будущее. Именно женщина испокон веков является хранительницей домашнего очага, и часто желания видеть свой маленький мир в любви и согласии

распространяется и на "большой дом" - мир,
в котором мы живем.

El amor

El amor
no se puede escribir
ni se logra decir en palabras
solo se debe sentir
y dejar que hablen sus alas.

Alas que jamas tienen fin
y vuelan aun cerradas.

El amor
no se puede elegir
ni se logra con mil batallas
solo se debe sentir
y dejar que se miren las almas.

Almas que jamas tienen fin
y son luz aun apagadas.

Любовь

Любовь
невозможно описать
суметь рассказать о ней
можем только чувствовать
пусть говорят о ней её крылья.

Крылья, которые никогда не имеют границ
и летают еще до того как раскроются

Любовь
невозможно выбрать
завоевать в тысячи боях
можем только чувствовать
пусть увидят её наши души.

Души, которые никогда не имеют границ
они наш свет даже когда еще не зажжены.

Mi pensar

Mi pensar...tiene caminos
llenos de suspiros
para encontrar...los bellos motivos
que viven conmigo
uniendo el ayer y hoy.
Y mi corazón...tiene latidos
llenos de sonido
para alcanzar...los sueños dormidos
que viven conmigo
despertando en donde estoy.
Mi pensar...tiene amigos

llenos de alivio
para despejar...los cielos escondidos
que viven conmigo
brillando más de lo que doy.
Y mi corazón...tiene suspiros
llenos de castillos
para atesorar...los plenos sentidos
que viven conmigo
fortaleciendo todo lo que soy.
Mi corazón...es el pensar
con la razón que es amar
de lo que nunca quiero olvidar
para que el alma siga viva...al recordar.

Мои мысли

Мои мысли... это дороги
полные вздохов
чтобы найти... прекрасные побуждения
что живут во мне
соединяя вчерашнее с сегодняшним.
И мое сердце... это биение
звуки которого
проникают... в уснувшие мечты
что живут во мне
и пробуждают их где бы я ни была.
Мои мысли... это друзья
одержимые желанием
разверзнуть... сокрытые небеса
что живут во мне
и дают света больше чем даю им я.
И мое сердце... это вздохи
полные замков
чтобы беречь... роскошь чувств
что живут во мне
укреплять все то чем я являюсь.
Мое сердце... - это мысль
что стоит любить
то что я не хочу никогда забыть
ради этого душа будет жить дальше... помня.

Puedes... porque

Puedes verme a cada instante
en el tiempo y la distancia.

Puedes oírme a cada segundo
en la noche y en el día.

Puedes tocarme en cada momento
en realidad o en fantasía.

Porque te veo en todas partes
en el llanto y la alegría.

Porque te escucho acercarte
en estancia aun vacía.

Porque te siento muy dentro
en el corazón... de mi vida.

Можешь... потому что

Можешь видеть меня каждый миг
когда рядом я или на расстоянии.

Можешь слышать меня в любую секунду
посреди ночи и среди бела дня.

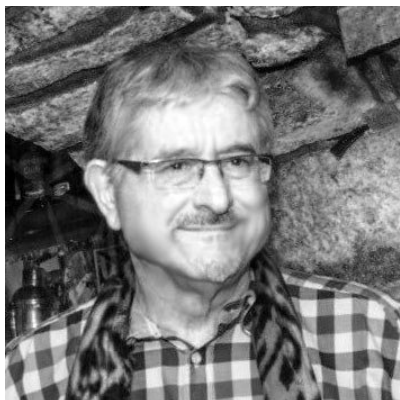
Можешь коснуться когда захочешь
в реальности или в мечтах.

Потому что вижу тебя везде
в печали своей и в радости.

Потому что слышу тебя
даже в пустом пространстве.

Потому что твое присутствие
глубоко в сердце... моей жизни.

**Хосе Эстевез Лопес / JOSÉ ESTÉVEZ
LÓPEZ**
(г.Луго, Испания).

Один из
самых
известных
поэтов
Галисии.
Юрист.
Автор
четырёх

поэтических сборников и трёх романов на испанском и гальего. Печатался во многих поэтических сборниках. Основатель и координатор многих национальных и международных проектов в области литературы и искусства. Активный общественный деятель. Поэзии Эстевеса свойственны яркие и неожиданные образы, интересные ассоциации, поэт обращается как к лирической тематике так и к общественно-политической.

Entro en tu iris

Entro
en tu iris
en voz baja
y veo miles

de paisajes
muy bien amueblados,
con cuadros de voces
accesibles que vienen
de tu infancia
y que llenan
las paredes
de memoria.

Recorro
todas tus estancias
y resulta una feliz
peripecia personal
porque descubro
que en ti está
todo lo que paga
la pena en la vida,
y tu amor
ya ocupa mi habla.

Vislumbro músicas
que pellizcan las mejillas
y llamo por teléfono
a tu puerta con la sutil
esperanza
de que tu amor
guíe mi visita
por tu morada.

Я вхожу в твою радугу

Я вхожу
в твою радугу
шепотом
и вижу тысячи
пейзажей
прекрасно обставленных
картины голосов
хорошо знакомых
с самого детства
которыми увешаны
стены
памяти.

Прохожу
везде где ты пребывала
и чувствую собственную
счастливую перипетию
потому что оказывается
в тебе
есть все то что возмещает
жизненные неприятности,
и твоя любовь
уже овладела моей речью.

В предвкушении музыки

от которой зажгутся щеки
я звоню
в твою дверь
с хрупкой надеждой
что твоя любовь
проведет меня
в твою обитель.

como me duele...

... como me duele
tu frío muro
de silencio...
Probamos
o licor das coplas
que nunca cantamos...
Apalabramos
afeitada incultura
nos grandes conceptos
para arar na medula dun
diálogo de aromas erosionados.
Bombardeamos
con silabas de intriga
a nosa frágil autoestima
e derribamos a cidade amurallada.
Rezando en latín...
e nesas inda estamos.
... como me duele
tu frío muro
de silencio...

как больно...

... как больно
от твоих холодных стен
молчания...
Пробуем
ликер куплетов
которые никогда не пели...
Обсуждаем
чисто выбритое бескультурие
важных понятий
чтобы вспахать до сути
диалог выветрившихся запахов
Бомбим
слогами интриг
нашу хрупкую самооценку
и разрушаем города-крепости.
Молимся на латыни...
и продолжаем быть.
... как больно
от твоих холодных стен
молчания...

Como deter o reloxo?

Mina prenda,
a paixon maiz dura,
a que arrasa a calma,
sufrir a distancia
portadora
dun virus que medra
coma unha mancha
de humidade nas paredes
da mina alma.
A distancia,
un apagon
de lenta dixestion.
E noite pecha
e a angustia rebota
na ois adia
da extrana vontade de perdurar
na busca da tia ribeira.
Mais,
o paso inexorable do tempo
impide escapar da voracidade
dos anos, aves de rapina...
Como deter o reloxo?

Как остановить часы?

Сокровище моё,
страсть моя долгая,
та, что уничтожила покой,
терпеть это расстояние,
что несет
вирус, растущий
будто пятно
влаги на стенах
моей души.
Расстояние
как затмение,
медленное пищеварение.
Глухая ночь
и грусть переходит
в отвагу,
неподвластную чужой воле,
в поиске своего берега.
Но, течение неумолимого времени
не позволяет избежать
ненасытности лет хищных птиц...
Как остановить часы?

Tal vez
debamos poner en valor
las proezas de esas personas
que saltan del lecho cada día

con la brisa y a ritmo de fracaso,
luchando como cometas en el viento,
malabaristas para sobrevivir.

Hablamos de la complejidad de la vida
(en esta apuesta imágenes y realidades).

Si desgranáis
en mis sentimientos
--la visita al viñedo es gratis--
encontraréis un corazón
en precario
que busca fotografiar
como terapia
su
mejor mapa
de ternura.

Como certificado
de últimas voluntades...

Возможно
мы должны возвести в высшую степень
заслуги этих людей
прыгающих на кроватях каждый день
с ветерком и в ритме провала,
сражающиеся словно бумажные змеи в
воздухе,
жонглёры выживания.

Говорим о сложности жизни
(выискивая образы и факты).

Если очистить от косточек
мои чувства
- посещение виноградников - бесплатно -
вы найдете сердце
в зыбком состоянии
что ищет сфотографировать
в качестве терапии
свою
лучшую карту
нежности.

Как сертификат
последних желаний...

Тоньо Нуньес (TOÑO NÚÑEZ)
(Луго, Галисия, Испания)

Автор
поэтического
сборника "Стихи
о любви осенью"
("Poemas de Amor
en Outono")
Координатор
поэтического
альманаха
"Xistral"
Печатался во
многих
поэтических

сборниках на испанском и гальего.
Выступает на различных праздничных
мероприятиях с художественным чтением и
как певец. Лирический герой Тоньо Нуньеса
- очень чувствительный, эмоциональный
романтик, страдающий от глубоких, часто не
разделённых чувств, ищущий гармонию в
жизни, осознавая её быстротечность и
пытаясь наполнить смыслом каждую её
минуту. Но, несмотря на грустные мотивы,
его поэзия подкупает своей искренностью и
жизненной мудростью.

Cando volverá saír o sol?

No vento preñado de amenceres perdidos
e de solpores pendurados no guindastre do
tempo
viaxa agochada a gadoupa aguzada da
depresión.

Chove

Choven chuzos de chumbo na chousa dos días
fluxidos.
E a chuvia asolaga a chaira das horas chuchadas
na procura dun puñado vougo de versos de
amor.

Chove

Por que chove así por min?
Esta chuvia que me enchoupa de tristura...
Esas nubes que me anegan de negror...

Chove

Na campa da ilusión só medran margaridas
murchas.
E navego pola beira da vida, coma un barco á
deriva.
Por que inzou na miña ledicia a herba da
decepción?

Chove
Chove
Chove

Cando volverá saír o sol?

Когда снова выглянет солнце?

Ветром, отяжелевшем рассветами
потерянными
и закатами, подвешенными в башне времени,
тайно путешествует депрессия.

Дождь

Сыпятся иглы свинца в клубок дней-
беглецов.
И дождь покрывает равнину скучных часов,
пытаясь наполнить пустую горсть стихами о
любви.

Дождь

Почему этот дождь так стучит по мне?
Этот дождь, насквозь пропитавший меня
грустью...
Эти облака, окунувшие всего меня в боль...

Дождь

В поле иллюзии растут только увядшие
ромашки.
И плывёшь по берегу жизни кораблём
дрейфующим.
Зачем проросла в мою радость трава
разочарования?

Дождь

Дождь

Дождь

Когда же снова выглянет солнце?

Náufrago dos teus ollos (Galego)

O mar inmenso,
coma o regato ó nacer,
cantaba a cantiga leda

do empardecen.

Aquel mar manso
-chaira azul infinda-
que aloumiñaba as rochas
con mans de muller.

Era o mar salgado,
o que bebían os teus ollos
mentres a bola de ouro
esgotaba os seus folgos.

Era o mar dos teus sonhos
-espello de gaivotas-,
o mar que te engaiolaba
co valse das súas ondas.

Mar de camiños confusos
-leito calmo de lene lúa-,
o que te acolleu amante
e bicou a túa pel núa.

Era aquel mar,
o que acalaba os cabalos desbocados
que agochaba no seu ventre
para confundirte.

O que teceu caraveis de escuma,
pintou peixes de cores
e ceibou bolboretas de coral
para seducirte...

E deixáchesme por el
-ladron de tesouros-
como barco á deriva...
Náufrago dos teus ollos!

Кораблекрушение от твоего взгляда

Безбрежное море,
словно речка новорождённая,
пело песню веселую
наступившему вечеру.

Это море покорное
- голубая равнина безбрежная -
скалы ласкало
руками женщины.
Было оно соленое,
его пили глаза твои,
в это время шар золотой,
измождённый, лишился дыхания.

Море было твоей мечтой
- зеркало чаек -
оно пленило тебя

вальсом волны лёгкой.

Море дорог спутанных
- спокойное мягкое ложе луны -
любовником страстным
кожу твою целовало.

Оно было тем морем
что усмирить могло коней строптивых
и тайна его глубин
вскружила твою голову.

Оно сплетало гвоздики пены,
разноцветных рыб рисовало,
отпускало на волю бабочек рифов -
чтобы лишь соблазнить тебя...

Ради него ты меня покинула
- вор сокровищ! -
теперь я корабль дрейфующий...
Кораблекрушение от твоего взгляда!

Ilusión

No amarguexo da tarde outoniza,
cando amenza o solpor,
entre os refugallo da derrota
e as follas murchas da dor,
acubillarei o relustro da túa mirada.
Despois virá a lúa, na invernía,
e cubrirá de luz-cinza
as miñas feridas ensanguentadas.
E durmirei un longo sono de pedra.
Logo, en decembro, serei folerpa.
E choverán abrils de chumbo
pola miña pel de sangue e lama...
Agardarei a que escampe...
E retoñarei, vitorioso, en primavera.

Иллюзия

В горечи этого вечера осеннего,
на рассвете заката,
среди обломков поражения
и боли листвы пожухлой
схороню молнию твоего взгляда.
Потом выйдет луна, зимой,
и покроет свет-зола
мои раны кровавые.
И усну бесконечным сном каменным.
Затем, в декабре, стану снежинкой.
Пока апрельские дожди свинцовые
не прольют на меня кровь и грязь...
Я пережду когда они прекратятся...
И оживу, победителем, весной.

Владимир Макуров (г.Новотроицк, Россия)

Владимир
Макуров родился
в городе
Новотроицке
Оренбургской
области, где и
проживает в
настоящее время.
Первая
публикация
состоялась в

журнале «Уральский следопыт» в 1985 году.
в 1992 году окончил литературный институт
им Горького. Автор трёх книг
стихотворений.

Утро в ноябре

До утреннего солнца, до зари
Взметнутся птицы шумною артелью,
Будя туманы, спящие внутри
Крутого губерлинского ущелья.

Продолжат птицы свой извечный путь
В манящий мир заморских побережий...
Скупое солнце поспешит шагнуть
За дымку влаги леденяще-свежей.

И станет небо перевал снежить,
Скрывая эхо суетного грая.
А я воспряну. Кто-то должен жить
Родной землёй... от края и до края.

Смеюсь и злюсь, и стыну, и... люблю.
Надеюсь и топчу свои надежды.
Ищу цветы, не веря октябрю,
Иду по жизни будто без одежды.

Лечу, как волос к острому ножу,
Под взглядом тлею, как под солнцем
рыжим...
Поняв своё бессилье, ухожу
С одним желаньем – умереть, но... выжить.

И вновь курлычу в небо – журавлю,
Стихи читаю в утреннем трамвае...
Люблю тебя я больше, чем... люблю!
И знаю, что такого не бывает...

Запах трав

Мне снится запах разнотравный
Холодной ночью февраля.
А за окном легко и плавно
Снега ложатся на поля.

Наутро вьюга разметаёт
Цветное облако мечты...
Но не беда, снега растают,
Когда ко мне вернёшься ты.

Весь мир наполнишь самым главным:
Сказать позволишь «я люблю!».
И свет! И запах разнотравный!
И взмах косы по февралю...

Печаль не разломаешь пополам
Она – не хлеб, один молчи и кушай.
Непостижимо, как не рвётся шрам,
С трудом скрывая раненную душу.

Не факт, что слышит Бог – хоть забожись!..
О чём ни думай – вывод одинаков...
А где-то далеко танцует жизнь
Под круглым небом в поле красных маков.

Кричит, крихтит, смеётся пустота
Садится рядом, заходя без спроса.
И только нереальная мечта
Горит в ночи звездой светловолосой.

Не слышно птиц, не видно ни души.
Сухие листья жёлтою порошей
Лежат и даже не скрипят в тиши.
Но это тоже скоро будет в прошлом.

Звенит последний и пустой трамвай,
Стучат колеса на путях железных...
Не уезжай, меня не забывай!
Но вслед кричать – смешно и бесполезно.

Я только на себя сегодня зол,
Пытаясь сердце пустотой заполнить.
Ещё не веря, что уже ушёл,
Хочу о том, что приходил, не помнить.

На всех скамейках – павшая листва,
На клумбах стынет преющее горе,
Норд нацепил паучьи кружева...
Я даже это потеряю вскоре.

В просторах жизни, рассекая гладь,
Табун коней несется рыжей масти...
Душе моей так выпало: страдать,
Надеясь на несбыточное счастье.

Готов бежать я тысячу часов
Средь ковылей, а, может, в тёмной чаще,
Чтоб опьянеть от птичьих голосов
И навсегда забыть о настоящем.

Но мне в степях с конями по пути.
И я скачу до крайнего предела,
Чтоб там сказать душе своей: «Лети,
Кауряя, ты этого хотела!»

Про лето

Про лето, что выше и ближе,
Тюльпанам поёт суховой.
Хоть долго тебя я не вижу,
Есть силы цвести у ветвей.

Звучащее музыкой имя
Под сердцем сжимаю в горсти.
Мы созданы Богом такими,
И нам от себя не уйти!

Улыбка летит, словно птица,
Туда, где надежды слабы...
Пусть кажется: негде укрыться
От пут всемогущей судьбы,

Мне больше не быть одиноким
В бескрайней пустыне людской!
Ты пишешь со мной эти строки,
Ты водишь моею рукой.

В осеннем небе, словно на рябине,
Зависли гроздья спелых ярких звёзд.
Чтоб это видеть, в старенькой машине
Тряслись вчера мы сотню пыльных вёрст.

Пусть гроздья звёзд осыплются с рассветом,
Пока ты рядом – мне печаль претит!
Когда мы вместе, будущее лето
Навстречу нам из космоса летит.

Мы стали невесомы этой ночью.
Смешалось всё - и «можно», и «нельзя»!
Щекой к щеке... И у тебя на мочке
Серёжкой дрожит моя слеза...

Ты в судьбу врываешься лучом,
Делая любовь всего дороже.
Теплое дыхание в плечо
Счастьем разливается под кожей.

Миражи мы делим пополам –
Всё доступно двум воображеньям...
Наяву космическим телам
Нестерпимо больно от сближенья...

В трехслойных тучах скрылся призрак дня,
Собрав багаж с надеждой и любовью...
В стране костёлов спишь ты без меня,
Встревоженно измято изголовье...

Вокруг мира, где души скрыл графит,
Где горизонты встали вертикально...
Но к ним из звёздных башен вниз летит
Мечта – стрела в унылую реальность.

Сквозняк, свеча, бликующий огонь...
И я, отжав щитом остаток ночи,
Кладу в твою открытую ладонь
Осколок сердца – аленький цветочек.

Заскорузнули льдами реки,
Мерзлота в пятьдесят кубов...
Между нами не дни – парсеки...
Но жива всё равно любовь!

Затаилась, пригрелась, дышит...
Я ей тихо шепчу: «Держись!»
Жизнь – проблемами выше крыши...
Только всё же прекрасна жизнь!

Счастья нужно совсем немного,
Было б крепким – щитом от бед!..
Освещает в ночи дорогу
Не салют, не пожар, но... свет!

О том, как жизнь бесцветна без тебя,
Как непрочна её дневная нить,

Как лист опавший ветры теребят –
Мне просто было не с кем говорить.

Как долго шёл, не веря никому,
Как может быть душа полужива...
Про всё скажу! И, молча, обниму!
Ненужными окажутся слова.

Сомкни ресницы – счастья паруса!
Дай спрятать губы в гавани плеча!
Толкни меня в цветные небеса!
Ждёт кислорода слабая свеча.

Душе взлететь намечен срок
За журавлями в путь-дорогу...
Читай не строки – между строк!
Слова скупы – не скажут много.

Не уместается в слова
Степной порыв к любви и счастью!
А жизнь звенит, как тетива,
Твоей натянутая властью.

Душе сиять приходит час!
Зависит блеск от номинала...
И пусть земля признает нас,
Ведь небо нас уже признало!

Душа в потоке звёздных рек
Искрится серебристой рыбкой...
Ей был добавлен целый век
Одной русалочьей улыбкой.

Пройдя всю жизнь, не повстречал я лучше
Кипел, бурлил... Перед тобой затих.
Когда вокруг стеной нависли тучи,
Ты – яркий луч, что пробивает их.

Живу как будто на краю планеты,
Вот-вот готовый в космос улететь...
А небо ловит все мои секреты
В какую-то невидимую сеть.

На млечный путь, на молоко кобылье,
Стремятся стайки звёздных жеребят...

И если есть у всех поэтов крылья,
Мои затем, чтоб защитить тебя!

Колокольчик

Пусть прошлое спекается в гранит,
Пусть давит быт, бесформенно-игольчат,

Ложись на травы, слушай, как звенит
Над самым ухом синий колокольчик!

За синевой завис на проводах
Высоковольтных линий бледный месяц,
И ветер в расходящихся следах
Хвосты дождей, как будто тесто, месит.

Расслабься, запусти в себя поток
Извечных сил, раскрой навстречу вежды!
Покажется: лазоревый цветок
Вливает в сердце отзвуки надежды.

Мы знаем, что любовь прошла зенит,
Судьба для нас не может стать возвратной...
Но колокольчик крохотный звенит
Всевластно, словно колокол набатный.

Аромат духов

Первый снег лёгкой поступью ног
Ты мешаешь с опавшей листвою.
По асфальту – бурлящий поток.
В октябре пахнет ранней весной.

Входишь новой в привычную дверь:
Непонятной, волшебной, весенней.
И я знаю, что станут теперь
Даже ночи – из ярких мгновений.

И порывы желаний чисты.
И дурманит воздушная сила.
Что ж так долго ветра наши ты
Во флаконе с духами хранила?

Любовь

Пытаясь найти чудо-средство,
Чтоб выгнать из жизни тоску,
Я словно в ковыльное детство,
Иду по ручью к роднику.

А там с вечно юной отвагой,
С годами став только сильней,
Сочится кристальная влага
Сквозь сети сплетённых корней.

А в сердце любовь разрывает
Смешное подобие пут!..
Вот так родники возникают –
Не зная, куда потекут.

Одна земля

Вернувшийся к родному очагу,
Прижавший к сердцу горсть степной земли,
Я вижу: на соседнем берегу
В руках казаха комом - ковыли.

Мы смотрим оба – я и аксакал,
Как, словно в хлеб среди ароматных пор,
Врезает русло-лезвие Урал
В хребты горячих Губерлинских гор.

И мы сидим на разных берегах.
Река межит ряд крутых вершин.
Но сыпет на ладонь свою казах
Такой же хлеб. На всех людей один.

Пока трава не вся пожухла,
И ноготок ещё цветет.
Да вот карась, к предзимью пухлый,
На зорьке больше не берет.

Такой порою затяжною
Люблю бродить в березняке.
Рюкзак просторный за спиною
И палка крепкая в руке.

И пусть грибов в лесу немного...
Листвой чеканною звеня,
Сквозная желтая дорога
В прозрачный мир ведет меня.

Белая грусть

Мы живём, но смеяться не можем,
Приучились улыбки беречь...
И ночами невольно итожим
Отголоски несбывшихся встреч.

Сколько чувств - и прекрасных, и грозных -
Неужели растрчено зря?
Накануне грядущих морозов
Мне всё ближе дожди ноября...

Зашуршали шаги снегопада,
Затуманилась снежная Русь...
Показалась душевной отрадой
Белоцветная зимняя грусть.

Друг от друга мы спрятали лица
В неподвижный обман тишины...
Только сердце упорно стучится
В ледяное безмолвье стены.

© Vlad Bravve

Лев Либолев
(г. Вюрцбург, Германия)

Одессит, 55 лет,
образование 10
классов и ПТУ.
Стихи пишу с лета
2008-го года.

город вытерт шинами машин
и дождями вымыт чисто-начисто.
день, одетый в серый крепдешин,
в списках посетителей не значится.
так, приبلуда, парковый плейбой,
где-то был, сюда забрёл по случаю...
хочешь встречи? что ты, бог с тобой,
можно ведь надеяться на лучшее -
будет так, как будет, не перечь,
ночь уйдёт шагами тараканьими...
чистый город ищет новых встреч
и торгует выцветшими тканями...

такая темь, что хоть не рассветаи,
но вот не спится, как тут ни старайся...
молиться той, которая свята,
никак не выйдет. мой диванчик райский
стоит в саду совсем не райских грёз -
вполне земных. и я заснуть не смею,
поскольку снится часто и всерьёз,
что тьма полна подарками от змея -
её походкой, лаской нежных рук,
прохладных губ - от них душа озябла...
вот так заснёшь, и тут приснится вдруг -
бочок надкушен на одном из яблок

.

не скучай, то, что должно - сбылось,
что предписано свыше - случилось.
надломилась небесная ось,
надломилась земная немилость.
просто-напросто время пришло
привыкать к повседневным ударам...
помнишь - раньше я был пожилой,
а сегодня я сделался старым,

но не глупым, поверишь... отнюдь.
понимаю - ничем не согрею.
отвыкай от меня как-нибудь,
забывай обо мне поскорее.

Ужин

Не то я говорю, и не о том,
растаял сахар в чашке с кипятком,
пустое брюхо жаждет бутерброда -
такая ненасытная порода.
За окнами назойливая гнусь,
когда за подоконник перегнусь,
шибает в нос сиренью и жасмином,
закат подкрашен заревом карминным,
ну, словом, не картина, но эскиз.
Коты бегут на громкое кис-кис.
торопится прохожий запоздалый,
и выручку расходует кидала,
на хлебушек, на маслице, на чай...
Ну, это я отвлёкся невзначай,
пора за ужин, хватит отвлекаться.
В окно глядят созвездия акаций
и воздух свеж... Но голод, что скорняк,
сдирает шкуры с брошенных дворян,
из проволоки делает каркасы,
и что ни говори, а мимо кассы.
Вот так и я, болтаю ни о чем,
ночная тень маячит за плечом,
и чучельники, вечность обдирая,
натягивают ад на остов рая.

Болото

Продираясь сквозь всякую болтовню,
увязая в трясине расхожих мнений,
убеждаюсь - не каждого извиню -
за когда-то разбросанные камни,
что не собраны - этому нет причин.
За отсутствием всякой другой причины,
я не слушаю всех возведённых в чин
потому, что они недостойны чина
собеседника в нашей, такой простой,
но важнейшей сегодня, из всех дискуссий -
отчего в головах наступил простой...
Я расспрашивал многих, но все не в курсе.
Потому, знатоков направляя в сад,
направляюсь туда же - а чем я лучше?
Попаду хоть в одну из таких засад,
наподобие самой простецкой клуши,
наподобие глупого болтуна -
слово за слово - вот и приехал, дурень...
Хоть пытался. Попытка не зачтена.
И уходишь, непонят, карикатурен.
А толпа улюлюкает смачно вслед -

мол сомкнёмся плотнее, ряды почистим.
Я дурак. Дотянул до преклонных лет,
но не стал ни доходчивым, ни речистым.
И поэтому - прочь. Ухожу смеясь,
не участвую, не подпишу петиций.
Обрываю концы, нарушаю связь,
и над городом рею свободной птицей.
Только бури не хочется... хватит бурь,
надоели до чертиков, до предела...
Коль ввязался в дискуссию - не халтурь.
Только речь оскудела и поредела,
как моя шевелюра. Пора домой,
через город иду, умываю руки.
Вот вернусь наконец-то, и Боже мой!
почитаю Вергилия и Харуки.
Наберусь понимания и ума,
хоть читай-не читай, а умней не стану.
Но кому-то тюрьма, а кому - сума,
кто наденет мундир, ну, а кто - сутану,
а потом болтовня и ненужный шум
на бульварах, в садах и везде-повсюду.
Ухожу потихонечку, не спешу,
никаких выяснений с битьём посуды
или морды. В болоте людской молвы,
разногласий на почве, единства в главном -
обиталище множества домовых,
вероломство сирены, усмешка фавна,
всё, что хочешь... Но скоро придёт зима
и замёрзнут решительность и порывы
докопаться до истины. Стилль письма
переменится, станет слегка игривым,
а потом - доверительным, и простым,
и расслабишься - сытый и обогретый,
выдыхая в окно ароматный дым
от раскуренной вечером сигареты.
А вдыхаешь в себя мандаринный дух,
чай попьёшь и не споришь. Варенье в блюдец
предлагает на выбор одно из двух -
помолчать или радостью захлебнуться
предрождественской ночью. Но мутит бес,
подливая отравы и тем, и этим...
Может ангел сегодня слетит с небес,
только мы за дискуссией не заметим.

Осень, осень, деловая колбаса,
бизнес-вумен в горностаевой шубейке.
Непогода упражняется в басах
и охаивает дворника-узбека.
Всё по плану с перерывом на обед,
узкоглазый подметайло тих да кроток,
удалённый и от бед, и от побед,
пайку делит с парой кошечек-сироток.
Ешь, бесхозная орава, быть добру,
нынче барыня пожаловали малость.

Остальное чуть попозже уберу,
мог пораньше, да рука не поднималась
безобразить эту позднюю красу -
листопадную, в осеннем беспорядке.
Мне улыбку, осень, переадресуй,
и поправь свои рыжеющие прядки,
спрячь под шляпу - не заметил бы никто
нарушения дресс-кода ненароком.
Шубу к чёрту, лучше в стёганном пальто,
пусть невзрачно, но удобном и широком.
Лучше вязаная шапочка, платок,
тот, цветастый, лучше простенькое платье.
Задержись ещё минуток на пяток,
не спеши на опостылевшие пати.
Дождь и слякоть, но узбека не ругай,
он метёт, всегда охаянный погодой,
и ему твоя улыбка дорога,
и твоё непонимание дресс-кода.
Пара кошечек-сироток, ты и он -
незамужняя в обнимку с неженатым.
Бизнес-вумен, брось на ветер миллион
рыжих листьев, как пристало меценатам.

Лисистрата

Растратим заготовленное впрок.
Ну, что там... Соль, хозяйственное мыло.
Нам черный день - заученный урок,
растратим всё... Вот это будет мило.
И очень своевременно сейчас,
когда запасы наши не сохранны...
Когда шипят закрученные краны
и трубы шепелявят, изловчась.
Замёрзнут - лопнут. Хриплый водосток
сглотнёт привычно ржавую водицу...
Вот как бы нам ещё определиться,
какой мороз действительно жесток,
какой терпим. Не в смысле - терпелив,
а в смысле - стерпим. Зимние затраты
спокойно спустим в треснутый отлив.
Довольствоваться ролью Лисистраты,
тебе, пожалуй, будет не впервой -
мы столько войн совместно проиграли...
Но влаги недостаточно в Граале,
чтоб мы с тобой достигли мировой,
хотя бы на период холодов,
пока нам дым, как стыд, глаза не выест...
Покурим, что ли... Я всегда готов.
Зима перекрывает въезд и выезд,
запасы на исходе, нет воды -
иссякла соль и мыло расслоилось.
Нам даже крохи - божеская милость,
когда бы только были не тверды,
как тот же лёд... Как холод губ твоих,
как мрамор кожи, крепость поцелуя.
В потоке слов - мятеж и снежный вихрь...

Ивой голос, мне поющий - аллилуйя.
И всё, что мы копили про запас,
растаченное глупо, беспричинно,
беспомощно, бездумно, не по чину.
Грааль пустой... Нас даже бог не спас.
Ну, что там? Мыло, спички... Чёрный день
зима закрасит белым. На портъере
полно следов. Куда ты их ни день,
они тебе напоминают о потерях.
Потерянный в кудрявости волос,
мой выдох ищет выхода на шее
твоей... А ты, стыдясь и хорошея,
мне вдруг напоминаешь - не сбылось.

Терпсихора

А у неё рисунок губ осенний,
целует - как дождём касается щеки...
Её бы мог любить поэт Есенин,
да что поэты ей, они временщики,
тем более такой, как этот рыжий,
златая голова сразила наповал.
Он брал её, он ей шептал - ори же,
он ей писал стихи, и в губы целовал,
надеясь на успех... Смешной мальчишка,
вольно тебе играть на царских позвонках...
Сентябрь в её глазах уверен слишком -
дожди смывают всё, их музыка звонка.
Они по лужам ходят на пуантах,
ей втайне показав немислимые "па",
её даруют варвару и анту,
хоть пялится вослед поклонников толпа,
и сутками судачат в коридорах
о прихотях её, о танцах босиком.
Она могла бы зваться Айседорой...
Он ею не любим. Скорее - был иском
и найден... Чтобы танец вышел чище,
в надломленности рук, волнению назло,
ей ближе был мужицкий кулачище,
чем княжеских бровей страдальческий излом.
Станцует... а потом пройдёт и это,
по осени она захочет перемен...
Так много музыкантов и поэтов,
от ласки этих губ любой из них смирен.
Идут за нею стадом, хнычут хором -
влюблённых дураков талантливая рать.
Почти поэт... Почти что Терпсихора...
Но это хорошо, что им не нужно врать.

Стержни Питера

Забиться в Питер по зиме,
исчезнуть в комнате отеля,
где кожу кожей звать не смей -
она всего лишь эпителий,

когда в открытое окно -
мороз и ветер, крик и шорох.
И ты шарахаешься, но
несёшься вдаль, как лошадь в шорах.
Вдаль, через мост, пугаясь львов,
воображением рассержен,
а Питер, вечный, как любовь,
вгоняет в сердце острый стержень -
Адмиралтейскую иглу.
И ты, доверившийся шторам,
гуляешь взглядом по стеклу
над Петропавловским собором,
над усыпальницей царей,
Невой, исполненной графита...
И стержни Питера острей,
и мягче сердцем неопиты
в отелях к вечеру, когда
полоски света в створках окон
рисуют прошлое, года
вокруг тебя свивая в кокон,
ещё до выхода... Развод
мостов пока не предвкушая.
Так лёд лежит над сводом вод,
так дремлет рыба небольшая,
предошущая свой уход
ещё зародышем в икринке...
Корсар, Онегин, Дон Кихот,
просмотренные в Мариинке,
зимой доступнее. Гранит
пологих лестниц отшлифован,
и Питер таинства хранит
своих погостов и часовен
под снегом белым, подо льдом,
в неожиданности метели,
когда приходят звуки в дом
и бродят у твоей постели.
Бормочут что-то, кокон вьют
и точат питерские стержни,
благословляя неуют -
остаток нашей жизни прежней,
как будто строчку из письма,
что мы любимым адресуем.
Так предсказуема зима...
и Питер так непредсказуем.

пока любовь двоим вскрывала вены,
как скальпель, обнажившийся мгновенно,
домушник, в дверь ломящийся плечом,
о чем-то не шептались, а свистели,
испуганные тени на постели,
и тело возрождалось в новом теле,
нисколько не жалея ни о чем.
в прохладных пальцах лезвие скрывая,
вела тела безбожная кривая,

ворча любви - под руку не толкай.
греховный плод со вкусом карамели
и бледностью раскрывшихся камелий...
ни тени возражать ему не смели,
ни ангелы в лепнине потолка.

Лакшми

Мне помнится улица Кирова,
посольство, индийский флажок.
Сараи, с которых пикировал,
осенние листья, что жег.
Верёвки с халатами банными,
чинариков брошенных яд
и смуглые лица с тюрбанами,
и женщины пёстрый наряд.
Браслеты червонного золота,
колечек раздутый объём...
И волосы черные сколоты
в пучок на затылке её.
Ещё у двора тридцать третьего
балконом прижатый орёл.
И поступь соседа-радетеля,
когда он в подпитии брёл
вдоль стеночки, ноги неверные
с трудом по земле волоча...
И ямы в подъезде кавернами
и желтый фонарь, как свеча,
оплывшая воском... Но всё-таки
не глядя на рвань и хламё
гуляло совсем не жестокое
счастливое детство моё.
Светилось янтарною зеленью
на сбитых коленях-локтях,
и радость несло неподдельную,
приморским жаргоном частя.
Завидя фигуру красивую,
и киноварь и кашемир...
Как будто по улице Кирова
гуляла богиня Лакшми.

Татьяна Литвинова
(г.Северодонецк,Украина)

Литвинова Татьяна Александровна.
Родилась в г.Изюм,Харьковская область.
Живу в г.Северодонецк,Луганская область.
Физик по образованию. Долго работала на
телевидении автором и ведущей
культурологических программ. Автор 6 книг
стихов (Украина, Москва), многочисленных
публикаций в бумажных и сетевых изданиях.

На обочине сарматской,
На окраине весны
Выкатит лесопосадка
Самокаты бузины.
Пошехонский ветер в спину,
Одуванчикова дрожь,
И за дикою маслиной
Вглубь по запаху нырнешь.
Что ж мели, мели, Емеля,
Как и должно испокон,
Канительно-повительным
Душегрейным языком.

В который раз перезимуй
От детства вдалеке.
Тысячелистником Изюм
Зажат в моей руке.
Там за двором отлогий холм
Все держит на плаву
Под черепитчатым щитком
Сверчковую траву.
Она до нынешних небес
Мой день позолотит
Простая кашка, зеленец,
Обыденный подвид.
Ключа всего на полщелчка
В пространстве оборот,

И мама, сдвинув облака,
Обедать позовет.

Два высоких окна мою жизнь освещали
вначале,
Два высоких окна, два избытка всегдашних
небес,
А за ними трава и цветы свои нимбы качали,
И на станции поезд гудел, а потом он исчез.
А по сторону эту крутила свой диск радиола -
Вот игла побежала по черной луне звуковой,
И остался в груди этот звук вечной ямкой
укола,
На луне звуковой, на дорожке подлунной
живой.
Все учебники собраны, где-то ударило
восемь,
Пей свой утренний чай, в этой нежной
провинции пей.
За стеклом переходит июль в полноправную
осень,
Вот уж скоро совсем перейдет и останется в
ней.
Остается ее полюбить, остается лишь это,
Ибо в окна видны недоступные глазу места;
Два высоких окна, вседержители лунного
света,
Может статься, что сразу и окна они, и врата.
Скоро шмель прилетит, скоро воздуху
вспомнятся птицы,
Скоро сам этот воздух увидится издалека,
И сквозь жизнь золотую, сквозь груженные
мраком ресницы
Обведет на стекле человечка и домик рука.

Кто мы – лишь воздух и глина,
Капли разъятой смолы...
Что же поют херувимы
Нам о великой любви?
Что же к нам тянут из дали
Сквозь беззастенчивость стен
Женские пальцы печали
Ангелы города Эн?
Что же на душу-паломницу
Не устает уповать
Вся королевская конница,
Вся королевская рать?
Хватит ли воли и терпенья,
Звезд на застежках плаща,
Чтоб перетягивать в пень
Вязкость земного плюща?

Хватит ли крыл переплеска
Меж несовместностью сфер
Ангелам города Энска,
Ангелам города Эн?..

Тень без особых примет.
Борис Пастернак

Я буду лететь мотыльком без названия –
Пыльцой неопознанных лет,
Нырять в темноту, в слепоту расставанья,
Как свет без особых примет.
Я буду лететь мотыльком бездорожья,
Напялив воздушный доспех –
Из слипшихся крыл, обескрыленной дрожи
Рождается музыка сфер.
Я буду лететь мотыльком полоумным
И гибнуть в случайном плену...
На бреге безумном, на бреге лазурном
Я к музыке вечной примкну.

Вот уж почти отсвистела
Дудочка, ласточка, речь.
Теплолюбивым растением
Силишься свет устеречь.
Но в непролазные ночи
И в быстроходные дни
Нежное облако точат
Сизые блески зимы.
Точат до новой щербины
Жизни самой естество.
Режешься воздухом синим,
Бритвенным краем его.

Воздух мартовским духом пропах.
На дорожках спокойно и сухо.
В допотопных пуховых платках
Семян у хрущевки старухи.
Умалилась и спала с лица
Жизнь - и вовсе теперь невесома,
Но довольно глядят на скворца:
Третий год прилетает, веселый.
Что ж, и вправду - такие деньки,
До сосновой дешевой доски,
Может, к пенсии будет надбавка.
И прямее стоят старики
На дежурстве у мусорных баков.
Дотерпели, и вправду весна,

Как-то легче пойдет и сытнее.
И живет, их не чуя, страна
И покровы небес иже с нею.

Разбираю папин шкаф.
Аккуратно по кутках*
Жизни отголоски.
В дальний угол дотянусь:
Бескозырка, синий гюйс
Форменной матроски,
Перешитый так и смят
Полувыходной пиджак,
Бережно хранимый:
Шестьдесят-неспешный год.
Габардин ли шевиот.
В нем и хоронили.
Не послать тебе вдогон
Пахнущие утюгом
Майки да рубашки.
С инструментом чемодан,
В старых пуговках баян,
Пыльник бедолашный.
Видно, ангела крыло
Подустало, затекло, -
Тоже не двужильный.
...Пусть хоть там, земному вслед,
Досыта накормит свет
Твою душу живу.

** по углам (укр.)*

Мамин листок убытия
Все подытожит дни.
Даты на нем и литеры
Еле уже видны.
Над чабрецами мокрыми
Справка, квиток, билет
В детских рисунках облако
Без канцелярских мет.
Он еле слышно движется,
Скорбен его полет.
Чуть различимой ижицей
Мамина жизнь плывет,
Как уплывала папина
Из лазаретов сих.
Может, небесных капельниц
Хватит им на двоих.
Прибрано все и воздано,
Только листок гоним
Здесь коротким воздухом
Или уже иным

В небо густое звездное,
В землю, что спит под ним.

Куст смородиновый тесный,
Хрупким раем цветовым
Ты летишь за мной из детства,
Золотистый цеппелин.
Мы с тобой когда-то жили
В переулке Заводском,
Где качался на пружинах
Гуд пчелиный день-деньской.
Эти срочные соцветья,
С детством нежное родство
Отделяет полстолетья
От апреля моего.
Свет и цвет неисцелимый
Только чудятся вдали.
Улетели цеппелины,
Весны, мячики, шмели.
Лишь расходится кругами
Лепестковый гуммигут,
Но в его фата-моргане
Мертви бджоли не гудеть.*

**Мертвые пчелы не гудят (укр.)*

Позавчера вернулись ласточки
В края полыней и крапив,
Краюшных лет путеукладчицы,
Чернил в дороге не пролив.
Неслись они над Вавилонией,
Потом над Лотовой женой
И поправляли Рему с Ромулом
Небесный ворот отложной.
Тут, между бойнями и кривдами
Лицо неволью запрокинь
К тем неисчислимым барвинковым,
Нежно-зеленым, слободским.
Лазоревыми оговорками
Так нежно воздух расчехлен -
Над голубянькою Набокова,
Над Мандельштама миндалем.

МАДАМ ПО ИМЕНИ ТОСКА

Как жизнь сама, как эхо жизни,
Как правая ее рука
Пройдет врата любой отчизны
Мадам по имени Тоска.
За ней идут слеза и слово,

Струится время по следам.
...Я вас спрошу строкой Рубцова:
Зачем вы курите, Мадам?
Зачем прекрасны ваши пальцы
А лик всегда сокрыт в тени,
Зачем примкнули к вашей пастве
Мои забвения и дни?
Зачем глаза полуприкрыты,
Где плачут звезды и века,
И с божеством самым вы квиты,
Мадам по имени Тоска.
О вас на небе скрипки пели,
И розу посылал вам Блок.
...Вам подошли бы асфодели –
Есть над землей такой цветок.
Во имя ваше рай потерял
И сада золотая мгла.
Зачем ваш миг и мир безмерен
И неуклончива стрела?

Вдруг вспомнишь: осень. Осень – это тест.
Ты надеваешь куртку и ботинки.
Контекст печальней и все глуше текст:
Опаздыванья, паузы, запинки.
Молчит, молчит невидимый суфлер.
Ему, наверно, очень одиноко
Напоминать часам сезонный флер,
Цитируя муссоны и сирокко
Там, где нас нет.
Но мы с тобою есть,
И где мы есть – ноябрь, и мало света,
И вечной вестью дождь идет. Он весь
Движенье, одиночество, Одетта,
Одиллия...
Идиллия длиннот,
Что возникают в звуковом растенье –
Молчание пред богом предстает
Равновеликим зеркалом осенним.

Фонарик под бумажной крышей,
Щемящая душа огня...
Какой-то дилетант-всевышний
Его не гасит для меня.
Слабей дождя, бессильней ветра,
Воздушной храма на песке,
И - как и все на этом свете -
Он держится на волоске.
Но капля света вечность точит,
Рождая и снимая боль, -
Кузнечик огненный стрекошет
В любом аду свою любовь...

Как яблока мякоть на месте надреза,
Искрятся снега красотой бесполезной.
Холодные яблоки беглой зимы
Забились в овраги, легли на холмы.
Огромная яблоня в небе витает,
Безумный садовник над нею чудит,
И яблоки ветер, как слезы, глотает,
Как слезы, как пепел, как горе, как стыд.
...Вот воздух - заснеженный, а не железный -
На месте надлома, на месте надреза...
Пусть лишь на миг, но легли на холмы
Не страхи, а яблоки беглой зимы.

Ветки и облака
Машут изглубока:
Из кистеперой зги
Тихо идут круги.
Кто-то натянет лук:
Вскроют Бирнамский лес
Артезианский звук,
Аортианский всплеск.
...Что ж ты меня зовешь,
Властно и невтерпех,
Всхолмье мое, трава...
Дельфы ли, острова...
Тенью на волоске,
Облаком по тоске,
Веткою по лицу,
Может, и полечу -
Дальше летучих рыб
Ласточки, глухаря:
За роковой изгиб
Жизни и словаря.

Не в парадизе поплавочном -
Среди подоблачных рванин
Дрожишь прикраевым листочком
У склонов, некогда родных.
Мой пришлый сад оттуда выбыл,
Как и басовый ключ шмеля.
Шепну с обочины спасибо
За оптику твою, земля,
За это драное крепление,
Что все латают день-деньской
Суровой дратвой то репейник,
То клен в господней мастерской.

Людмила Свирская
(г.Прага, Чехия)

Живу в Праге.
Пишу по -
русски.
Мечтаю о
мировой душе.
Вообще-то я
больше стихи
пишу. Но в
жизни иногда
всё так

перемешивается!

Автор книги стихов «Опоздавший Дон-Кихот»

У каждого из нас свой рай и ад.
Свое не поменяешь на чужое.
Ну кто, скажи мне, кто не виноват,
Что я сто лет к тебе тянусь душою,
А ты-ко мне? Не бойся, не проси
Прощенья и Прощания, мой милый.
Я верю в рай-Господь тебя спаси.
Я верю в ад-Господь тебя помилуй.
Во сне тебя я за руку беру,
Веду, как Эвридика, без оглядки
В свой тихий, теплый ад. Замкнулся круг.
Мы живы, старый друг мой. Все в порядке.

Я все жду - вдруг начнется обратный отсчет,
И опять повстречаю весну я,
И река- незнакомая-вспять потечет,
Все пороги умело минуя
Мимо губ, вечно лгущих. Неверящих глаз.
Снов и сказок, трубящих победу,
В город детства. Единственный. Где
родилась.
И откуда уже не уеду.

Не привыкай к любви. Когда тебя -
Судьбу ежеминутно, с придыханьем,
Благовари. Пусть даже не стихами.
Пусть молча - тишину не торопя.

А если ты - на миг ли, на года -
Живи, благодаря Того, который...

За ощущение летнего простора...
Что мне украдкой снится иногда.

Когда-нибудь я вспомню россыпь утр,
Случайный вкус невыпитого кофе...
Взгляд глаз твоих пронзителен и мудр,
И будто бы нездешен четкий профиль.

Нездешен и вовек неповторим.
Теряюсь. Или просто обретаю
Себя саму, когда мы говорим
Про космос и политику в Китае,
Про разности и суммы.. Я ни с кем
Сто лет про это... В голову не шло бы!

Как все, я лишь ходячий манекен
С кармашками усталости и злобы.

Но ощутимо верится в добро
С тобою рядом - над тарелкой суши...
И ты меня целуешь у метро.
Не губы, нет, конечно. Душу. Душу.

День рождения Натали

День рождения Натали.
Позолоченной листвою
Старый вымощен Арбат,
По которому брела...
На другом конце земли
Закружил над головою
Бесконечный листопад.
И, как перья из крыла,
Листья падали к ногам.
А кленовые трезубцы
Пламенели, как венец,
В волосах ее вчера.

Осень, слышишь, не сбегай,
Отдышись и образумься!
Осень-это не конец.
Лишь "унылая пора".

Бывают частенько, наверно,
Таковыми ноябрьские дни.
Вся осень - в стакане глинтвейна.
Вдохни напоследок. Глотни.

Ни "щедрая", ни "золотая" -
О ней не сказать. И весну

Припомнить, чтоб голос - растаял
В твоём телефонном плену.

Не то чтобы осень - мешает.
А просто случается зря.
Душа неизбежно ветшает
Навеки к концу ноября.

По страницам А.И. Куприна

Я Тапер в чужой твоей судьбе,
Изредка расцветиваю будни.
У дороги задремавший путник –
Счастье, не дошедшее к тебе.

Все же разбужу его – с трудом.
Кем попросишь: Шубертом и Листом.
Будет вечер: вкрадчивый и мглистый...
А потом? Ты знаешь? А потом?...
В бархатном футляре у стены
Прячу память о любви и лете...
В солнечном гранатовом браслете
Звезды непогасшие видны.

Памяти. Волошина

Мадригал(1)

Когда стихов таинственная спесь
Угадана по чьей-то легкой тени,
Ты – лишь Орфей в раю своих видений,
Ты – к сожаленью, к счастью ли – не здесь.

А остальное – мир реальный весь –
Что состоит из взлетов и падений,
Тебя уже, наверно, не заденет,
Хоть рядом, на стене, его повесь.

Ищи, поэт, в случайном силуэте
Свой вечный смысл – единственный на свете
–
И находи, и счастлив будь века!

Пока, неуловимая, как ветер,
Не унесется в запертой карете
Вдаль от тебя последняя строка.

2

Когда стихов таинственная спесь
Становится почти невыносимой,
Душа горит лампадой негасимой

В бушующей ночи (о счастье!) – месь

Годам пустым, несбывшимся мечтам,
Любви, прошедшей мимо близоруко...
Одну печаль лелею и науку –
Томиться по исписанным листам.

Теперь уже ты знаешь, почему
Я нелюбовь восторженно приму,
Отрекшись от счастливых сновидений...

Точна, строга и в меру коротка,
Да будет промелькнувшая строка
Угадана по чьей-то легкой тени.

3

Угадана по чьей-то легкой тени,
По блеску глаз и взмаху головы
Любовь. Опять, по моему хотенью,
На белый хрупкий лист ступили Вы.
И, двигаясь вперед тропинкой горной,
По руслу пересохшего ручья,
Вы к истине, которая ничья,
Приходите естественно и гордо:

Ни Вы, ни Ты(не все ли мне равно?)
Не в силах отменить давным-давно
Тоски моей пожизненное бденье...

Душа в крови: и плачет, и болит:
Настигнет нас мой маленький Аид...
Ты – как Орфей в раю своих владений...

4

Ты – как Орфей в раю своих владений,
Но я – не Эвридика! Если бы!..

Я слышу равномерное гуденье
Не выключенной вовремя борьбы

Меж небом и землею, тьмой и светом,
Между живой и мертвой водой...
Любимый...беспощадно молодой,
Туда-сюда снующий через Лету...

След губ твоих остался на подоле...
Руки коснуться бережно, без боли –
И замереть вовеки, ныне, днесь...

И только так счастливой быть на свете...
Любимый мой, прости мне строки эти:
Ты – к сожаленью, к счастью ли – не здесь.

5

Ты - к сожаленью, к счастью ли – не здесь,
В реальность заселяешься иную...
Ко всем и ко всему тебя ревную,

Тем утешаясь, что ты просто есть.

А если в жизни с солнцем перебой,
Одну из наших я включу мелодий...
Любовь, бывает, с юностью проходит,
Но этот случай – вряд ли наш с тобой.

Она уже давно легла на плечи,
И, кажется, что небо стало легче
И ближе: подтянуться да залезть!

Который год я не могу поверить,
Что вот он ты и наш безмолвный берег,
А остальное – мир реальный весь.

6

... А остальное – мир реальный весь –
Дарю тебе, единственно любимый,
На цыпочках проскальзывая мимо,
И с солнечным лучом наперевес,

Но налегке. Со мною лишь блокнот
Да кошка с треугольными ушами...
В судьбе своей мы мало что решаем,
Коль миром правят семь заклятых нот...

И все-таки попробуем опять
Мы в унисон негромко зазвучать,
Чтоб вместе умереть от наслажденья...

Обняв тебя, с минуту не дыша,
Я прошепчу: «Да здравствует душа,
Что состоит из взлетов и падений!»

7

«Что состоит из взлетов и падений?» -
Спросило море горную гряду,
Но та всю ночь молчала на беду...
Клубились фантастические тени,

Кружились суетливо целый век,
Меж сном и явью, правдою и ложью,
Туда-сюда, вершины и подножья,
Как будто невзначай: то вниз, то вверх.

Мгновенье – от восторга до тоски,
Из крепкого объятия – в тиски...
Мир состоит из взлетов и падений...

И горя в нем – увы – полным-полно,
Но я молюсь и верю, что оно
Тебя уже, наверно, не заденет.

8

Тебя уже, наверно, не заденет
Мое равнодушие к тому,
Как ты живешь. Тебе хватает денег?

А если одинок, то почему?

Меня, о да, ты вспоминаешь редко,
В судьбе твоей у всех свои места.
А это значит то, что неспроста
Ты мне в углу поставил табуретку.

Но я роптать не вправе. Важно ль это?
Ведь все равно хожу-брожу по свету,
Счастливой стать смогу и там, и здесь.

А если нет в душе твоей покоя,
До счастья не дотянешься рукою,
Хоть рядом, на стене, его повесь.

9

Хоть рядом, на стене, его повесь,
Любимого портрет в роскошной раме,
И припадай, как верующий в храме...
Но сердце откликается на смесь

Каких-то глупых «лайков». - «Я люблю»
В который раз не свяжется во фразу...
Мы снова повстречаемся не сразу:
Когда любовь опустится к нулю.

Мы станем равнодушны и милы,
Как в магазине – новые столы:
Те, у стены, а, может быть, и эти.

...Живые руки, губы и глаза
Сквозь, вопреки, благодаря и за
Ищи, поэт, в случайном силуэте.

10

Ищи, поэт, в случайном силуэте
Метафору забытую свою,
И радуйся, забыв про все на свете,
Когда найдешь. И снова я спою

О счастье – до конца непостижимом,
Неведомом тому, кто не знаком
Со строчкой, заскучавшей под замком,
А прежде - столько раз скользнувшей мимо.

Спою о ярком солнце и о лете,
О том, как прорастает мох столетий
Сквозь каменные, мертвые слова

И оживает заново в поэте...
Ищи всю жизнь и находи едва
Свой вечный смысл – единственный на свете.

11

Свой вечный смысл – единственный на свете
–

Мы ищем основательно, с трудом.
Кто дуб сажает, кто-то строит дом
И между делом счастья не заметит.

Что до меня...уже не задаю
Себе вопрос бессмысленный – о смысле,
Неся на разноцветном коромысле
Две нелюбви – чужую и свою.

Прислушайся: тебя давно зову я,
Чтоб встретиться в июле, на закате
(Так было много раз, наверняка!),

Чтоб мертвую ты вылил, а живую –
Любовь - дал выпить мне. Ищи, искатель,
И находи, и счастлив будь – века!

12

И находи, и счастлив будь века
С тем найденным, что душу бредило...
Напрасно поп размахивал кадилом
Над внутренностью хрупкого цветка.
В необъяснимой дерзости застыв,
Он держится, пока не опадая...
И тихая молитва молодая
Звучит над ним, как сказочный мотив.

Его омыла юная роса,
И вечности последних полчаса
Счастливей всех я становлюсь на свете:

Прозрачна, осязаема, легка,
Вдруг вспархивает новая строка:
Пока неуловимая, как ветер...

13

Пока, неуловимая, как ветер,
Прочь не умчалась юность навсегда,
Я ничего не знала ни о лете,
Ни о тоске, что душит в холода,

Ни о любви, слегка побитой градом,
На перекрестке съездившейся вдруг...
Ни о тебе, мой прошлый добрый друг,
Я ничего не знала. И не надо.

Давай как будто нам по двадцать лет:
Плохого в этом мире просто нет,
И сутки напролет нам солнце светит...

Тогда, быть может, юности восторг
На чей-то пламенеющий восток
Не унесется в запертой карете.

Не унесется в запертой карете
Давным-давно прожитая весна.
Мне цель ее высокая ясна:
Напоминать настойчиво о лете,

Поскольку в теплой осени – о да,
Рассеянной, спокойной, близорукой,
Случается невнятная разлука:
И, как бывает часто, навсегда.

Что от меня хотите вы услышать,
Всевидающие скученные крыши,
И чешуей блеснувшая река?

О чем, поэт, ты думаешь тоскливо,
Когда опять умчится молчаливо
Вдаль от тебя последняя строка?

15

Вдаль от тебя последняя строка,
Как пробка, отлетает безвозвратно.
Жмет на Delete упорно, многократно
Чужая всемогущая рука.
Я к счастью столько раз была близка!
Томила на пороге. Но парадный
Подъезд мой осыпался аккуратно,
Как в давнем детстве – замок из песка.

Я верю в то, что все еще случится,
Ведь счастье – любопытная вещь:
Вдруг раз – да и откликнется, что есть...

Я к счастью мимолетному готова
И верю в то, что прежде было слово,
«Когда стихов таинственная спесь...»

Thierry Langhettee
(Paris, France)

j'ai 60 ans, je suis professeur de lettres à Paris. J'ai publié divers recueils de poésie et deux recueils de

nouvelles. Le dernier -"Le Café-larmes"- en 2010

Les Voix de Saint-Médard

Brusquement, comme au réveil on s'aperçoit que la neige est tombée, il a su l'autre vérité de cet homme. Celle qui ne tournoie que dans sa nuit, celle dont les cristaux de silence se sont accumulés à l'insu de vos sommeils et dont vous découvrez un matin l'infinie et muette blancheur.

Cet homme, c'est ce père, là, en face de lui, à la terrasse du café Saint-Médard, et dont il savoure chaque semaine l'invariable gaieté. Pour l'instant, il en devance les questions : oui, ses études vont bien, sa santé aussi, oui, il s'entend bien avec ses colocataires – une chance, cette personne qui loue pour trois fois rien aux étudiants. Puis il évoque sa passion pour la poésie, s'étonne de la qualité du dernier disque de Tracy Chapman. Fabien approuve, comme s'il y constatait la perfection du monde.

Comme il le connaît bien, Emmanuel, cet éclat dans ces yeux de père, cette somme en vérité d'un être plein de clameur et d'orage, plein de rire et plein d'urgence... Même s'il y passe parfois, comme un vent de sud, la chaude énigme du regard d'un homme.

Maintenant, il s'amuse de ces mèches gris-blanc qui tombent en désordre sur son front, s'étonne une fois encore de son étrange beauté d'adolescent - lorsqu'il veut bien se raser, comme aujourd'hui. Quelque chose en lui rayonne qu'il ne sait même pas, qui fait qu'on le remarque au milieu des autres.

Quant au matin, c'est celui d'un simple et beau dimanche d'avril. La place en est tout encombrée de soleil.

La rue Mouffetard y écoule tranquillement ses passants. On flâne le long du marché et des boutiques, les gens du quartier ont rempli leurs cabas, desquels on voit surgir de temps en temps les couleurs vives d'un bouquet de fleurs ; les touristes s'émerveillent de ce petit village au cœur de Paris, avec l'église, la boulangerie, les cafés-restaurants.

La fontaine est le cœur de ce village. Le pavé se presse autour d'elle comme s'il en faisait jaillir lui-même cette eau qui fuse à grand bruit vers le ciel. C'est sur la voix de la fontaine que s'accordent toutes les voix de Saint-Médard.

Celle des moineaux, qui se sont installés sur les margelles : les uns tendent le cou pour s'abreuver, d'autres, aspergés par les gouttelettes des jets d'eau, s'ébrouent, mais la plupart éparpillent dans l'air une multitude de chants flûtés.

Il y a celle des forains, qui scandent derrière leurs étals la fraîcheur de leurs fruits et de leurs légumes et celle de la joie criarde des enfants qui jouent dans le petit jardin de la rue Censier.

La voix de Saint-Médard, c'est aussi, sur le parvis de l'église, celle de la foule qui a formé cercle autour des musiciens et des danseurs, qui reprend en chœur, avec bonheur, les ritournelles d'accordéon. C'est ainsi tous les dimanches.

On entend les premières notes d'une valse. Comme son père tourne le dos au parvis, Emmanuel seul remarque qu'on distribue au public le texte de la chanson. Christian, le ménestrel du Mouffetard Musette, annonce au micro : « D'Angel Cabral, « La Foule » ! » Une ovation éclate : elle est sûrement remplie du nom d'Edith Piaf.

« Voilà, Emmanuel, la vie est là, on ne peut plus reculer : c'est un sacrilège d'écouter Piaf sans un verre de vin. Comme de boire un verre de vin sans une bonne cigarette. »

Fabien jette un regard vers l'entrée du bar : pas de serveur. Il reprend :

« Tu sais, Piaf, c'est comme Victor Hugo : dans les régions les plus reculées du monde, aux questions de savoir quel poète ou quel chanteur français on connaît, ce sont leurs noms qu'on prononce immédiatement. Mais, qu'on me demande, à moi, le nom de mon serveur préféré !

- Sois patient, papa, la vie est là... »

La terrasse est remplie de monde. Il fait beau d'un tumulte de voix. Une sensation de bien-être envahit le jeune homme. Les deux femmes assises à la table voisine sont radieuses. On voit bien qu'elles ont un air de famille : mère et fille sans doute. La première, qui lui fait face,

n'a guère plus de cinquante-cinq ans, la seconde, à sa droite, pas plus de trente-cinq. Il les trouve élégantes, pleines de charme, et le temps n'y peut rien : elles sont belles toutes les deux de leurs âges. Leurs voix sont légères, leurs yeux pétillent et puis leurs deux bocks de bière ne leur font pas peur. Quel délice pour son cœur de dix-neuf ans : il est témoin de la féminité. Il a hérité de son père le goût de l'instant, de sa magie, il le sait bien.

Le calme revient. En face, Christian ébauche quelques notes en guise d'échauffement ; puis il poursuit :

« Les paroles sont de Michel Rivgauche, et...

– Et les larmes d'Edith Piaf... soupire Fabien.

– Et elle est interprétée par Suzy ! achève le ménestrel, présentant la chanteuse.

La foule manifeste sa joie. Emmanuel, lui, est confus, parce que les deux femmes ont entendu le propos de son père. Mais, apparemment, elles en sourient. Tant mieux !

C'est vrai que la Môme Piaf, et La Foule, d'aussi loin qu'il peut remonter dans ses souvenirs, son père en a toujours eu le cœur meurtri.

Théo apparaît. Naturellement, ça fait bien longtemps que les deux hommes sont complices et c'est donc à un rite ancien que la commande obéit. Il s'ouvre en silence, durant quelques secondes, le temps que s'unissent leurs deux regards espiègles. Puis Fabien formule un certain nombre de phrases, courtes, ou décousues, mais toujours chatoyantes et dont on devine seulement que le thème est à caractère tellurique. Théo écoute, opine du chef, c'est comme si, dans les boucles des lettres, passait un fil d'intelligence. Le rite s'achève sur ce geste qu'ils font d'une main commune, horizontal et impérieux, qui semble dire : tout est pur en ce bas-monde.

Les deux voisines n'ont rien manqué de la scène, à nouveau elles ont souri. Et un sourire, c'est bien connu, ça enchante l'air, car les deux hommes se tournent machinalement vers elles. Et sont éclaboussés de leur gaieté. Elles font un signe de la tête, auquel Fabien et son fils répondent, enchantés.

La ressemblance de traits est évidente mais il est une autre vérité, qui frappe le jeune homme : leur code génétique, c'est la lumière.

Fabien se penche soudain vers son fils et prononce à son oreille cette bénédiction confidentielle où il est question des grosses mains de cale et de soleil d'un certain vigneron de là-bas. C'est comment, son nom, déjà ? s'amuse-t-il.

Cette fois, les deux femmes font entendre leur rire, limpide et sonore comme celui des enfants.

Fabien rougit. Emmanuel en convient : c'est bien son père, aujourd'hui comme hier ! Pourtant son audition a dû baisser, car il murmure plus fort que d'habitude.

Théo est de retour : sur le plateau argenté, deux verres où flotte un or brumeux. Il les dépose sur la table, sans emphase, dans un silence d'officiant.

« Ainsi, conclut Fabien.

– C'est comme j'veus l'dis, m'sieur. »

L'accordéon lance ses premières notes, Suzy vient y mêler le timbre puissant de sa voix. Celle de la foule, timide d'abord, s'enhardit : l'œil fixé sur les paroles, on prend la mesure de la chanson. Des couples entrent dans le cercle et commencent à valser. Les chants prennent peu à peu de l'ampleur.

Fabien lève son verre, comme cela arrive souvent entre inconnus qui, sans savoir pourquoi, sympathisent tout de suite.

Lorsque leurs verres se rencontrent, le regard de la jeune femme s'attarde un court instant sur son père : l'émotion de celui-ci, il ne l'avait jamais vue auparavant.

Fabien attend d'avoir goûté au vin blanc pour allumer sa cigarette. Derrière lui, vers après vers, la valse s'envole en un immense cantique de voix humaines, jusqu'à tournoyer là-haut, parmi les murs de Saint-Médard. Sur le parvis, il semble que, dans leurs tourbillons, les robes colorées des danseuses emportent le soleil.

Mais les amants que « La Foule » a rapprochés, elle les sépare à présent. La femme crie, cherche son homme, leurs vies se perdent.

La dame se retourne de temps en temps pour voir le spectacle. Fabien écoute les yeux baissés, vidant peu à peu son verre, tirant sur sa Gauloise des bouffées, profondes comme des pensées.

Embarrassé par le silence de son père, Emmanuel adresse un sourire à la jeune femme, qui le lui rend aussitôt ; mais il la voit bien, cette lueur mouillée au bord de sa paupière. Elle, elle sait que le jeune homme sait.

- Je suis un cœur d'artichaut ! se hâte-t-elle de dire, avant d'éclater de rire.

Comme sortant d'un rêve, Fabien murmure :

– Alors nous sommes deux cœurs d'artichaut, madame.

- Camille ! Et voici ma maman : Charlotte.

Les deux hommes se présentent à leur tour. Emmanuel, cependant, bien que rompu aux originalités de son père, à ses maladresses

comme à ses fulgurances, ressent une légère inquiétude :

– Vous savez, c'est la chanson préférée de mon père.

– Vraiment ? répond Camille d'une voix douce.

– Oui. Une image de la vie, reprend Fabien.

– Oui... Tout dépend du mouvement des foules, c'est une loi de la physique, observe-t-elle sur un ton qu'Emmanuel trouve délicieusement hardi.

À la farandole du final succède un silence si brutal qu'une échappée de pigeons, comme effrayée, gagne le clocher de l'église tandis que des lambeaux d'écho s'égarent déjà par les ruelles environnantes. Seule la fontaine continue de porter la voix fraîche du temps. Alors seulement crépitent les applaudissements.

– La grâce d'une belle musique, énonce Fabien, c'est cette seconde de silence où l'homme et l'éternité savent qu'ils se croisent.

Manu, pourtant rompu aux originalités de son père, à ses maladresses comme à ses fulgurances, est décontenancé.

Quant à la jeune femme, son trouble ne dure qu'un instant, le temps peut-être de mettre sa joie en place :

– Alors toute œuvre d'art est une conspiration contre la mort ?

– Oui. On ne peut le dire mieux...

– Et l'amour aussi ?

– L'éternité, c'est tout ce que vous venez de dire, lâche Fabien d'une voix qui s'éteint.

Ils sont ailleurs à présent, tous les deux.

Le jeune homme et la dame se considèrent l'un l'autre avec stupéfaction, comme pour chercher un refuge mutuel. Mais heureusement, Christian s'est penché sur son micro et, dans le brouhaha, a fait l'annonce d'une nouvelle valse, et rappelé aux enfants cette vérité extraordinaire que les vacances de Pâques étaient toutes proches. Alors ce sont toutes les petites mains qui ont applaudi.

Oui, les voix de Saint-Médart, c'est tout cela ; ça sert à commenter les jours de printemps et les dialogues si délicats de ceux qui tombent en amour. La dernière qu'on entend, c'est celle de Camille, qui s'est brusquement levée, s'est plantée devant Fabien, l'a invité à danser la valse. Il n'a pas eu le temps de répondre car elle lui tendait la main. Il l'a prise. A-t-il constaté ce qu'Emmanuel ressentait ? Le jeune homme ne le saurait sûrement jamais, mais il en est persuadé : jamais il n'a vu tant de courage. Car rien de ce que cette femme vient de faire ne l'a

été sans que son cœur, son âme, sa main ne soient près de défaillir.

Camille a entraîné Fabien jusqu'au parvis, où les couples commençaient déjà de tourner.

Николай Сыромятников

(г.Москва, Россия)

Николай Николаевич Сыромятников родился в 1951 г. в Пермской обл., г. Кунгур. Жил в г. Свердловске, ныне г. Екатеринбург, в 1985 г. окончил Свердловский архитектурный институт.

По сию пору работаю архитектором, гл. инженером проектов.

Стихи пишу давно, раньше для себя, года три назад начал публиковать.

Стихи есть на СтихиРу и в Фейсбуке.

Публикации: Литературно-худож. журнал "Три желания" №49, 2013г., г Рязань, сборник "Поэт года 2013" №22, г.Москва.

Дымное солнце

дымное солнце, ты домысел сна,
золота сплав, диадема,
мантия неба тобой снесена, -
топливо лета, Эдема,
ласковый космос, его медонос, -
в золоте таинство меди,
тайна фламинго - молвы альбинос,
логово льва и медведя
окислы меди по воле судьбы,
олова сплавы и злата, -
слёзы любви, - соляные столбы,
слова и славы заплаты,
демона лампа обуглит стволы,
сон эвкалиптовый вечен,
вкусы тягучие пастилы,
липкие, - вымолить нечем,
солнце утопит, лучами зальёт, -
альфа, омега - и баста! -
ласковы блики в плену позолот, -
только улыбки зубасты.

Всему свой срок

всему свой срок,
на небе вызревают облака,

созвучия устойчивости строк,
языческие символы витка,
всему свой срок, -
огромные надмирные поля,
найдётся ль там заветный островок,
среди холода искринок хрустала
недужных снов
свидетеля немого навсегда
оставленного посреди основ,
зачем-то залетевшего сюда...

Прими меня

стакан оставлю недопитой браги,
смахну слезу у лиха на виду,
ничком, лицом законченный бродяга,
в заплеванное небо упаду,
прими меня, небесная канава! -
там, - на земле, чужая благодать,
слова чужие, суша, океаны, -
там самого себя не увидеть,
останови тревогу и похмелье
уйми досаду, боль и суету, -
прими! - иначе, - новые камения
меня утянут в омут, в пустоту! -
стучаться буду в новые ворота
без устали, но ангел, поутру, -
меня отбросит, отпустив остроту:
«...тебе в аду готовят конуру...»

Песнопение цветом

... наваждение это сожжёт меня,
наслаждение это терпеть нельзя,
песнопение цветом - ожог огня,
наслоение света слепит глаза,
отблеска полоса,
спелые колоски,
ропота голоса,
трепета лепестки...
апельсиновой долькой висит луна,
сновидения - гномы - благоволят -
покаянное слово сведёт с ума,
песнопения смогут меня понять,
грёзами — небеса,
пламенем - мотыльки
розами — паруса,
памятью — угольки.

Гостя

... никак не мог уснуть.
на небе месяц корчится.

как будто навесу
несу тебя — пророчицу.
и ты читаешь вслух
прелестно, жарким шепотом
стихами про весну,
пронизывая опытом,
и занавесок тень
как будто приближается,
последняя ступень —
вот здесь граница жалости,
а далее - одно -
звезда всплывает в комнату,
в открытое окно -
она двоих наполнила,
дарованный полёт
туда, где небо звёздное,
плывём... она — поёт
и мерно правит вёслами.

Побудь моей сестрою

... тишина, побудь моей сестрою,
что-нибудь шепни и пожалей, -
я сегодня ничего не скрою
быть наивным проще, но сложнее
приютиться в этой гиблой жизни,
раствориться в похоти греха,
хохотать, не веря пессимизму,
выдавать за правду потроха,
свет забыть неистовый, небесный
сделать вид, что не было, - и нет,
ни молитвы, ни креста, ни песни, -
ничего! - что проклят белый свет..

Снежинке

... ты отбилась от огромной стаи,
опустилась на мою ладошку,
для чего? - согреться и растаять?
стать реалистичной хоть немножко?
указать невидимые звёзды,
завязать мне ниточку удачи,
насладиться никогда не поздно,
поделиться, ничего не знача,
листочком небесной земляники,
холодом непознанной жаровни,
чья любовь ни мала, ни велика,
чья забота тихая — огромна,
я с тобою связан тонкой нитью, -
мысленной, - невидимым глаголом,
зовом идиллических наитий,
истину ловлю ладошкой голой.

Облака, отраженные в зеркале

... летят, ослепляя друг друга,
немые заложники долга,
упрямо - ни сна, ни поруки,
витки бесконечного круга,
да участь немого скитальца,
да видимость плавного вальса
какой-то неведомой темы,
какой-то невидимой цели,
явлением новой поэмы,
безликим твореньем тотема, -
единым неведомым целым,
обилием сил эманаций
покоя ума и эмоций....
никто не услышит ответа! -
вон те, что внизу обитают, -
слепые бациллы кометы,
бессмысленные менюэты,
смешная кишащая стая...
ах, люди! — а что они — люди? -
они не живут и не любят...
а что они, люди? — драконы, -
они уничтожат друг друга !
для них перейти рубиконы,
не ведая силы иконы...
всё снова начнётся по кругу! -
да разве отважится семья? -
война против всех! и со всеми!
и будет, по-прежнему, немо
глубокое зеркало — небо.

Прекрасной Даме рыцарь бедный

...предстану на её крыльце, -
неотразим и куртуазен, -
одновременно — плоть и фраза
и ДухСвятой — в одном лице, -
сниму серебряные латы, -
любовь возвышу и цветок, -
Она увидит, что крылатый,
к тому же — строен и высок,
смирненно преклоню колено,
свою главу, двуручный меч, -
заставлю я свободно течь
слова, уставшие от плена, -
давно рождённый мадригал,
как ласточка, - любовной болью,
взметнётся, - раненый любовью, -
я Вам его приберегал, -

за то, что Вы на свете есть, -
мне умереть совсем не страшно! -
себя готов забыть и спесь, -
всё потому, что Вы - всех краше...

Инкогнито

... быть инкОгнито, нотой, игрой бутафора
в этом городе, мне до конца незнакомом, -
где иные законы господствуют, говор,
где фиалки рожают Альпийские горы, -
неожиданно я появлюсь, незаконно, -
безопасность мою насмешить поспешили, -
снизу небо подпёрли готическим шпилем, -
до сих пор для меня перевёрнутой вазой
Копенгагена небо и небо над Кёльном,
нежно-розовой фразой и бликом алмаза,
белогрудой голубкой - мечтой колокольни,
неожиданным звуком, гудком ледокольным, -
сталактитный хрусталь не хранят под
замками, -
те кристаллы строкой прорастают за
МКАДом,
парадигмы горгульи со шпилями — нестрашны,
-
русским иноком или плащом Лоэнгрина,
криком ангела, темой немецкого марша, -
попираю знамёна, напор героя -
« Беатриса - отныне моя героиня ! -
лебедь белая! - клонит колена твой рыцарь,
мне теперь никуда от себя не укрыться...»

птицы низко летят,
похоже — к дождю...
целое лето
влюблённости полоса, -
вальсом адажио
мечется дежавю,
вновь являясь,
подобно тупому ножу,
клятвы не режут наспех
за полчаса,

вспышка за вспышкой,
капля за каплей, - огонь,
долго сочиться
нектар похожий на кровь,
... вскачь понесёт! —
затопчет загнанный конь
таинство хрупкое, -
за семью замками закон, -
саваном нежности
ляжет
на снежный покров...

© Vlad Bravve

Надежда Буранова
(г.Минск, республика Беларусь)

Родилась в
Гомельской
области
Белоруссии.
Окончила
Белорусский
государствен
ный
университет в
Минске по
специальности
прикладная
математика.
Всю жизнь
работала
программис

том, последние 15 лет - в должности ведущего
программиста Объединенного института
проблем информатики Национальной
академии наук Беларуси.

Люблю поэзию. Пишу стихи с 1997 года,
хотя проба пера была ещё в юности.
В 2007 году издан сборник стихов "Подари
мне свой дождь", в 2014 году издан сборник
стихов и прозы "Аромат времени".

Подарок осеннего сада,
Букет хризантем лиловых...
Как мало для счастья надо –
Смотреть на цветы и снова
Быть там, где озябли вишни,
И низкие звезды в дреме.
Где звуки, слова излишни,
Где бродит лишь память в доме.
Горчит ли печаль, хризантемы
Горчат ли своим ароматом –
Спасибо, мой сад! Я с теми,
С кем рядом была когда-то.

На мягких кошачьих лапах
Пришел снегопад в октябре.
И листьев осенних запах
Стал резче в моем дворе.
Аккорды заснеженных елей
Спокойны, как утренний сон.
И тихая дробь капли
Срывается с крыш в унисон.

Прохладны и сдержанны краски.
И мир удивительно чист.
И радостным эхом из сказки
Летит догорающий лист.

Еще преданье осени свежо,
Но ждать тепла наивно и напрасно.
И первый снег почувствовал ожог,
С кустом калины повстречавшись красной.

Смотри, как нежен первый снег,
Как он идет, по-детски робок,
Касаясь каменных коробок,
Застывших в полуночном сне.
И словно белый мотылек,
Пленный непонятым светом,
К окну летящий ночью летом,
На наш призывный огонек
Летит снежинка. Тишина
И снег царят сегодня в мире.
И по недремлющей квартире
Проходит нежности волна.

Ты помнишь ли прозрачные аллеи
В пустынном парке, в кронах желтый свет?
Там незаметно клены повзрослели,
Пройдя сквозь листопад минувших лет.
Там каждый шаг уводит от сомнений
И ясностью пронизаны слова.
Там лист кружится песнею осенней
И безупречна неба синева.
На тихом солнце нежатся каштаны,
И день воспоминаньями согрет.
И все, как прежде. И уже не странно,
Что я одна. Тебя здесь больше нет...

Я у судьбы-индейки
Прошу совсем немного:
Тот уголок скамейки,
Где осень-недотрога
Забыла лист кленовый
В покинутой аллее.
Быть может, кто-то новый
Грустит и сожалеет

Теперь на этом месте,
И небо так же ясно...
Я знаю: ждать известий
Из прошлого напрасно.
А сердце, что когда-то
Томилось над загадкой,
Живет тем ароматом
И той же болью сладкой.

В старом парке аккорды ступеней
Угасают в вечерней тиши
И засыпать листвою осенней
Наше прошлое ветер спешит.
Замыкает ротонда аллею
Белоснежным прозрачным замком.
Я уже ни о чем не жалею,
Не печалюсь уже ни о ком.
И записок березовых ворох
Понапрасну пылится у ног.
Не прочесть мне их с тем, кто был дорог,
Кто понять эту музыку мог...

В моём саду сегодня дождь и ветер,
И хризантем сиреневых печаль.
Но словно солнце, золотист и светел
Куст бархатцев. И пусть давно умчал

Сентябрь и журавлей, и бабье лето,
И облаков беспечных череду,
Пусть радуги цветут за морем где-то –
Сияет солнце у меня в саду.

И не беда, что зяблики, синицы
Выщипывают лепестки цветов.
Я не грущу. Пусть лакомятся птицы
И гасят солнце щедрое кустов.

Из алычи варенье –
словно мёд.
И я колдую
над кипящим тазом,
который стал
большим янтарным глазом
и смотрит в август.
За окном в полёт
готовит белый аист
малышей
и солнце зреет в небе

желтой сливой.
Как мало надо,
чтобы стать счастливой,
чтоб свет и радость
вспыхнули в душе!

Из Английского дневника

Мне снились розы Хэмптон Корта,
Олени в парке, мост, река.
И лёгким на подъём эскортом
По небу плыли облака.

Дворец, свидетель встречи нашей,
В событий древнюю канву
Укутан был, и небо чаще
Выплёскивало синеву.

Газоны безупречной стрижкой
Гордились, зеленью маня.
И девочка с раскрытой книжкой
Была похожа на меня.

Лондонский дворик

Уютный дворик. Медленно круги
Вершит в фонтане золотая рыбка.
Здесь понимаешь, всё земное зыбко
И преходяще, как твои шаги.
На дне фонтана зеленеет ил,
К нему бежит, струясь, вода из чаши.
А на скамейке рядом жизни наши
Среди давно исчезнувших могил.
Надгробия заботливой рукой
Составлены под светлую стеною.
И розы, наслаждаясь тишиною,
Льют аромат в полуденный покой.

Январь. Зеленые поля.
В оврагах робкий снег.
О, не дразни меня, земля,
Мечтою о весне!

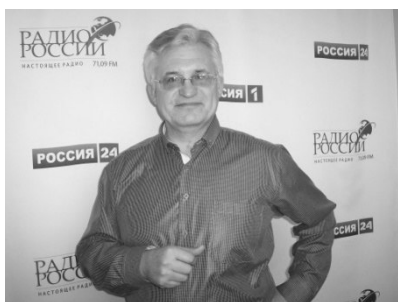
Цветок подснежника в душе
Напрасно не буди –
Ждут беззащитную мишень
Печали впереди.

Пусть дождь и вкрадчивый туман
Смушают все вокруг,
Вернется скоро к нам зима
С букетом белых выюг.

© Vlad Bravve

Евгений Грачёв
(г. Саратов, Россия)

Евгений
Алексеевич
Грачёв в
эфире ГТРК
«Саратов»
почти три
десятка лет,
известный
журналист,

поэт и прозаик. Печатается в журналах «Наш современник», «Юность», «Волга - XX1 век», «Невский альманах», «День поэзии» и многих других. Евгений Грачёв - член Союза писателей России, автор более 20 книг для взрослых и детей, по его сценариям снимают мультфильмы, автор песен известных российских исполнителей, лауреат Всероссийской литературной премии имени А.П.Чехова, премии имени С.Я. Маршака, Международной премии «Вечная память» и Международной премии «Светить всегда» Лиги писателей Евразии. В 2012 году стал победителем Международного конкурса «Золотое перо Руси». Живёт в Саратове.

ЧУДО - ЮДО

Одиночество,
 словно пустая квартира
Без весёлого праздника
 на Рождество.
Одиночество –
 это, наверно, полмира,
Половинка тебя
 и кого-то ещё.
Не ждала?
 Получай
 новогоднюю шутку!
От подруги спешила –
 и как на катке.
Эта «тень» ожидала,
 наверно, маршрутку
Чудо – Юдо!
 Ага! Без кольца на руке!
Ты попала в «десятку»,
 «Зовут, Чудо – Юдо!»
Псевдоним.
 Из спецслужбы.
 По кофе - и в путь!»
Он тебя вербовал.
 Ты: « Не надо! Не буду!»
Но, конечно, сдалась,
 Поломавшись «чуть-чуть».

Утром суперагент,
 попрощался: «Работа»...
Как учили в спецшколе -
 губами к губам.
Неожиданно как-то
 и, может быть,
 кто-то
Жизнь и мысли твои
 поделил пополам.
На вчера и сейчас.
После сказочной ночи
 он всего обещал
 и на долго исчез.
«Электронкой» отправила
 грустные строчки:
«Я скучаю!»
 Вдогонку ещё sms:
«Чудо-Юдо!
 Ответь!»
Мысли, разные мысли -
 не о шубке,
 зарплате
 и выходных.
Забегала подруга сказала:
 «Не кисни!»
 Лучше книжки читай!»
Нет!
 Теперь не до них!
 Убиралась весь вечер,
 помыла посуду,
Вспоминая его,
 это сон и не сон:
«Где же ты,
 новогодний сюрприз, Чудо - Юдо?
Осторожней
 с патронами,
 супершпион!»

МЕТАФОРА

Бог целует сонную Венеру,
Изумляясь, как она свежа,
Словно ветер теплую пещеру
Ищет, задыхаясь и дрожа.
Упадёт зерно, как капля воска,
Отпечаток светлый сохранив,
И младенца, и уже подростка,
Юноши! Он разве не красив?
Нос, прозрачной пуговкою, мамин,
У его, у папы не такой.
Как в скафандре инопланетянин,
Без земного имени, смешной.

Я и весел бывал, и мучился,
Не в согласье с мечтой - так и сяк -
Я по щёчкам твоим соскучился,
Как скучает по суше моряк.

До свиданья, моё видение,
Зацелованное во снах!
Может, правда любовь спасение
На земле и на небесах?

ЛЮБИМАЯ

Как не хочется опять
Говорить, что это - слишком!
Будешь львицею рычать,
Или дуться серой мышкой?

Раздражает твой наряд,
Кресло, на стене картина,
Ты всегда, как водопад,
Или снежная лавина!

Раздражает интерьер,
Занавесочки из ситца,
Ты всегда, как сто пантер,
Или хитрая лисица?

Грусть накроет, как дома
Накрывает белой пудрой.
Я с тобой сойду с ума,
Самой глупой, самой мудрой.

Самой вредной и ручной,
Разобиженной, упрямой,
Самой сложной и простой,
Ну, конечно, самой-самой...

ГЛУБИНА

Играешь, моя дорогая,
 опять играешь –
Пространство моё
 недоверьем своим сужаешь,
К чему этот «веский»,
 какой-то дурной предлог?

Любовь – континент,
или маленький островок?
Играешь, моя дорогая,
зачем-то играешь,
Как будто бы строишь,
а в принципе – разрушаешь,
Ты помнишь, подруге
такое вчера несла?
Любовь – островок,
или лодка и два весла?
Играешь, моя дорогая,
назло и упрямо,
Комедия, или вполне
откровенная драма?
Я грустно смотрю,
как бездарный актёр, в окно.
Любовь – это лодка,
а, может быть, мель и дно?
Играешь, моя дорогая,
закончим премьеру,
Накатим чайку,
или даже винца, к примеру,
Ревнуй - не ревнуй,
только ты у меня одна!
Любовь – это дно,
или так - пузыри со дна?

ЧЕЛОВЕК – ГОРА

Город, на улице никого,
Площадь дождём умыта.
Мозга серого вещество,
Словно кусок гранита.

Девушка вышла, юбкой шурша,
С талией и ногами.
Жизнью гуляки жила душа,
Ныне - гранитный камень.

Манит огнями кафе на углу,
В это кафе с нею
Мог бы зайти, но не могу,
Будто бы каменею!

Я - идиот! Я - паразит!
А Тая, она хорошая!
Знайте и Вы - любовь гранит
И очень тяжёлая ноша!

ЛЮБОВЬ

Изменчив мир поступков и значений,
Похожий - то на яркое пятно,
На веточки, исчезнувших растений,
На небо, на открытое окно.

На плечи, руки, горьковатый кофе,

Где этот незатейливый мотив,
И силуэт, и милый женский профиль,
И жизнь - не чёрно - белый негатив?

Любовь - гипноз великого факира-
Запутавшего мысли на пути
В абстрактный мир, где в самом центре мира
Иллюзия моя - с ума сойти!

Пусть будет ночь, пусть будет полнолуние,
Пусть будет страсть твоею и моей.
Любовь - безумье, страшное, безумье,
Больше нет безумья и нежней.

СТРАСТЬ

Словно внутри озноб,
Прячешь глаза устало
В этот горячий сугроб,
Скомканное одеяло.

Это ещё не страсть,
Что-то шептать не складно,
Тела, касаясь власть –
Пить поцелуй жадно!

Словно в огне живот,
Нежная – нежная сила
Жаром в тебя войдёт
Жаром блаженным, милая!

Как хорошо с тобой,
Я прошепчу: «Ты моя»...
Тело твоё струной
Тонко дрожит, любимая!

МИРАЖИ

Извини, я пройти не мог,
Прицепиться, почти традиция.
У меня – подходящий слог,
У неё, может быть, интуиция?
Покачала, смеясь, головой,
Обойдя стороной лужи.
У меня - всё само - собой!
У неё - всё ни чем не хуже!

Может быть, виноват март
«Пробки», цены, друзья, работа,
Суэта, авантюрный азарт,
Или так – на душе что-то,
Одиночество, или блажь?
Только манит такой новью,
Не реальный, весенний мираж –
Миражи, называют, любовью.

ЧЕРЁМУХА

Опять цветёт черёмуха,
как будто пляшут бабочки,
Черёмуха, черёмуха,
душистая пыльца.
Не слушайте, красавицы,
доверчивые лапочки,
Фривольные истории
повесы и глупца!
Черёмуха, наверное,
грустишь по воскресениям
И на душе от этого
как будто белый дождь.
Ты сына назовёшь потом,
конечно же, Евгением,
А если будет доченька,
то Женей назовёшь?
Черёмуха, черёмуха,
дороже – дорогого,
Черёмуха, черёмуха,
в далёком - далеке,
Ты скоро встретишь, милая,
кого-нибудь другого
И позабудешь, милая,
наш город на реке.
Черёмуха, черёмуха,
такие аллегории,
Черёмуха, черёмуха,
кафе наискосок.
Не надо слушать радио,
любовные истории,
Зажав в руке, как веточку,
белеющий платок...

ИНОПЛАНЕТЯНКА

У неё косички, как антенны,
В узелочках бронзовых, тугих.
Обретала чувства постепенно,
И не вспоминала о других.
У неё, наверно, где-то мама,
Красная планета на оси
И была просрочена программа,
Я сказал ей: «Новой не грузи,
На былые экстренные факты,
Всё - равно, наложен чёткий код.

Наплевать на схемы и контакты,
Там, внутри, как радио, поёт?»
У неё косички, как антенны,
В узелочках бронзовых, тугих.
Обретала чувства постепенно,
И не вспоминала о других.
Поменяла улицу, квартиру,
Ночь на утро, платье на пальто,
И, как звук, щемящий по эфиру

Вырвалась в пространство - вот и всё.
О, моя веселая случайность,
Как в пустыне крепость и фонтан,
Как картина с надписью «Фатальность»,
Из каких ты инопланетян?

МАЛЫШ

Трудно, малыш, молчать
И ощущать невесомость,
В книжках читать про скромность -
В губы не целовать,
Трудно, малыш, молчать?

Сложное - не объяснишь,
Просто - не получается,
Может, душа облучается
С «вредной» душою, малыш.
Сложное - не объяснишь?

Чувства стереть легко
И с облученьем напутать,
Знаешь, не очень круто -
Если душа – решето.
Чувства стереть легко?

Нервно грустишь-грустишь
И вспоминаешь мгновенья -
Стёртые «облученья» -
Это любовь, малыш?
Это любовь, малыш!

ХАРАКТЕРЫ

Живём смешные, праздные,
Гоняемся по кругу,
Мы все такие разные –
Но тянет нас друг к другу!
Тебе на праздник платье,
А мене опят рубаха,
Тебе бы дипломатий,
А мне чуть-чуть размаха!
И всё ж, друзья, все мы
В любви почти похожи,
Когда её проблемы,
Твои проблемы тоже...

Юрий Алтайцев
(г.Киев, Украина)

Юрий Алтайцев –
псевдоним.
Настоящее имя –
Немчинов Юрий
Иванович.
Родина – Алтай,
тихая, бедная и
богатая людьми и
талантами.
Высшее
образование

получил в Казахстане. В Москве окончил
аспирантуру (по проблемам) землетрясений
и сейсмостойкого строительства. Работает в
Киеве в НИИ строительных конструкций.

Сгорают в памятном огне
Тревоги дней над звёздной крышей ...
И дальний гром почти не слышен
И дождь проходит в стороне.

В долине Роны вдалеке
За горизонт спускался вечер,
И ты идёшь ко мне на встречу
С французским зонтиком в руке.

И возникает невзначай
Твоё лицо из полусвета
И день спешит кусочком лета
Навстречу солнечным лучам.

И не найти эквивалент
Возникшей радости искомой.
Казалось, были мы знакомы
Ещё до греческих календ.

В какой неведомой стране
Расцвел твой сад, скажи на милость?
Когда ты в сердце поселилась
На недоступной глубине.

Без разрешения, без виз
Душа моя к тебе летела
И нарушала, то и дело,
Запреты западных границ.

Там, где ветер купался в траве,
И Луна не спала до рассвета,
Звёзды бились в ночной тишине
Твоего запоздалого лета.

И моя утомилась тоска,
И печаль в ожидании стыла ...
Только память на сердце горька,
Как трава золотистой полыни.

Лунный шар над холмами повис,
Над колючей озёрной осокой.
В городском щебетании птиц
Слышу голос далёкий-далёкий.

В нём жива затаённая боль,
Откровения Звёздного Бога
И по-прежнему светит любовь,
И пылится степная дорога.

Еще жива незримая черта,
Переступить которую не смеем ..
И зов любви перед чертой немеет,
И нежных слов не слышит пустота.

За нею мир заманчиво богат
Без времени, цены и обстоятельств,
Когда любовь не требует наград,
А дружба - не имеет обязательств.

Какая тайна в имени твоём,
В далеких снах и щебетанье кленов?
Где за чертой, охваченной огнём
Витают души на губах влюблённых.

Уже рассвет предчувствием томим,
В траву ложатся сказочные тени ...
Я называю именем твоим
Зеленый мир деревьев и растений.

И нет преград неведомой черте,
Где в облаках горит судьба иная
И звёзды шевелятся в темноте
И о моей любви напоминают.

Есть женщины от голубиных снов
Сплетённые из слов и многоточий,
Из тех своих пленительных основ,
В которых торжество и дня, и ночи.

Как вешний сон в накидке голубой,
Где новый день в её просторы ввинчен.
Улыбка, что подарена тобой,
Таинственней, чем тайный «код да Винчи».

В ней лёгкий дым затерянных миров
И дальний свет земного отраженья,
И пламя догорающих костров,
И тихий шелест вечного движенья.

.....

Проснуться утром и увидеть свет,
К твоей душе притронуться невольно
И осознать, что больше счастья нет,
Чем рядом быть...
И радостно и больно.

Прошу судьбу, -
Не предавай меня
Ни в славе, ни в несправедном навете,
Ни в блеске шелковистого огня
И в тишине природы на рассвете.

А были наши помыслы чисты
И были наши сны необъяснимы,
Где женщина во власти красоты
Пленяла мир огнем неопалимо.

Неопалимой яркой купиной,
Которая горит и не сгорает
И вместе с утонченной виной
В плену любви, в которую играет.

Мы чувством заполняем пустоту,
Где смысл сострадания утрачен,
И липа пахнет мёдом за версту
И воздух окружающий прозрачен.

Когда охватит тьма Мизенский мыс
И едкий мрак повиснет над вселенной,
Не осуждай Троянскую Елену,
А красоте небесной поклонись.

Прошу судьбу, - не предавай меня,
Влюблённого в Венеру Боттичелли,
Когда пастух играет на свирели
И тают искры гаснущего дня.

Украдена у времени – навечно,
Ахейцы передвинули межу ...
Куда бы я ни шёл дорогой млечной,
К тебе я непременно прихожу.

В твой зимний сад, где радостные лица,
Где вечностью поросшие пруды,
Чтобы испытать колодезной криницы
Холодной и живительной воды.

Твоих высот ночное ожерелье,
Безумных дней святое волшебство,
Поверить в чудеса и вдохновенье
И времени пьянящее родство.

Соткать из них изящную картину,
Горящую божественным огнём,
Стряхнуть с лица лесную паутину,
Летающую в прозрачный водоём.

Хранить в душе серебряную птицу
Среди привычных неотложных дел ...
И пусть тебе сегодня сон приснится,
Который надо мною пролетел.

В туман с брусничными глазами
Вхожу, как в Божью благодать.
Брожу Полесскими лесами,
Чтоб о тебе не вспоминать.

Привольно стелется дорога,
Рассвет купается в дыму ...
Течет Десна широколоба
К тебе по сердцу моему.

Где бьются звуки древних песен
И сердце верит ворожке,
Я окунусь в покой Полесья,
Чтобы не думать о тебе.

Ласкает слух напев былинный,
Свежи предания веков
И солнце прячется за спины
Голубоглазых облаков.

Забуду искренние ссоры
И лебединое крыло
Той нежной женщины, с которой
Мне было больно и светло.

О ней в томлении и грусти
Поют ночные миражи,
Когда тоска далёкой Русью
На поле скошенном лежит.

Как роскошь сказочного Креза,
Как блеск на лезвии ножа,
Как вкус зелёного шартреза
Её кастильские глаза.

.....

На тонком бархате разлуки
Узором радужным цвели
Надежды ласковые звуки
И ожидание любви.

Земля спала, а ты уже проснулась,
Твой голос заглянул ко мне в окно.
В нем был рассвет
И шум пустынных улиц,
И радости пьянящее вино.

И ширь степей волнующих ковыльных,
И времени таинственная суть,
В котором мне дано дорогой пыльной
В твой голос осторожно заглянуть.

Как будто на целинном полустанке
Остановилась времени река ...
Я слышу в нём напевы коноплянки
И говорок лесного родника.

Твой голос –
В Анкаре и Тегеране,
Куда б меня судьбой ни занесло,
Хочу хранить во внутреннем кармане,
Чтоб сердцем ощущать его тепло.

Сергей Пагын
(г.Единцы , Молдова)

Поэт, редактор.
Живет в городе
Единцы
(Молдавия). Автор
поэтических книг
«Обретения»,
«Прогулка в
ноябре», «Сверчок
в радиоприемнике»,
«Перед снегом»,
«Просто жизнь».
Член Ассоциации
русских писателей

Республики Молдова. Лауреат премии
«Молодой Петербург» (2011).

Он говорит, смотря на осенний куст:
«Листья везде опали, а этот себе горит.
Воздух окрестный тёмен уже и пуст,
а здесь, на холме, свет-то какой стоит!

Словно со всей округи кто-то принёс свечей
и язычков печного трепетного огня.
Словно бродил я долго где-то среди ночей,
и подошёл к окну дома, где ждут меня.

Будет мне в нём светло, буду я в нём любим,
будет совсем не страшно
вслушиваться в темноту».
Он отворяет куст, входит, чтоб вместе с ним
жить от листа к листу.

Во времени всё больше вещества,
оно густеет, принимает формы
окна ночного, ветки, рукава
висящей куртки,
бабушкиной торбы

с пучками трав от хворей и от ран...
И вот однажды в нежиле тумане
ты обретёшь спасительный каштан,
невесть откуда взявшийся в кармане.
И если что-то липы гнёт окрест -
прозрачное и жгучее, как солнце, -
так это ветер из нездешних мест,
так это вечность над тобой несётся.

Ты стоишь на краешке ноября,
чуя сердцем взгляд – то стальной, то нежный.
Это бездна всматривается в тебя,
это снеговое небо тебя здесь держит,

где несётся ветер седым жнивьем,
где вороньи крики темны и глухи,
где в скворечне старой прозрачным сном
детство спит твоё на синичьем пухе.

И когда от боли кривишь ты рот,
снег подходит тихо – целуя, лечит,
а потом во мраке тебя ведёт
через сад к мерцающей той скворечне.

Не выдаст Бог. Свинья не съест. Кривая
в последний миг с окраин бытия
на свет центральный выведет. Я знаю:
все сущее под небом – за меня.

И камень раскрошившийся, и льдинка,
стена сырая, пузырек в стекле,
орехов горечь, паданцев кислинка,
волшебная трава на пустыре.

Они со мной... И так случиться может –
зажгу утраты тоненький огонь,
и снег внезапный на плечо положит
большую милосердную ладонь.

...И все-таки воде необходимо,
чтоб человек, почти прошедший мимо,
над ней склонился, выдохнул:
люблю...

Чтоб на озерном выгнутом краю
провел ладонью по траве незрячей,
заметив после как при слове «Бог»
рябится небо вдоль и поперек
и в терем превращается прозрачный.

...А тайны хлеб не убывает,
горчит под небом ли, сладит,
но длиться жизни позволяет...
Пока я сумраком не сыт
ржаным и теплым – не напрасны
слова

и музыка больней,
и вещи смертные прекрасны
в неизреченности своей.

И только нежность проскользнёт сюда,
где в козьей лунке знобкая вода
вдруг вспыхнула под облаком закатным,
где верещит отчаянно сверчок,
и змейкой вьётся тёмный холодок
лишь в пальцах листик помусолишь мятный.

И ты стоишь, оставив за спиной
всю жизнь свою, весь бедный опыт свой,
и будит поля голого безбрежность
не смутный страх, не долгую тоску –
к багряной лунке, к мятному листку
последнюю пронзительную нежность.

Присутствие

1.
Ночной стакан с колодезной водой,
в пустом окне – шиповник золотой
и темнота синичьего ночлега,
и луковый светящийся побег,
и всё растущий безначальный снег
транслируют молчанье человека.

2.
Красноречива зимняя трава,
когда на ней белеют рукава
изорванной мальчишками рубахи.
И пугало ты вспомнишь в тишине,
и долгое раденье о зерне,
и шелест солнца, и вороньи страхи.

А кто рубашку белую носил,
чей прах лежит среди глухих могил,
где инея чудесное свечение,
кто слёзы лил и кто горел огнём,
траву топтал и песни пел – о нём
ночной воды живое говоренье.

В нашем «здравствуй» так много
«прощай»...
Лист в глаза заглянул мне, слетая.
До свиданья, душа золотая,
вспоминай обо мне, вспоминай!

Как вгрызался я в твердую ось
бытия – закрепиться... остаться...
На касание зрячее пальцев
столько взмахов прощальных пришлось!

Неназванное

1.
Говоришь, как будто в мерцанье вод
хлеб бросаешь,
и тут же огромной рыбой
жизнь ли, смерть ли к тебе плывёт,
становясь в итоге прозрачной глыбой,

то есть днём, растянутым на века,
где деревья, снег, ледяное солнце...
И не листьев чудных, а плавника
ты увидишь линии на оконце.

2.

Говоришь, как в дверь стучишь, на порог
деревянный став, - заскрипит задвижка,
и возникнет в светлом проёме Бог,
человек ли, ангел и скажет: «Слишком
погружён в слова ты...
Живи, лети
вон хотя б за пёрышком этим птичьим»!

И тогда, быть может, решишь уйти
в травяное, в снежное безъязычье.

Мы с тобой проживём и зимой,
ведь всё наше по-прежнему с нами.
Замороженный воздух резной –
как старинный комод с тайниками.

В этих мреющих нишах ночных,
в этих ящичках хитрых зеркальных
столько разных чудес золотых,
столько всяких вещиц музыкальных.

Лишь рукою тихонько коснись,
и откинется дверца упруго.
Вот свисток, в детстве сделанный из
абрикосовой косточки смуглой.

Ты подуешь в него – полыхнёт
настороженный иней на стенах.
И детсадовский полдень войдёт
в сердце дикой зимы неизменной

безоглядно, светло, налегке...
А пока мне угадывать сладко:
льдистый жёлудь в твоём кулаке
иль цветочная муха-журчалка?

Зима пришла как будто на века.
Устроилась неспешно, широка
и недвижима.
В небесный грунт, шершавы и легки,
тихонько пробиваются ростки
печного дыма.

Так зерна быта, смочены одним
пожизненным раствором соляным
беды и счастья,
становятся всеобщей высотой,
грядущим снегом, птицею, звездой
среди ненастья.

Что в небе мне делать, которое спит?
Что толку в музыке прозрачной,
летающей, горящей, как пролитый спирт,
над нашим селеньем невзрачным?

И можно, наверное, медленно жить
в согласии с зимней природой,
в карьерах небесных лазури добыть -
бесценной воздушной породы -

для долгих ночей, что темнеют вдали,
но только за светом и тьмою
охранная грамота горькой земли
одна лишь и будет со мною.

Горе луковое. Сладкий чай.
Слово, брошенное невзначай,
покатилось дорожкой длинной.
Печь топлю и смотрю на снег.
Чем ни тешился б человек,
от рождения помолвлен с глиной.

За дровами пойдёт, и рад –
на ресницах уж целый сад
шевелится, горя и тая...
И стоит, словно в детстве, он,
с высью ласковой обручён,
за собою вины не зная.

У берегов широкого заката,
где лодки мы оставили когда-то,
земную радость выбрав и беду,
горит звезда.
Горит звезда, не грея.
И я смотрю, немного сожалея,
в прозрачную немую высоту.

Они вон там – за той железной тучей,
их занесло до самых до уключин
лазурной галькой, золотым песком.
А здесь – весна...
Простая жизнь. Простая,
как глиняная птица расписная,
как старенькая лавка под окном,

как руки дочки, пахнувшие вербой...
Уже слабее полыхает небо,
но лужи света рыжего полны.
И снег последний тает на асфальте.
И если бы не лодки на закате,
тогда о чём с тобой мечтали б мы?

...Но есть ведь сокровенная земля
и небо сокровенное, и птица.
И дом, глядящий в долгие поля,
в распутицу осеннюю примстится.

Я жил бы в нём, и ладил тихий быт,
в хозяйку светлоглазую влюблённый.
И мне тепло от мысли, что дымит
трубою он в пространстве потаённом,

что где-то там - за шумом поздних вод,
за первым снегом, осветившим лица,
моя синица на окне поёт,
моё над крышей облако клубится.

Скажешь слово – становишься звуком.
И отныне непрочен твой дом -
этот воздух над скошенным лугом,
это небо над спящим прудом.

И жилец одинокий (твой голос)
замирает в смятенье, а ты
только образ теперь, только образ
в потаённом кристалле воды.

Начало

1.
Птица взлетает – и остается тьма,
ветка пустая, подтаявшая зима.
Вот и сидишь, вот и живёшь во тьме,
будто немой светляк в холстяной суме,
Богом забытой, висящей, как на гвозде,
на золотой, на ледяной звезде.

2.
Небо уходит и музыка вместе с ним.
И тишина, словно большой налим,
пучит глаза и открывает рот –
будто вот-вот и схватит, и унесёт
в ил безъязычья,
где лишь дурёха-смерть
будет тебя любить, будет тебя жалеть.

3.
Это начало – близость вещам ночным
и в темноте снов горьковатый дым,
ветка пустая, снега живая сеть...
Небу другому мягко в тебе болеть.
И в тишине музыке быть другой,
и не смолкать,
и говорить с тобой.

Ничего не меняется в мире Твоём.
Та же осень как вечность назад.
Те же люди у рынка с нехитрым добром,
ожидая автобус, стоят.

И в руках у них мётлы, корзины, тазы,
а в пакетах - конфеты и мёд.
Вон две вазы – две синих огромных слезы -
в сумку девушка нежно кладёт.
Вон старик молодильное яблоко ест,
черенок от лопаты неся.
Он не станет моложе и радостней здесь,
а туда еще, видно, нельзя,

где жена режет хлеб, где за белым столом
неподвижна печальница-дочь...
Ничего не меняется в мире Твоём,
только ветер проносится прочь,
только птицы летят в незнакомую даль
в небесах, где ни сада, ни дна.

Сохранить бы мне, Господи, эту печаль,
только так, чтоб светилась она.

Моим друзьям

В бледных сумерках наша прогулка
на окраине города гулкой,
где апрельский раскинулся лес.
А напротив – огромное поле,
что сулит нам не счастье, так волю
под внимательной бездной небес.

На меже мимолётная радость –
прошлогодного яблока сладость
вперемешку с огнём первака,
и шиповник, и ранние звёзды...
И мешают густеющий воздух
два рукастых стальных ветряка

все быстрее, быстрее и шире,
и в смещённом вибрируют мире,
и с гуденьем живым наяву
двухмоторное поле взлетает,
и закат где-то справа мерцает,
и летим мы, держась за траву.

Ожиданье создает окно

По картине Эндрю Уайета «Мир Кристины»

Ожиданье создает окно,
горе – стол, свечою озарённый.
Облако, огонь, веретено –
этот мир, тобою сотворённый,

этот дух, что просит вещества,
слово – губ обветренных, горячих,
нежность – рук прохладных, как листва
сонной ивы у воды стоячей.

И порыв, где воля и тоска,
воплотился до детали мелкой:
дом на взгорке,
женщина,
рука,
в жухлый дёрн вцепившаяся крепко.

Мой сын, птенец, моих тревог наследник

Мой сын, птенец, моих тревог наследник,
пчеле и облаку, и снегу - собеседник,
и муравьям, ползущим по листу...
С трудом сняв цоколь с лампочки
стоваттной,
он целый мир, прекрасный и громадный,
в округлую вселяет пустоту.

Щепоть земли, лесного мха немного
и камушек, подаренный дорогой,
и две-три капли дождевой воды.
Еще чуть-чуть - здесь свой возникнет воздух,
и в новом небе засияют звёзды,
и свет дневной придёт из темноты,

верней, как водится – из сказанного слова.
И станет лесом мох сырой, и снова
новорождённым зеленеть холмам...
И я кричу: «Сейчас ты всё разрушишь!».
Сын отвечает: «Я вдыхаю душу»,
своё творенье поднося к губам.

Порою мы как будто из стекла,

Порою мы как будто из стекла,
чуть тронутого снегом и туманом.
И смертная тогда подходит мгла
к скрипящим рамам.

И что же видит?
Луковичный всплеск –
зелёное растёт из золотого.
Стакан гранёный вспыхнул и воскрес,
и обратился в слово.

И в небо превращается проём,
и вестью вещь становится нетленной –
и как тогда мы, Господи, поём
самозабвенно.

И в слово лёгкое вместишь ты напоследок

И в слово лёгкое вместишь ты напоследок
косматый промельк придорожных веток,
на пальце мёд и варежку в снегу...
Куда-то вдаль над местностью печальной
оно плывёт ладьёю погребальной,
а ты в траве сидишь на берегу.

Но будет день и будет ночь кривая,
и ты пойдёшь, пути не разбирая,
водой ли, глиной, воздухом во мгле.
А там зима растёт из рукавицы,
и снег встаёт, и вспорх синичий длится,
и твёрдый мёд сияет на столе.

Татьяна Некрасова
(г.Кишинёв, Молдова)

Некрасова
Татьяна
Олеговна
Родилась и
живу в
Молдавии.
Публикации:
и: Арион,
Литератур
ная газета,
Москва,
Белый
Ворон,
Зарубежны
е задворки,

Зарубежные записки, Новая реальность,
Этажи, Южное сияние, Северная Аврора,
Русское поле, Русское слово, Книголюб и
других изданиях. Автор поэтического
сборника «Трудовая книжка».

опять во сне гудит под веками
наружу вырваться желая
такая горькая и светлая
что будто бы и не живая
сияет осень как на выданье
любыми красками богата
и все цыплята пересчитаны
и позолота на заплатах
плывут в тумане тени тусклые
вот по руке хлестнула ветка
и в грудь ударило отсутствие
давно чужого человека
вокруг спокойно и обыденно
течёт звучит листва рябая
и плачешь словно бы обидели
и осень всё же наступает

ну поставили в поле пугать ворон
будет пашня пухом сорняк пером
неподвижной фигуры пугаться грех
и вороны безгрешней всех
свет его обтекает со всех сторон
стадом солнечных зайцев и слышен гром
золотит солому и треплет лён
ослепительен ослеплён
тьма его обступает со всех сторон
по карманам шарит и под ведром
и от всякой звезды у него ключи
а поди ещё отыщи

дождь его размывает со всех сторон
он и так в окружающем растворён
все дороги сольются у борозды
над которой навек застыл
снег его обнимает со всех сторон
все поля обнимает и всех ворон
человек ли семечко в борозде
не всегда взойдёт не везде

можно. наверное, можно. конечно, можно - а
всё никак.
не приключается. не даётся. не происходит.
мятый бумажный журавлик горит в руках,
в тусклом небе синица снится к такой погоде.
ветрено, сухо, пыльно, холодно - то зима
пускает легавых гончих по чуть живому
следу,
сама же не выпускает из рук желтеющего
письма,
глаз не сводит с ягодной кляксы лета:
там была подпись - чья? подскажите, чья?
догоните, верните того, кто не смел
дождаться! -
скатертями дороги стелет, разгорается, как
свеча,
суженый, гончие, дождь стынует в осеннем
танце.

от происходит что-то важное
что именно не различить
и как подглядываю в скважину
а там темно и ключ торчит
гадать по шёпоту по шороху
по тени свету сквозняку
о том что правильно и дорого
и догадаться не могу
что просто тихо просто пасмурно
всем в ощущениях дано
одно
насколько же по-разному
невольню вольню пересказано
как будто птицей заводной

пьёшь пока не потечёт из уха
золотая медленная речь
нудная ноябрьская муха
разве ею можно пренебречь

и уже для внутреннего слуха
есть простые важные слова
на весах господних легче пуха
в жизни выносимые едва
их запить и можно дальше слушать
можно даже что-то говорить
и тогда удавка счастья туже
и короче жизненная нить

всё это происходит ни за что
и ни про что, а просто происходит,
оправдано не дружбой, не враждой -
всего лишь соответствием погоде
свет обнимает нас, и тени нет -
ну, разве что внутри ещё немного,
как будто это вещество, предмет,
явление порядка внеземного
так почему бы этому не быть,
когда оно - бестрепетно-живое,
как ласточка за пазухой судьбы -
и не болит, а смутно беспокоит
и завтра белорудые птенцы
бесстрашно перекраивают небо
над щёткой редкой лесополосы,
оно ни дружелюбно, ни враждебно
оно уже такое что ого
горит огнём и не сгорит вовеки
похоже это просто для того
чтоб что-то сдвинуть в мёртвом человеке
и не работа быт или напасть
им двигали а облака и птицы
и отомрёт
и вон уж скольких спас
вы смотрите и он себя стыдится

я не хочу "пока не разлучит"
вернее бы: пока друг другом дышим
пока взаимной радости лучи
теплом ласкают съехавшие крыши
и это солнце каждый божий день
сквозь радуги и облака и тучи
и тени в ослеплённой темноте
чему ещё прекрасному научат
и если о волнующем шепнут
лишённым сна и умиротворенья
то будет свет прелюдией ко сну
дыханием земли весны сирени

золотая звезда подсолнуха потускнела,
почернела, осыпалась, стала пустой и белой,
пустой и жёлтой, пустой и ржавой, сухой и
ломкой,
после - пылью на прядях сена, витках
золотой соломки.

золотая звезда подсолнуха днём и ночью
смотрит в меня, глядится, стихи бормочет,
а никому не видно, а ничего не слышно,
только скворец кукует на старой вишне.
золотая звезда подсолнуха, что ты, где ты?
если тревожит, волнует - значит, сиять не
время?

если ты - свет, как долго за краем света
можно стоять? до весны? до лета? до
повторенья
старой истории новичками, по всем
приметам.

если проходит всё, то пройдёт и это,
и повторится это.

поздняя женщина тихой идёт аллеей
улыбается
вряд ли о чём жалеет
кружится потому что никто не видит
даже внутренний строгий критик
а под ногами каштанов шары литые
золото листьев осколки пивной бутылки
на осколках горят световые блики
сердце моё не ты ли
разбито в великой битве
поздней осени с острой бритвой
и женщины поздней в сиянье простой
улыбки

опьянение - волна, упоение - волна,
и влюблённость - волна за волной,
а насколько волна солонa и сильна -
выбор, кажется, только за мной.
но решать не сейчас, выбирать не сейчас,
эти выбраны слишком давно -
разрастётся, навстречу безудержно мчась -
разминуться уже не дано.
грудью боком спиной встретить слиться с
волной
поднырнуть или лечь на волну
может на корабле выйти к новой земле
или просто солёной хлебнуть

так и так хорошо - и на пару минут
это здесь и сейчас и со мной:
выбираю волну - через жизнь поднырну -
и впишусь в завиток водяной

медленно качается вода
край ведёрный холодом обводит
жестяная рама нетверда
смята отражений половодьем
там комар и яблоко вот-вот
упадёт и небо опустеет
а потом наполнится листвою
дождевой и снежной канителью
миг спустя затянется ледком
поскользнёшься будто бы очнувшись
как легко всё как вдруг далеко
так за что падение и ужас
тащишь в дом неполное ведро
отражая словно обнажая
сквозь поверхность светится нутро
словно в прошлом окна продышали

любовь сильнее ненависти - правда,
ни та ни эта нынче не в чести
прикопаны до призрачного завтра
и хоть трава над ними не расти
и не растёт - но при любой погоде
сиюминутным спадам вопреки
любовь и только с нами происходит
хотя бы в измерениях других
а чем измеришь как её изменишь
ничем никак не стоило гадать
но ненависти в воздухе всё меньше
и вот уже пожалуй ни следа
и переход на личности возможен
естественен
предельно упрощён:
я - бог, ты - бог, мы - бог
и в сумме то же
когда б не одиночество ещё

ни много ни мало - видимо, в самый раз -
судьба отнимала легко и легко дарила;
принимала и понимала: это какой-то
праздник,
который всегда со мной - хвоя и мандарины
как тут рассудишь: жизнь или смерть
взаимы? -

всё за свой счёт - шарики, трубы, флаги,
из дырявой посуды белый мускат зимы
струйкой течёт по усам и в рот -
и сколько ещё во фляге

грай вороний потусторонний,
ветер, бредущий на лету -
бабье лето, увы, иронией,
не рябиной, горчит во рту.
небо синее, а как зимнее,
бездной холода дышит в грудь.
только кутаться не проси меня,
просто воздуха дай глотнуть.
чтобы пусто и чтобы холодно
и чёрт знает чего ещё
ну а после для счастья полного
носом ткнуться тебе в плечо

я и забыла, что это бывает так, как это бывает
- так,
как это снова и снова со смертными
происходит:
сила и слабость, сила и немота, слабость и
немота -
облачко слова, бабочка слова, бесплотное в
рамках плоти -
выдох, здравствуй или прощай - разницы в
общем нет,
что же тогда трогает сердце так, что
сила и слабость во мне, смертное это во мне
звучит во весь голос, а ничего не значит,
и потому легко и потому дышать
можно без слов в пустоту или в кошачью
холку
и тишина будет всё так же мучительно
хороша
так чего лепетать без толку
по-осеннему медленно облако проплывёт
лист пролетит бабочка трепыхнётся
сколько жизней у бабочки которую жизнь
живёт
знает ли отчего всё молча да молча под
белым поющим солнцем

Юрий Горбачев
(г. Новосибирск, Россия)

Автор романов, повестей, рассказов, эссе, очерков, репортажей, журналистских расследований, стихов, поэм и песен. Как литератор дебютировал в 80-х-90-х годах. Отец-основатель и гитарист арт-

группы «Старый чердак», в композициях которой реализованы попытки объединить стилистику рок-н-ролла, латиноамериканского джаза, блюза, фламенко, классической гитары. Считает себя продолжателем эстетических, эзотерических и философских воззрений поэтов Серебряного века. На рубеже 2000-ых примыкал к сообществу интеллектуалов Томского государственного университета, объединившихся вокруг литературно-художественного альманаха «Каменный мост». В последнее время его проза в манере магического реализма постоянно печатается в литературном журнале «Новосибирск» (Новосибирское отделение Союза писателей России). В 2015 году принят в основанное Константином Кедровым и группой поэтов-авангардистов "Добровольное общество охраны стрекоз"(ДООС).

ПРОБУЖДЕНИЕ

Побеги новые - сосновые,
как будто свечи в канделябрах,
березе - бальные обновы,
выделявала кренделя бы,
пустившись лебедем в осинники,
что по-озёрному синеют.
У елей талии осинные,
стоят по краю - и не смеют.
И заневестились черёмухи,
и мхов расстелены ковры,
у птахи певчей в трелях новый хит -
какой гармонии прорыв!
Кора виолончельной декою
вибрирует от первых звуков,
и нужно быть, конечно, докою,
чтоб – и Чайковского, и Глюка.

Скворцы во фраках – денди ладные,
у мраморных у колоннад,
медунки, как Татьяны Ларины-
и каждая наклонена
в приветственном поклоне-книксене,
и кружевом - кружа из леса...
Быть может это только снится мне,
как ельник - молодой повеса
берет за талию талину
у края водного, паркетного,
чтоб выкружить с ней на поляну,
для разговора для конкретного.
Симфонией мажорной дня
нагрянет вальс, воспрянет месса-
мазурочная болтовня
от сна очнувшегося леса.

ИЮНЬ

Когда июнь расправит кливер,
чтоб кони – в плывах по клеверам,
плыть до июля – дело плёвое.
Пары, как Черные моря.

И табунятся кучевые,
как каравеллы в парусах,
как скифов орды кочевые,
ушедшие на небеса.

И вот гривастый самый, белый,
по ватерлинию в траве.
И ближний лес, как возглас: «Берег!»
и траверс шеи экстравертен.

Верхом на нём – огнем закатным
Аттилы чёткий силуэт,
пират степей лавиной катится-
кто остановит силу эту?

Литовкою врезаясь косо-
что абордаж лихой ораве!
Идет стихов второй укос
по отрастающей отаве.

МУЗЫКАЛЬНОЕ

"Ведь в каждом дереве сидит могучий Бах..."
"Лодейников", Николай Заболоцкий.

В каждой малой травинке – Стравинский,
Ференц Лист в хлорофилле листа
на берёзе. В лице - ни кровинки
да линованная береста.

То ли это посмертные маски,
то ли свитки былых партитур?
В каждой ветке – Чайковского взмахи,
повелителя клавиатур.

Это ново ли? – по партитуре...
Вот когда импровиза полет,
вот тогда позабудь о халтуре,
если музыка в руки идет.

Крыша дачи, как крышка рояля
к лесу поднята наискосок.
И такие высоты и дали,
на дверной напирают косяк!

Загляну - прямо внутрь –и увижу,
как сонаты пульсируют вены,
утро иволг на веточку ниже,
как молитвы монах вдохновенный.

Это Вена, наверное, Брамса.
что кромсает симфонией зал!
И пока что ни пролил ни грамма
из того что кому-то отдал.

Эта Вена, конечно, мгновенна,
как в росе мой предутренний сад,
когда каплями звуков Шопена,
на заборе морденты горят.

Доннер ветер! Какой щедрый донор -
беладонною нас опоить!
У природы норовистый гонор-
по наитию вены кроить.

И до самых до дальних провинций,
многоликих, как песня скворца,
в каждой малой травинке –Стравинский,
в каждой птице великий - МоцАрт.

ВИШНЯ

В самом деле - всё мура,
всё, что слышно - это лишнее,
я сижу, как самурай,
созерцаю ветку вишни.

Вижу только лепестки,
только пестиков кувшины,
ветка – это взмах руки,
сокрушающего Шивы.

Этот миг мне всё же дан
онемения и запоя.
Это мой бойцовский дан -
вишни ствол, как чёрный пояс.

Выну самурайский меч
залежавшейся лопаты,
чтобы в форму всё облечь
Ясунари Кавабаты.

МАГИЯ ЦВЕТЕНИЯ

Как виноградная лоза -
подсказка ли в азартных играх?
так в эти пьяные глаза
сдаюсь, приняв монголов иго.
Магнолий магию. Цветение,
как света с тенью вечный бой.
Кто мы с тобою? Лишь растения,
переплетённые судьбой.

БАГУЛЬНИК

Багульник -ты не богохульник,
души таёжной богдыхан,
цветение весны разгульной,
и вот –под ножик – бездыханный.

Среди витринных марафетов,
чуть в стороне от книжного,
тебя возьму, как томик Фета,
княжны ладошкой нежною.

Ты тоже образ мироздания -
его основа и обнова,
на каждом стебельке звезда
миниатюрною сверхновой.

ТАЙГА.

Таёжный идол. Древо – великан.
Когда, какой народ тебе молился?
В чьей он крови, исчезнув, растворился,
оставив тайну будущим векам?

Прислушайся к скрипению ствола,
вглядишься в иссохшей кроны очертания,
и ты услышишь пение шамана,
кому поляна эта – капищем была.

И шевельнется вдруг когтистый сук.
И ветка обернется хищной птицей,
И будет над поляною кружиться,
и слушать бубна равномерный стук.

То кровь твоя стучится в тишине,
то время сквозь тебя свистит, как ветер,
не руки ли твои –вот эти ветви,
что словно к бубну, тянутся к луне?

Чиркнул спичкой и поднёс её
к частой сетке высохших валежин,
и огня литое остриё
распорол хрупкие мережи.

Вырвался из клетки едкий дух,
взвившись облаком давно прошедших
ливней,
вслед за ним - токующий петух
заискрился опереньем дивным.
Алыми бровями глухаря
вспыхнула кора ему в подмогу,
засверкало пламя алтаря
древнего языческого бога.

Зацвели саранки и жарки
на ветвях и скорченных кореньях.
Заблестели жёлтые клыки
и зрачков редчайшие каменя.

Пламя трав и позабытых вер
закипало на алтарной чаше.
Это, истекая кровью, зверь
с треском продирался в тёмной чаше.

И , стремясь замедлить этот бег,
следом ветки кровью истекали,
и смотрел на пламя человек
каменным застывшим истуканом.

Он какой-то древний стих слагал,
он молил повременить хоть малость,
и, дымясь, лосиные рога
языками к небесам вздымались.

И слова, обросшие листвой,
к небесам тянулись вместе с ними,
там , где вперемешку с мошкаркой
звездный рой толкся в клУбах дыма.

ВОСПОМИНАНИЕ О ЛЕТЕ. СТРЕКОЗА

Театр грациозных поз –
балет танцующих стрекоз.
Спектакль окончен. Где-ты, лето?
Лишь листья смятые – билеты
сквозь стрекозиное крыло
стекла квартиры – пятна мутные,
о том напоминал Крылов,
мы ж чувствуем ежеминутно...
Личинки быстрые машин
шныряют в глубине под ряскою.
Маши же крыльями, маши,
крась мир неоновую краскою,

вставляй в прожилки витражи
леса, болота, наши дачи,
и красоту их покажи,
чтоб было так, а не иначе.

ТАРАНТЕЛЛА ГЕНУЭЗЦА

Из Солдеи* отправлюсь в Торонто,
юркнув ласточкой в тесный проём,
тарантеллу станцует тарантул
в опустелом доспехе моём.

Пусть не телом, а только лишь прахом
здесь останусь – не повод к печали,
пусть совьёт быстроскрылая птаха
ком гнезда там, где сердце стучало.

Из глазниц же, откуда сверкали
мои очи – вообрази –
выбегать будут , жалея стрекалами,
сколопендры – навроде слезы.

Но душа –это парус в бойнице,
это Ницца, порты, причалы,
поцелуи моей баловницы,
там, где лютня моя брэнчала.

В щель забрала проросший полынный
чахлый кустик, – такой вот ценой!
На столе недочитанный Плиний
в кабинете, залитом луной.

В двух пространствах с тобою пребуду,
в десяти просквожу временах,
воплотясь и в Христа, и в Будду,
твой лютнист, твой Тристан, твой монах.

Между нами мечом, Изольда,
будет Млечный светиться путь,
море, словно мой плащ изодранный,
оголит бездонную суть.

Время суток такое, что гады
копошатся на дне, но ветер
открывает дали Синдбаду,
и Циклоп готовит свой вертел.

Но знакомый шорох сандалий
вдруг напомнит про Одиссея.
Да, меня вы где-то видали,
да и песни допел не все я.

*Солдея - генуэзское название
Судака(Крым).

ФЛАМЕНКО

Я взял гитару и вошёл
в гул набережен черноморских,
а вечер был, как будто шёлк,
на бёдрах обнажённых, мокрых.

Как бережно я нес её,
чтоб нянчить на коленях музыку
по набережным, но свое,
она мне пела, вторя звуку.

Конечно же, она в кафе,
изогнутою обечайкой
сидела. Я был ей до фени,
с моею музыкой нечаянной.

С моих коленей соскользнув,
она, раскинувшись, лежала,
и говорила: "Что ж ты, ну!"
И было ей меня не жалко.

Над обечайкой - чайки крик,
необычайною печалью,
как будто отражённый лик,
у опустевшего причала.

"Ну что ж, давай – сыграй меня,
я твое пенное фламенко..."
Накатывал прибой, маня,
но утопиться - было мелко.

ЛУНА

Александру Зенкевичу

Луна накрылась бледным тазом
и ну лудить прорехи туч,
чтобы не пропустить ни разу
ни эту лужу и не ту.

Тележным колесом Сансары
по кратерам, как луноход,
чтоб с конюхом, как древность, старым,
искать меж облаков проход.

Мы с ним в скафандрах белых бродим,
ведь до луны слетать - пустяк.
И вот я вижу –это Олдрин,
но только двести лет спустя.

Как в плату впаяны деревья –
они - один сплошной радар,
и вся притихшая деревня

читает лунный календарь.

Я твой, Селена, патриот.
Ты вся в светящихся полипах.
По огороду, как риод
пришелец шастает на липах.

Спеша мерцающей тропой,
как ртуть - ко рту, - сквозь таз дырявый,
пока не кончился припой,
луди, Луна, экстаз дарованный.

Россия паволок и пав
и синих взглядов с поволокой,
хочу в глазах твоих пропасть,
остаться болью и морокой.

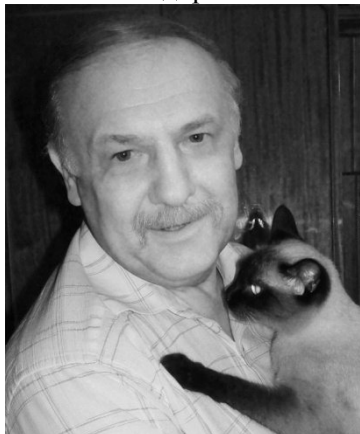
Хочу уйти в твою парчу
морозных окон, в тьму келейки.
Открыть псалтирь. Зажечь свечу.
Унянчить гусли на коленки.

Персты на струны. Звон да стынь.
Да слов летящих Гамаюны.
Огонь в печурке. «Чур!» да «Сгинь!»
Да зев отверстой домовины.

Верста к версте. Да взмах пера,
с крыла упавшего на битву.
Ещё не время, не пора.
Ещё хочу допеть молитву.

Фёдор Ошевнев
(г.Ростов - на - Дону, Россия)

Ошевнев Фёдор Михайлович. Член Союза

журналистов
России с 1990
года и Союза
русских
писателей с
2014 года.
Родился в 1955
году в городе
Усмани
Липецкой
области.
Окончил
химический

факультет Воронежского технологического института в 1978-м и факультет прозы Литературного института им. А.М. Горького в 1990-м. Четверть века отдал госслужбе в армии и милиции, которую проходил в Ставрополе и Ростове-на-Дону. Участник боевых действий. Ныне – майор внутренней службы в отставке, сосредоточен на литературной работе. Прозаик, публицист, журналист. Автор более тысячи журналистских материалов. Автор десяти книг и более двухсот публикаций в отечественной и зарубежной периодике. Печатался в ряде изданий Москвы и Санкт-Петербурга, во многих региональных журналах – от Калининграда до Владивостока и от Ставрополя до Приморского края. Также в Германии, Чехии, Бельгии, Финляндии, нескольких изданиях США, Канаде, Австралии, Израиле, Беларуси, Казахстане, Узбекистане, Армении, Азербайджане, Донецкой Народной Республике и в многочисленных интернет-ресурсах. Отмечен Почетной грамотой журнала «Новый свет» (Канада, Торонто) «За творческое упорство и множественные публикации в литературной периодике». Живет в Ростове-на-Дону.

ВЕРУЮЩИЙ БАТЮШКА

Плох тот диакон, который не мечтает стать священником, хотя упоминать и даже думать об этом среди церковников считается греховным. Мол, подобное самообольщение отнимает время, отпущенное Господом для спасения души.

Однако сын протоиерея одного из соборов южного российского города Владислав Кураков в глубине сердца мечтал.

Собственно, будучи потомком духовного лица, он попросту не мыслил себе иной жизненной дороги. И еще характерно, что с раннего детства мальчик отличался глубокой рассудительностью.

В первый раз в первый класс – в семьдесят восьмом году – он пришел, ведомый за руку не только матерью, но и отцом, тогда еще совсем молодым батюшкой, облаченным в рясу. И, разумеется, уже потому обратил на себя особое внимание – как своей учительницы, так и директора школы. Миновал месяц, и однажды она задержала Владика после занятий.

– Вот ты говоришь, что Бог есть, а наши космонавты, сколько ни летали, никогда его не видели, – авторитетно заявила она. – И почему?

– А для Бога космический корабль – это только малю-усенький из многих-многих коридорчик. Потому они Всевышнего из него и не видят. И никогда не увидят, если еще и не веруют, – был неожиданный ответ.

Учительница сразу не нашлась как возразить и сухо произнесла:

– Иди...

С ровесниками мальчик держался несколько обособленно, полагая, что среди них он по-своему избранный. Но, когда требовалось постоять за себя, стоял, и до конца. Лишь изначально обязательно крестился. И одноклассники быстро усвоили: если уж он это сделал, быть битве серьезной...

После школы – учеба в Ставропольской духовной семинарии. А перед самым поступлением в нее – так было угодно свыше – Владислав потерял мать. Она еще с детства страдала сердечной недостаточностью. И за год так и не смогла оправиться от обширного инфаркта, случившегося, когда сыну исполнилось шестнадцать.

В двадцать один год Кураков был рукоположен в диаконы. И во славу Господа начал путь служителя алтаря в старинном храме – небольшом и уютном, окрашенном в голубые тона, с шатровой звонницей и протяженным притвором, отделанным настенными росписями. Сам храм когда-то возвели на краю основанного задолго до революции кладбища. В середине тридцатых его полностью снесли и похоронили под масштабными производственными строениями. С тех пор об уничтоженном погосте напоминало лишь несколько давних могил, волею случая оказавшихся внутри церковного двора.

Прошло немало лет, пока к ним неожиданно прибавилась еще одна. Тогда по заданию настоятеля углубляли подвал под храмом (там новые шкафы по высоте не помещались) и случайно пробили внутреннюю каменную кладку, оказавшуюся перегородкой. За ней открылась потайная комната, на глаз три на три метра. Посреди нее лежали два скелета с простреленными черепами и в полуистлевшей казачьей форме. С погонами сотника и подьесаула – голубые просветы на серебряном поле, указывающем на принадлежность к войску Донскому. Убиенных перезахоронили в одной могиле и отпели.

Случай этот произвел на Куракова весьма гнетущее впечатление: насколько же сугубо бесчеловечным надо быть, чтобы вершить казнь в святилище, под сенью креста! А семьи погибших явно остались в полном неведении их ужасной судьбы.

Однако сравнительно молодой еще на тот момент диакон в углу тайника углядел обрывки плотного картона: это оказались остатки паспарту – специальной картонной рамки под снимок. Куски его за без малого век сильно выцвели, приобретя коричневатый оттенок. Аккуратно склеив полосками скотча фото и вооружившись лупой, Владислав разглядел на нем семейный портрет. Сидящий закинув ногу на ногу молодежавый мужчина в казачьей повседневной форме имел ярко выраженные надбровья, крупный подбородок и широкие усы стиля «шеvron». Рядом, с ребенком полутора-двух лет на руках, наряженным в матросский костюмчик, стояла приглядная женщина. С овальным лицом, прямым пробором на идеально гладких волосах и косой, уложенной на затылке корзиночкой. Одета в светлые юбку и блузку с богатой отделкой.

На обороте снимка трудно прочитывалась чернильная надпись: «Дорогому супругу и батеньке Платону Акимычу от жены Настасьи и сына Димитрия. Станица Новойдарская 1914-го года 16-го ноября». Здесь же имелось мастичное клеймо мастера, заключенное в прямоугольник: «Фото В. Квасова».

Пытаясь установить личность хотя бы одного из казненных, Кураков с благословения настоятеля обратился в епархиальный отдел по работе с казачеством. Сотрудники его связались с Новойдарской, и вскоре Владислав выехал туда на автобусе. Атаман тамошнего казачьего общества – дородный

мужчина с погонами есаула – привел диакона к старейшему из жителей станицы. Владислав предъявил иссохшему древнему деду улучшенный фотошопом снимок. Долгожитель нацепил очки, подслеповато прищурился.

– Да это же... Это Дмитрий Забазнов, друг детства мой, и с родителями, перед тем как отцу его на империалистическую отправляться. Говорили, приезжал он, кажись, в шестнадцатом в отпуск. Уже в чине подьесаула, с двумя «георгиями». А потом без следа сгинул. Ну, я о ту пору мал был, сам его не помню. Вот фотография у тетки Настасьи точь-в-точь такая же под образами в рамочке висела. Упокоились они давно – и мать дружка моего, и он сам. С

Отечественной-то с большими легкими вернулся. Всё кашлял, кровью харкал, потом исходил и едва за полста лет перевалил. Еле успел послевоенную дочку в техникуме выучить. Она сама, как на пенсию вышла, сразу к сыну в область и перебралась...

Дед взглянул еще раз на снимок, совсем по-детски шмыгнув носом.

– Чую, свидимся мы скоро, вышло и мое времечко. Эхх! Как и не жил...

Спустя несколько дней Кураков принимал в храме гостей: интересную пожилую женщину с прической а-ля Маргарет Тэтчер и розовощекого полнеющего мужчину лет тридцати.

Возложив на казачью могилу охапку редких черных калл, таинственных и элегантных, потомки подьесаула отстояли панихиду, поставили заупокойные свечи, пожертвовали храму круглую сумму. И всё душевно благодарили дьякона за разгадку тайны их рода и обретение могилы предка.

А имя павшего за Россию его сослуживца так и осталось неизвестным...

Кому-то из диаконов счастливится подняться рангом выше и стать священником чуть ли не на следующий день после первого рукоположения, а кому-то предстоит надолго задержаться на уровне низшего духовного сана. На всё воля Божия. Ну и людская тоже.

Когда-то, в самом начале приснопамятной перестройки, несколько прихожан обратились к отцу Владислава: а не согласится ли батюшка баллотироваться депутатом в районный орган местного самоуправления, так сказать, самовыдвиженцем? Паства же, мол, и поддержит, и разрекламирует. Тогда протоиерей – скажем так, не очень продуманно – письменно испросил

разрешения на это чуждое действо у каждого из постоянных членов Святейшего Синода. Официального ответа ни от кого из них он не получил, но этот вопрос на заседании Синода разбирался, и в итоге священника едва не лишили сана (с перевесом в его пользу лишь в два голоса). Посчитали, что гордыня обуяла, раз в мирские дела ввязаться восхотел. А чтобы впредь всяк сверчок знал свой шесток, покарали, услав в далекий райцентр, в маломощный и скудный приход. «Сын за отца не отвечает», – сказал еще до войны на совещании передовых комбайнеров товарищ Сталин, и эту знаменитую фразу немедленно и широко растиражировали советские газеты. Но последовавшие репрессии, увы, ее не подтвердили: в серпастом обществе ответ за родителя держать приходилось практически всегда. А священнослужителям – пусть даже и высокого сана – ничто общечеловеческое не чуждо. Вот потому-то, когда, не единожды за многие лета, на епархиальном уровне обсуждался вопрос рукоположения диакона Владислава, кто-то обязательно вспоминал: «Это ведь у него отца за малым не расстригли?»

И – общее резюме: «Пока подождем...»

К слову: хотя всякое сравнение и хромает, однако подобное поведение служителей культа отчасти походило на детскую склонность переносить личную неприязнь к какому-то учителю на его предмет. «Всякая власть от Бога». Знаменитейшие слова апостола Павла. Библейская аксиома. Так что неупустительно исполнявшему свои, согласно сану, обязанности диакону оставалось только смиряться и терпеливо ждать... ждать... ждать...

«Летят года неуловимо, куда-то быстро вдаль спешат, торопят нас неудержимо законы Божии познать...» Отец Владислав даже и не помнил, где и когда прочел он эти бесхитростные строки, глубоко врезавшиеся в память. А года действительно летели... И вот уже минуло более двадцати лет церковной службы, близилась дата серебряной свадьбы – «окольцевался» Кураков еще будучи семинаристом, – и дочь, окончив вуз, невестилась, а младшенькие, мальчишки-близнецы, доросли до старшекласников, постаревший же отец теперь часто прихварывал. Склонный к полноте служитель подобрел, широкоскулое лицо его совсем округлилось, а вдоль развитого лба обозначились короткие морщины. Появились и вертикальные

складки над основанием крупного, с маленькой горбинкой носа. Симптом зарождающейся аритмии сердца: у матери Владислава они после инфаркта были выражены особенно сильно.

К этому времени засидевшийся в диаконах человек устал безропотно ожидать рукоположения, и его матовые глаза минорно взирали на белый свет. Нет, бунтовать он вовсе не собирался. Он просто устал...

И вдруг – исполнение давней, еще детской мечты, с которой человек с дошкольных лет следовал по жизни, произошло не во сне, а наяву!

Хотя, конечно, «вдруг» – сказано неточно: этому предшествовала беседа с архиереем, объявившим Куракову об избрании его для хиротонии, затем «ставленническая исповедь» у духовника духовенства, в заключение которой отец Владислав смиренно просил о даровании ему непорочного священства, последующее говение...

Августовским воскресным днем, на литургии святого Иоанна Златоуста, церемония рукоположения, внушительная и торжественная, наконец содеялась.

«Аксиус!» (с греческого: достоин) – произнес в завершение ее архиерей, а преклонивший колени теперь уже бывший диакон ощутил прикосновение благословляющей его десницы и под торжественное пение хора, трижды повторившего это восклицание, получил из рук владыки атрибуты служения священника: епитрахиль¹, пояс, фелонь², наперсный крест и Служебник³, отныне став иереем. Трепетно и с непередаваемыми словами чувствами поцеловал он каждый из этих символических предметов и невольно прослезился. Совершилось!

По окончании таинства не обошлось, конечно, без традиционного в таких случаях основательного застолья.

Впрочем, всё это было вчера. А сегодня утром новоявленный батюшка – пока еще в гражданском облачении – сошел с маршрутки и без четверти десять шагнул на столь знакомый церковный двор. Перед центральным входом в храм привычно осенил себя крестом и прошествовал в отведенную ему келью, располагавшуюся в отдельно стоящем здании хозяйственных построек.

Там вновь перекрестился: теперь на иконы, двумя рядами висевшие на дальней стене довольно просторной комнаты на три небольших окна, облачился в песочный

подрясник и черные туфли и взглянул на часы – близилось время приема прихожан и других лиц. Попутно отец Владислав отметил: хотя отныне обязанности его стали иными, чего-то особенного, подспудно ожидаемого им в первый день своей службы Господу в новой ипостаси, вовсе не происходило.

Собственно говоря, а что именно следовало бы ожидать?

Ранее Куракову в подобных приемах напрямую участвовать не приходилось: не диаконовский это ранг. Вот молча слушать, как первый его настоятель ведет беседы с людьми, мудрости набираться да стараться таковую перенимать – это, конечно, куда легче. А тут – за всех и вся в ответе сам. Потому и волновался иерей: а вдруг да с каким необычным вопросом обратится кто-либо? Впрочем, на крайний случай всегда можно посоветоваться с опытным батюшкой – именно он сегодня по графику был дежурным священником в храме и вел богослужения.

Но никаких сюрпризов нынешний день пока не обещал. Прихожане спрашивали благословения на рождение отрока (ребенка) или на сдачу вступительных экзаменов в вуз, кто-то желал освятить квартиру, другой – икону,

¹ Епитрахиль – длинная раздвоенная лента, огибающая шею священника и соединенными концами спускающаяся на грудь.

² Фелонь – длинное широкое одеяние священника без рукавов, с отверстием для головы, вырезами спереди для рук, украшенное крестами (крестчатая риза). Своим видом напоминает ту багряницу, в которую был облачен надругавшимися над ним воинами страждущий Спаситель.

³ Служебник – книга, содержащая основные богослужебные тексты, произносимые священником; непереносимый атрибут для совершения литургии. договаривались по времени о крестинах младенца, а пожилая супружеская пара наконец-то надумала венчаться. Однако вот и трагический случай: «Батюшка, у меня сын двадцатилетний разбился на машине, сейчас в реанимации в тяжелейшем состоянии. Умоляю: научите, что делать дальше?»

И каждому надлежало разъяснить, дать совет, успокоить...

Когда все просители наконец разошлись, отец Владислав вышел на церковный двор: проветриться и обозреть, всё ли на храмовой территории в надлежащем порядке. Вскоре ноги привели его в маленький садик, в глубине которого располагались пять сохранившихся вековых могил и казачья, недавняя.

На одном из старых захоронений высился исполненный в неординарном, масонском стиле гранитный памятник в виде толстого ствола дерева с двумя отпиленными по бокам суками. Венчался он четырехконечным, из того же вечного камня, крестом. На срезах суков выбиты надписи: «Спаси, Господи, душу раба Твоего» и «Мир праху твоему», а в центре ствола – вырубленная ниша со стеклянной, в металлической рамке дверкой: под лампадку. Под нишей же красовалась ритуальная и опять-таки сработанная из гранита табличка, внешне походившая на старинную грамоту со слегка заворачивающимися краями. Текст на ней гласил: «Здесь покоится прах коллежского асессора И.А.Кафтановского, скончавшегося 25 апреля 1890 на 51 году».

– Здравствуйте, батюшка...

Отец Владислав повернулся влево: перед ним стоял маленький тощенький мужчина неопределенного возраста: то ли тридцать, то ли за сорок. Смущало сильно морщинистое и осунувшееся, плохо выбритое лицо. Но седина, даже на висках, вовсе не проглядывала. Серая рубашка, похоже, специально наполовину расстегнута, чтобы на хилой, но выпяченной груди хорошо был виден простенький нательный крестик. Очередной прихожанин? И следом мелькнула мысль: вот именно таких невзрачных мелкотравчатых мужичков на Руси издавна прозывали фуфлыгами.

– Здравствуй.

– Можно ли к вам обратиться?

– Обращайся, пожалуйста.

– Помогите, батюшка, чем можете, материально. Жена очень больная, после сильного инфаркта почти не ходит, только, пardon, до горшка. На лекарства бы... Обычно священники денег прихожанам не дают, а советуют молиться, и Бог, мол, тебе поможет. Но сегодня иерей без раздумий решил сделать исключение: ведь послезавтра исполнялось двадцать пять лет со дня кончины его матери, слишком рано ушедшей в лучший мир, и от той же самой

летальноисходчивой сердечной болезни, которой хворала жена просителя. Отец Владислав молча достал бумажник и вынул из него единственную тысячную, оставив лишь три или четыре медно-стальных десятирублевика – чисто на проезд. Нет, дома-то еще деньги наличествовали. Но именно на эту имеющуюся при себе «штуку» Кураков сегодня вечером рассчитывал приобрести колбасы-ветчины-сыра-селедки на поминки.

«Ладно, как-нибудь обойдемся. На благое дело ведь. Такой же страдальце, как и матушка была. А продукты... Что ж, в конце концов, еще завтра день будет, успеем закупиться», – подумал он.

– Спаси Господи, батюшка, за вашу доброту и помощь, – жадно цапнул крупную купюру тощенький. – Благословите на покупку лекарств.

– Бог благословит, – отвечал иерей, и даже обещание-то не стал брать, что не на предосудительные дела благоподаяние употребится.

Проситель быстренько упрятал деньги во внутренний карман пиджака, для надежности еще и застегнув его на булавку. И вдруг, сверх всякого чаяния, произнес, указуя на гранитное «суковатое» надгробие:

– Батюшка, а ведь здесь мой родственник лежит.

– Откуда ведомо?

– У меня прабабка почти век протянула – и чудное дело: всё на своих ногах, – так уверяла, что это дед ее был. Только не родной, а двоюродный, родному-то он почти в отцы годился. Совсем пацаном меня сюда в церковь приводила и могилку предьявляла. Я это «дерево недеревянное» с закидонами, – кивнул тощенький на монумент, – по его кошмарности враз упомянул... – И неожиданно подытожил: – А прабабка до чего набожна была – прямо страсть!

– Уважения достойно, – заключил отец Владислав, изумившись: надо же, насколько тесен оказался мир поднебесный! Насчет «недеревянного дерева» и «кошмарности» он выговаривать не стал, памятуя, что горбатого могила исправит.

Удовлетворенный проситель для приличия потоптался еще с полминуты.

– Ну, я пойду?

– Иди с миром...

Тощенький скорым шагом удалился. А священник вновь воззрился на столь необычной формы памятник.

«Видать, не из бедных покойный-то был, коль ему на этакую вычурность расстарались, – подумалось иерею. – Интересно, коллежский асессор – это высокий считался чин? Надо бы в Интернете глянуть... Полвека жизни... Немного, однако, он намерил. Удалось ли детей переженить? А собственно, были они у него? Одному Господу нынче ведомо... И сколь нагрешить успел и успел ли исповедоваться... Эх, жизнь наша скоротечная! Зато гранит второй век незыблем стоит. Но тоже: от всеобщего кладбищенского порушения лишь чудом уцелел...»

Кураков повернулся к соседствующей казачьей могиле: на деревянном кресте её теперь была установлена пластиковая, с окантовкой табличка серебряного оттенка с черным текстом: «Подъесаул войска Донского Забазнов Платон Акимович. 1889 – 19??» – и ниже: «Сотник войска Донского. Фамилия неизвестна».

«Обидно: так второй офицер безымянным и лежит, – оформилась у отца Владислава новая мысль. – Тут атаман ничем не помог: видать, этот убиенный из другой станицы был родом. А из какой – опять только Господу известно. Но хотя бы останки теперь в земле покоятся, родственники же подъесаула уход за последним пристанищем воинов блюдут. Вот совсем недавно опять каллы на могилу возлагали, панихиду заказывали».

Тут к размышляющему о телесной бренности и долговечности монументов подошла пожилая свечница, которая лет десять уж как работала в церкви.

– Батюшка, извиняюсь, у вас спросить можно?

– Спрашивай.

– Вот к вам сейчас мужчина такой мелковатый подходил, он денег просил?

– Да.

– И вы дали?

– Да.

– Ох, не на доброе дело он их у вас выцыганил!

– «*Не судите, да не судимы будете*». Он для больной жены, на лекарства.

– Батюшка, да он сроду никогда женат не был! Я ж его как облупленного знаю! По соседству живет. Бездельник и горький пьяница, креста на нем нет!

– Так имелся ведь.

– Значит, для блезиру нацепил. Он в церковь-то и носу никогда не кажет! А тут –

сподобился. Видать, узнал откуда-то про ваше рукоположение и момент выигрышный подгадал. В свою пользу. Ну а когда со двора-то поспешал, увидел меня у ворот, приостановился да и заявляет: мол, батюшка-то новый ваш сильно верующий оказался. Я ему: «Окстись, охальник, а каким же ему еще быть?» А этот алкоголик ухмыляется и ответно: «Да я в том плане, что всякому встречному-поперечному сразу-то верить не след». И помчался – небось до ближайшего гастронома, побыстрее зенки залить.

– Что ж... Бог ему судья, – только и вымолвил священник, разом ощутивший душевный дискомфорт: ведь на чем удалось сыграть грешнику! На святом, на памяти о самом близком и родном человеке!

...Спусти двое суток, аккурат в день поминовения матери, свечница с утра вновь подошла к отцу Владиславу.

– Батюшка, можно обратиться?

– Пожалуйста.

– Помните, у вас позавчера мой сосед неблагополучный денег выпросил?

– Помню, конечно, – поморщился иерей: придумала же баба опять на больную мозоль наступить! И к чему?

– Ну так вот: не пошли они ему на пользу.

Он в тот же день какой-то дряни паленой опился и к ночи помер. Сегодня похороны.

– Да-а-а, – поразился отец Владислав. – Надо же, насколько быстро его Божий гнев настиг. Господь ведь всё видит и никогда не бывает поруган.

Про себя же он подумал, что поскольку не признающих Бога и Он не может спасти, а в их числе и опочившего, то пусть останется это на Его воле. Другое дело, что дающий не во благо грех берущего разделяет. Посему помолиться за новопреставленного, в гибели которого, сам того не желая, оказался повинен, в любом случае необходимо. И хотя не дано понять, за что именно столь тяжко наказан, а с этим трагичным уроком как-то и дальше по жизни идти надобно.

© Vlad Bravve

